

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

31

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ УКРАИНЫ
ИМ. ЯРОСЛАВА МУДРОГО

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

Республиканский
межведомственный
научный сборник

В ы п у с к 31

Основан в 1976 г.

Харьков
1996

С О Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Петрова Л.В.</i> Щодо метафізичної сутності ідеї права.....	3
<i>Гончаренко В.Д.</i> Законодательное закрепление новой экономической политики в Украине (20-е годы).....	9
<i>Румянцев В.А.</i> Высшие государственные структуры Украинской Народной Республики периода директории.....	17
<i>Черниченко С.А.</i> Перестройка судебной системы Украины в начале 20-х годов: подбор и расстановка кадров органов юстиции.....	27
<i>Пирогова С.И.</i> Из исторического опыта государственного руководства кооперативным строительством в Украине в период нэпа (1922-1927 гг.).....	36
<i>Годыка Ю.Н., Бенедик И.В.</i> Проблемы конституционно-правового регулирования политической и государственной властей.....	43
<i>Кушниренко А.Г.</i> Избирательное право и избирательная система в Украине.....	54
<i>Слинько Т.Н.</i> Правовые проблемы регулирования информационных отношений в Украине.....	60
<i>Тищенко Н.М.</i> К вопросу об административной юстиции.....	69
<i>Приступа С.Н.</i> Понятийная сущность и методологическое значение компенсационной функции гражданского права.....	75
<i>Лушпаева Л.В.</i> Актуальные вопросы гражданской правосубъектности юридических лиц в системе АПК Украины в условиях рынка.....	84
<i>Жушман В.П., Гайворонський В.М.</i> Аграрна реформа - кооператизація чи нова колективізація?.....	90
<i>Стативка А.Н.</i> О некоторых проблемах правового обеспечения АПК как важнейшего звена экономики.....	98
<i>Тихий В.П.</i> Мотив и цель преступлений против общественной безопасности.....	103

Ломако В.А. О понятии и признаках наказания.....	111
Корчева З.Г. Некоторые вопросы ответственности за должностные преступления.....	117
Голина В.В. Научные подходы к деятельности по предупреждению преступности.....	127
Степанюк А.Ф. Структурно-функциональная характеристика деятельности по исполнению наказаний.....	137
Зеленецкий В.С. Возбуждение уголовного дела в связи с совершением преступлений с дисциплинарной или административной преюдицией.....	145
Горбачев А.В. Раскрытие преступлений и доказывание.....	157
Коновалова В.Е. Проблемы методики расследования преступлений, совершаемых организованными группами.....	168
Шепитько В.Ю. Систематизация тактических приемов в криминалистике: история возникновения и развития проблемы.....	174
Глибко В.Н. Назначение судебно-бухгалтерской экспертизы и использование ее выводов при расследовании хищений.....	180
Баранкова В.В. Нотариальная деятельность как правовая форма.....	185
Удальцова И.В. Актуальные вопросы рассмотрения дел о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным.....	193

Проблемы законности: Респ. междувед. науч. сб./Отв. ред. В.Я. Таций. - Харьков: Нац. юрид. акад. Украины, 1996. - 201 с.

В сборнике анализируются вопросы методологии правоведения. С учетом исторического опыта исследуются проблемы конституционно-правового регулирования политической и государственной власти, избирательного права. Особое место в нем отведено освещению гражданской правосубъектности, ответственности за некоторые виды преступлений, их предупреждению, методике раскрытия и расследования.

Рассчитан на преподавателей, аспирантов, студентов и практических работников, интересующихся теорией права и отдельными отраслевыми дисциплинами.

Редакционная коллегия: д-р юрид. наук В.Я. Таций (отв. ред.); д-р юрид. наук Н.И. Панов (зам. отв. ред.); д-р юрид. наук Ю.М. Грошевой (отв. секр.); д-р юрид. наук М.И. Бажанов; д-р юрид. наук М.И. Бару; канд. юрид. наук Н.П. Воронов; д-р юрид. наук И.Н. Данышин; канд. юрид. наук П.И. Жигалкин; канд. юрид. наук В.В. Комаров; д-р юрид. наук В.Е. Коновалова; д-р юрид. наук И.Е. Красько; д-р юрид. наук В.К. Попов; д-р юрид. наук Н.Н. Страхов; д-р юрид. наук Ю.Н. Тодька; д-р юрид. наук М.В. Цвик.

Адрес редакционной коллегии: Украина, 310024, Харьков, ул. Пушкинская, 77, Национальная юридическая академия Украины

Издание осуществлено при технической помощи консорциума "Верховенство права".

Контракт Агентства Международного развития США.

Адрес: Украина, 252033, Киев, ул. Саксаганского, 6.

© Национальная юридическая академия Украины
им. Ярослава Мудрого, 1996

ЩОДО МЕТАФІЗИЧНОЇ СУТНОСТІ ІДЕЇ ПРАВА

Філософія має справу з ідеями. До цих ідей належить і ідея права, якою займається філософія права. “Філософська наука про право має своїм предметом ідею права - поняття права та його втілення”, - читаємо в гегелевській філософії права (1, с. 59).

Яким чином можна довести метафізичну сутність ідеї права? Грунтовна відповідь на це запитання потребує неодмінного розгляду таких питань, як метафізика - історично перша філософія та позитивізм у науці. Метафізика (від грец. *Meta* та *physika* - те, що за фізичним). Її засновником був давньогрецький мислитель Арістотель. У праці “Метафізика” він констатував: 1) усі галузеві науки (фізика, астрономія, медицина, математика, юриспруденція і т. ін.) мають позитивну сферу вивчення, яка й утворює їх власні предмети; 2) предметом наук філософії є буття як таке в трьох вимірах: незмінно вічне та боже; постійно рухоме - природа; людина, яка пов'язує себе моральним законом.

Такою приблизно постає перед нами традиція метафізики з її головними темами аж до Канта та Гегеля¹.

У традиційному розподілі всіх наук на галузеві та особливу науку - філософію надзвичайно важливим є те, що предмет галузевих наук точний. Це явища, які фізично спостерігаються, та прості фізичні наслідки з них. Галузева наука відмовляється від пізнання того, що знаходиться за явищами, тобто від пізнання надфізичних, надчуттєвих речей. Міра істини для неї - в згоді з речами, в точній перевірці дослідом, спостереженням, практикою.

Це має назву “позитивізм”². Позитивізм філософський є напрямком у філософії і науці (від часів О. Канта),

¹ У сучасній європейській філософії термін “метафізика” вживається як синонім філософії. На нашу думку, цей термін (в етимологічно первісному своєму значенні) після десятиліть поплуження радянською теорією мусить зайняти належне місце у вітчизняній філософії сьогодення. У терміні “метафізика”, як ні в якому іншому, відбита сама сутність філософування.

² Позитивний (від лат. *Positivus* - позитивний) - ствердний, дійсно наявний, фактичний. Головним поняттям позитивізму є поняття “факт”.

який ґрунтується на "позитивному", тобто даному, фактичному, стійкому, безумовному, і обмежує ним своє дослідження, а метафізичні пояснення вважає теоретично нездійсненними і практично непотрібними, такими, що не мають користі. Питання, відповідь на яке неможливо проконтролювати шляхом досліду, позитивізм називає "псевдопитанням". Усі позитивісти єдині в тому, що позитивізм тісно пов'язаний з картиною світу і методами, притаманними природничим наукам. Звідси антифілософська реакція позитивізму проти раціоналізму, ідеалізму, спиритуалізму, інтуїтивізму. Не можна, правда, сказати, що філософські позитивісти не досліджують і не знаходять постійної повторюваності або ж регулярності поміж одиничними явищами, що і є законом у позитивізмі. Позитивісти мають справу з законом. Пізнання таких законів і утворює предмет позитивної філософії. Однак, якщо певну повторюваність або ж регулярність явищ можливо підтвердити безпосереднім емпіричним спостереженням, то матимемо емпіричний закон і не більше. Це закон явища, а не закон суті. Позитивізм, що ґрунтується на емпіризмі, не володіє тим чарівним словом - *iodos*, яке здатне перетворювати часткові та випадкові факти в загальні та необхідні істини. Позитивізму невідоме пізнання надфізичної, надчуттєвої сутності явищ. Вивчає він тільки поверхню речей.

Але ось з'явилася метафізика. Завдяки чому? Її поява зумовлена тим, що вже в перших матеріалістів почала зароджуватися (як, наприклад, у Греції) недовіра до знань, які сприймаються завдяки органам людського чуття і спостереження. І тоді за чуттєвим, непостійним, оманливим світом явищ, що спостерігаються, почали відшукувати інший світ. Дійсно, наші почуття часто нас вводять в оману. Виникає сумнів: чи дійсно речі такі, якими ми їх бачимо, чуємо, уявляємо; чи можна в пізнанні цілком довіряти нашим непостійним та мінливим почуттям. Метафізика з цього приводу і пізнає буття за межами речей, які фізично спостерігаються, через піднесені над чуттєвими даними умовиводи, тобто через мислення. Думка підкорюється об'єктивним, неупередженим і незалежним від суб'єктивних поглядів законам логіки. У цьому гарантія її досконалості та істинності.

Великі мудреці багато тисяч років тому знали, що фізичний світ, доступний спостереженню за допомогою

зовнішнього чуття, є лише дуже маленькою частиною світобудови, що для пізнання сфери надчуттєвого потрібні ще й інші засоби, потрібен розум.

І коли тепер ми скажемо: "В неймовірному руйнуванні хочемо бути впевнені в тому, що залишається, бо воно завжди є", тоді покликання та сутність метафізики (філософії) постає перед нами в усій своїй величі. Давати знання того, що завжди є, на відміну від явища, яке постійно щезає, - покликання філософії. Завжди має місце ідея (поняття) про явище, яка фізично не руйнується на відміну від завжди щезаючого явища як минущої форми цієї ідеї (поняття). Щоб мати чітку уяву, про що йдеться, досить послатися на добре відомі речі. Ті фізичні предмети, з якими має справу людина (скажемо, це с т і л), не вічні, рано чи пізно вони робляться непридатними для вжитку і руйнуються. Однак людина знову і знову відтворює їх. На якій підставі? Зрозуміло, що завдяки своєму уявленню, мисленню, тобто ідеї (поняттю цього с т о л а) тощо. Тому цілком справедливим є твердження про те, що була б правильна ідея, істина, а люди, здатні надихнутися нею, знайдуться.

Такий спосіб світопізнання зветься "ідеал-реалізмом" (реальність ідеальна), і підґрунтям для нього служить метафізика. Суттєвим є те, що жоден метафізик не заперечує, що філософія має справу з мисленням саме людським, а не якихось інших істот, спростовуючи цим самим містифіковану, згідно з шаблоною класифікацією, сутність метафізики. Звичайно, деякі метафізики-ідеалісти, наприклад, Платон, Гегель, вбачають у філософії поступове самоусвідомлення асолюту, але і вони визнають, що останній усвідомлює себе в людині і що таким чином у людському мисленні проявляє себе філософія. Вони обмежують філософію людським мисленням як єдино нам відомим. Звідси і їх визначення метафізики (філософії) як науки про істину, про людське пізнання сутності буття за допомогою понять, праці думки. Добувати таке знання - заняття метафізиків (філософів).

Розглянемо, яким чином за допомогою викладених філософських тверджень можна без особливих труднощів пізнати метафізичну, а не, скажімо, позитивістську сутність ідеї права, але за умови неодмінного оволодіння філософією питання. Без цього таке пізнання залишатиметься складним і малозрозумілим.

Зміст основного питання філософії права зводиться до тези: що таке право? чи існують у правовому житті постійні, незалежні від поглядів окремих осіб та угруповань елементи, чи там все умовне, плинне та мінливе? Інакше кажучи, чи все, що стосується змісту права, мінливе, чи, можливо, воно містить і стійкий, сталий елемент? Зрозуміло, що саме в цих попередніх запитаннях і занотовано метафізичний (філософський підхід) до права.

Подальший перебіг міркування такий. Законодавство змінюється. Це те, що не підлягає ніякому сумніву. Але що знаходиться за змінюваними юридичними нормами, що приховане за несталим законодавчим масивом? Метафізика (філософія) права щодо цього виявляє за змінюваними юридичними явищами стійку ідею права, що розкривається розумом людини. У ній - метафізична його сутність. За своїм змістом ідея права давно була з'ясована великими умами, що були світочами людської думки. У класичній філософії права ідею права розуміють як свободу (1, с. 59, 67, 393). Свобода є неодмінною суттєвою передумовою праведного, справедливого (*justum*), тобто правди і справедливості (*justitia*). Звідси і твердження про те, що право за своєю сутністю є правдою, справедливістю, свободою. Філософія права є тією наукою, яка має справу з істиною, яка добувається людством впродовж усієї історії саме в цьому її значенні. Ось чому на це право (*jus*) істинному юристові треба дивитися як на втілення в дійсності, в суспільстві і державі того, що має назву праведного і справедливого, а для цього він повинен неухильно просуватися до ясного, чіткого і виразного усвідомлення правди і справедливості; це усвідомлення дається метафізикою (філософією). Закон за своєю сутністю є правдою. А сутність правди може бути визначена лише в філософії.

Правова ідея виводиться із природного першоджерела права, яким є людина, і розгортається в систему як взірець для впровадження в життя держави та суспільства. В ідеї права визнають неминуще джерело загальних правничих принципів, які, в свою чергу, служать витокom для позитивного права (*jus positivum*) і є виміром його легітимності, засобом логічного тлумачення, доповнення і що більш важливо - його реформування. Позитивне право потребує, щоб його основи були зведені

до кінцевої, раціональної основи, абсолютної ідеї права і щоб на її основі вибудовувалося все право. Законодавча діяльність у тому і мусить полягати, щоб втілити ідею права, праведне і справедливе в позитивне право. Коли усвідомлено, що мусить бути правом, то усвідомлене стає позитивним правом. Без цього начала немає продовження і успіху в надбанні істинного знання, істинного пізнання права. Отже, оволодіння ідеєю права надає змоги усі різноманітні юридичні факти привести до кінцевих причин і основ (тобто ідеї права та принципів, що впливають з неї) і вже на їх підставі зрозуміти ці юридичні факти. Ідея завжди випереджує факт і вказує той напрямок, за яким факт мусить іти услід. Ідея оцінює факт. За такої умови юрист пізнає глибокий зв'язок юридичних фактів з ідеєю права як їх кінцевою і постійною причиною і таким чином осягає істинний смисл і дух юридичних приписів позитивного права. (Ніяка позитивна методологія досягти цього не спроможна).

Сьогодні юридичний матеріал розрісся до такого величезного обсягу, що здатний приголомшити юриста. Позитивні закони є творінням людської волі і як такі можуть бути справедливими або несправедливими. Де знайти критерій для виміру хоча б умовної переваги одного юридичного припису над багатьма іншими можливими юридичними приписами? Коли ж недостатнє метафізичне (філософське) розуміння ідеї права, немає і першої умови для правильного орієнтування. Тоді можливе лише механічне застосування юридичної норми до окремого певного випадку, здатне інколи призвести до великої несправедливості, спотвореного, але не до належного застосування права. Тоді юриспруденція з науки та мистецтва мислення, практичної справи забезпечення того, що має назву праведного і справедливого, перероджується в просте ремесло.

Вітчизняний правовий позитивізм, відкинувши метафізичне вчення про право, визначив своєю метою визчення лише позитивного права, яке він тільки і визнає правом. Якщо філософський позитивізм має справу лише з даністю, природною чи соціальною (про це йшлося на початку статті), то тотожний йому галузевий метод у правознавстві, яким є юридичний позитивізм, має справу лише з юридичною даністю, тобто нормативними актами, створеними державою. Такі акти і визнаються правом.

Все право є утворенням держави, залежить від державної влади, підкорено їй, позбавлено сенсу проголошення будь-яких вічних ідей і принципів. Все, що не є законом, юридичною нормою, позбавлено взагалі будь-якої сили.

Однак сукупність правил поведінки, які діють у суспільстві, само по собі ще не є правом. Наука про право не може обмежити своє завдання вказівкою на те, яке коло правил поведінки визнається об'єктивним, і подальшим догматичним вивченням таких правил. Цей догматизм у науковому мисленні призводить іноді до очевидного банкрутства науки, до її дискредитації, бо в житті кожного суспільства інколи мають місце обставини, коли звичне коло правил поведінки, в якій би мірі воно не було примусовим характеру і не було пов'язане з владою, ніяким чином не може визнаватися за право хоча б трохи розвинутою правосвідомістю. Той чи інший лад, який утверджується в державі та суспільстві, кваліфікується юристом у значенні правового лише за умови розгляду його під кутом зору підкорення його ідеї права та принципам, що впливають з неї. Позитивіст, однак, не має ніяких фундаментальних критеріїв оцінки юридичних явищ, окрім критеріїв державно-політичної доцільності; він не може принципово відрізнити право від неправа, насильства та свавілля. І саме для неправових держав властиве верховенство політики над правом.

Визнанням сучасною національною юриспруденцією природних (тобто природжених і одвічно притаманних людям як розумним істотам, а тому і до і надпозитивних) прав, завдано відчутної поразки філософському і юридичному позитивізму і засвідчено про звернення, можливо, на перших порах ще і не усвідомлене, до метафізики права. За такого звернення, на нашу думку, найбільш істотним має бути визнання правової ідеї нормою права прямої дії. (До речі, саме таке і відбувається, коли природні права людини визнаються міжнародно-правовими припасами і конституціями розвинутих країн світу безпосередньо чинним правом). Тоді посиленням на ідею права унеможлиблюватиметься неправовий припис державної влади, що, врешті речт, сприятиме подоланню характерного для неправових держав верховенства політики над правом. У правовій державі не видається ніяких законів, що суперечили б ідеї права, в ній державний інтерес, який лишає остронь

легитимні, правові закони, не має ніякої цінності. Ідея державного інтересу несумісна з ідеєю правової держави (2, с. 358, 112).

Загалом під кутом зору метафізики права з'являються плідні можливості для подолання методологічної кризи у викладанні юридичних дисциплін і надолуження дефіциту філософії у юристів.

Список літератури: 1. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем. - М.: Мысль, 1990; 2. Краткая философская энциклопедия. - М.: Прогресс-Энциклопедия, 1994.

В.Д. Гончаренко, д-р юрид. наук

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УКРАИНЕ (20-е ГОДЫ)

Переход Украины в 1920 г. к мирному строительству происходил в условиях тяжелого внутреннего положения. Значительный ущерб народному хозяйству нанесли военные действия, которые продолжались на территории Украины на протяжении нескольких лет, а также осуществлявшаяся большевиками военно-коммунистическая политика. Наибольшим разрушениям подверглись тяжелая промышленность - машиностроение, горнорудная промышленность, металлургия, а также железнодорожный, речной, морской транспорт, значительным - легкая и пищевая промышленность.

В очень сложном положении оказалось сельское хозяйство страны. Его положение усугублялось продовольственной разверсткой и запретом крестьянам торговать, что сдерживало их заинтересованность в развитии своего хозяйства. Дела в сельском хозяйстве усугублялись сильной засухой, которая в 1920 - 1921 гг. охватила южные и юго-восточные районы Украины. Разруха в сельском хозяйстве привела к тяжелейшему стихийному бедствию - голоду, который угрожал жизни десяткам миллионов граждан СССР. Демографические последствия голода в Украине были тяжелыми. Количество умерших от голода в начале 20-х гг. исчислялось сотнями тысяч (18, с. 13). Однако, невзирая на кризисное состояние в

сельском хозяйстве, полную незаинтересованность хлебопашцев в расширении производства, большевистское руководство не отказывалось от военно-политической доктрины, продолжая взимание продразверстки, причем нередко с помощью вооруженных рабочих и красноармейских отрядов. В ответ на эти акции властей крестьяне начали оказывать вооруженное сопротивление. По всей Украине распространялось, крестьянское движение, которое официальная пропаганда объявила "политическим бандитизмом", "кулацким саботажем" продовольственной политики советской власти.

В феврале 1921 г. органы госбезопасности сообщали о 118 значительных восстаний в Украине (9, с. 60). Усиливалось рабочее забастовочное движение, которое власти решительно подавляли. Все это свидетельствовало о том, что внутреннее положение Советской Украины в начале 1920-х годов было исключительно тяжелым. Вследствие политики "военного коммунизма" были дезорганизованы хозяйственные связи, до полного упадка доведено сельское хозяйство. Длительные военные действия разрушили материально-техническую базу тяжелой промышленности. Производственные связи между городом и селом, отдельными экономическими районами были подорваны. Катастрофический неурожай 1921 г. довершил дело: УССР оказалась накануне хозяйственного краха. Становилась все очевиднее необходимость скорейшей замены экономической политики большевиков, которая базировалась на основах военно-коммунистической доктрины.

Реальный переход к новой экономической политике (нэпу) в советских республиках, в том числе и в УССР, начался после того, как X съезд РКП(б) принял в марте 1921 г. решение о замене продовольственной разверстки натуральным налогом. Это решение большевистского съезда легло в основу целого ряда законодательных актов, принятых государственными органами РСФСР, а затем продублированных в УССР. Так, чрезвычайная сессия ВУЦИК V созыва приняла 27 марта 1921 г. постановление "О замене продовольственной разверстки налогом" [17, 1921, № 5, ст. 143]. Налог был меньшим в сравнении с продовольственной разверсткой. С целью заинтересовать крестьян в своевременном выполнении обязательств перед государством и развернуть товарооб-

мен, СНК УССР принял 19 апреля 1921 г. постановление о свободном обмене, купле и продаже сельскохозяйственной продукции, которая оставалась у крестьян после сдачи налога, а также фабрично-заводских и кустарных изделий. Решение об отмене продразверстки и введение натурального налога было стимулом для развития сельского хозяйства. В последующем государственные органы УССР приняли ряд законодательных актов, которые стимулировали восстановление сельского хозяйства. Ведущее место среди этих актов занимал утвержденный в ноябре 1922 г. Земельный кодекс УССР. Введение начал нэпа в сельском хозяйстве Украины позитивно повлияло на его восстановление. В 1925 г. общая посевная площадь и средняя урожайность зерновых культур в Украине достигли довоенного уровня (1913 г.). Одновременно с развитием зернового хозяйства расширились площади засева технических культур, увеличилось поголовье рабочего и продуктивного скота.

Возрождение сельского хозяйства позволяло обеспечить рабочих хлебом и другими продуктами питания, а промышленность сырьем, чем создавались благоприятные условия для восстановления и дальнейшего развития промышленности. Но это только одна сторона проблемы. Нужно было немедленно реорганизовать на началах нэпа управление национализированной промышленностью, наделить государственные предприятия хозяйственно-оперативной самостоятельностью и перевести их на хозяйственный расчет. Это прежде всего было связано с тем, что реальный переход к нэпу привел к широкому использованию рынка и рыночных отношений. Уже осенью 1921 г. Советское государство использовало товарно-денежные отношения. Проведение в жизнь хозрасчета обусловило выделение хозяйственных комплексов (государственных трестов и предприятий) из общей массы государственного имущества и признание за ними хозяйственной самостоятельности [11, с. 35]. В Украине тресты стали создаваться с осени 1921 г. Правовое положение трестов было определено декретом ВУЦИК от 2 июля 1923 г. "О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)". В ст. I Декрета устанавливалось, что государственными трестами являлись государственные промышленные предприятия, которым государство пре-

доставляло самостоятельность в осуществлении своих операций согласно утвержденному для каждого из них уставу и которые действовали на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли [17, 1923, № 25, ст. 377]. Руководство трестами осуществлял СНХ УССР. Внедрение начал нэпа в промышленности Украины позволило восстановить ее в короткий срок. Так, во втором полугодии 1925-1926 хозяйственного г. был превышен довоенный уровень производства. Валовый продукт всей государственной промышленности УССР в 1925 г. составлял 90, 5 % довоенного [7, с. 67].

Для того чтобы ускорить возрождение промышленности и наладить обмен между нею и сельским хозяйством, советская власть значительное количество мелких предприятий передала в аренду организациям (комнезам, кооперативам, артелям), а так же частным лицам, во многих случаях бывшим собственникам этих предприятий. По состоянию на конец ноября 1921 г. в Украине в аренду было отдано 5 286 мелких предприятий пищевой, кожевенной, химической и других отраслей промышленности [16, с. 14]. Таким образом, с переходом к нэпу создавались условия для появления в Украине так называемой новой буржуазии (арендаторов, частных торговцев, комиссионеров и пр.). Для предпринимателей-частников обобщающим названием стало слово "нэпман" [2, с. 1]. В начале нэпа наблюдалось увеличение числа представителей новой буржуазии. Однако в целом экономические позиции нэпманов были слабыми из-за использования советской властью разнообразных ограничений (экономических и административных). Так, в отличие от государственной промышленности частнокапиталистические предприятия в последние годы восстановительного периода (середина 20-х гг.) приходили в упадок. Стремясь не допустить значительной концентрации частного капитала, государство активно вмешивалось в частный сектор экономики, используя прежде всего налоги, с помощью которых нэпманы лишались возможности получения значительной прибыли. Классовая политика в области кредита, закупочных и розничных цен, транспортных тарифов, трудового права также сдерживала развитие частного капитала [14, с. 105].

Внедрение принципов хозрасчета обусловило необходимость пересмотра ряда важнейших институтов

трудового права, в первую очередь отмены трудовой повинности и трудовой мобилизации, а также изменения системы оплаты труда. Вместо уравниловки в снабжении, которая существовала в годы "военного коммунизма", постепенно вводился принцип оплаты в зависимости от количества и качества труда. В Украине был принят ряд правовых актов, призванных усовершенствовать систему оплаты труда. Началу пересмотра системы оплаты труда положило постановление СНК УССР от 23 сентября 1921 г. "О тарифной и финансовой политике" [17, 1921, № 19, ст. 548]. Новые подходы к оплате труда были закреплены в Кодексе законов о труде УССР 1922 г.

Одной из важнейших составных частей новой экономической политики была торговля. Поэтому не случайно Советское государство значительное внимание уделяло законодательному регулированию торговли, как государственной и кооперативной, так и частной. Как отмечалось, например, в отчете правительства УССР IX Всеукраинскому съезду Советов (май 1925 г.), только за период 1923-1924 гг. были приняты такие правовые акты в области торговли, как постановление ВУЦИК и СНК УССР от 3 января 1923 г. "О купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа", постановление СНК УССР от 23 февраля 1924 г. об утверждении "Положения о товарной бирже", постановление ВУЦИК и СНК УССР от 1 марта 1924 г. "О борьбе с дороговизной", постановление СНК УССР от 25 сентября 1924 г. "О фирме", постановление СНК УССР от 2 октября 1924 г. "О торговом реестре" [5, с. 17].

В то время, когда развитие государственной и кооперативной торговле государственными органами всячески стимулировалось, регулирование частной торговли со стороны государства было непоследовательным и сводилось в значительной степени к ее всемерному ограничению и вытеснению. Основными методами воздействия со стороны государства на частную торговлю были: изъятие некоторых видов торговли из сферы, разрешенной для частных лиц деятельности, и монополизация в руках государства торговли целым рядом объектов, налоговое обложение частной торговли и ограничение ее кредитования, экономическое регулирование торговли путем выхода государственных торговых организаций на свободный рынок и использование методов конкуренции, рыночной

борьбы и т. д., административное регулирование торговли [19, с. 1438]. Для сдерживания намерений частных торговцев выйти за установленные законодательством рамки государство активно использовало судебные и административные органы.

Значительную роль в усилении регулирующего влияния на рынок со стороны государства сыграло использование в годы нэпа такой формы организации обмена, как биржа. Советские биржи ограничивали частный оборот, способствовали внедрению плановых начал в развитие товарооборота. В руках государственных органов биржи стали одним из действенных рычагов воздействия на частную торговлю [3, с. 83]. В Украине начало формирования биржевой торговли приходится на 1923 г. Правовой базой для деятельности товарных бирж в Украине было прежде всего действовавшее и в УССР постановление СТО РСФСР от 23 августа 1923 г. "О товарной бирже, а также примерный устав товарной биржи" [12, с. 40]. Большое значение в укреплении товарооборота, укреплении хозяйственных связей сыграла ярмарочная торговля в Украине. В декабре 1922 г. СНК УССР принял постановление "О порядке открытия ярмарок".

Переход к нэпу сопровождался укреплением такой сферы, как финансы и кредит. Нормализации экономического положения в значительной мере способствовала денежная реформа. В октябре 1922 г. был введен банковский билет (червонец), который обеспечивался золотом, валютой, легко реализуемыми товарами. Однако стабильный червонец вначале обслуживал только потребности оптовой торговли и расчеты между государственными предприятиями и учреждениями. В розничной торговле и сельском хозяйстве продолжал функционировать совзнак, который в связи с отсутствием иных ресурсов использовался государством для покрытия бюджетного дефицита. В феврале 1924 г. согласно декрету ЦИК и СНК СССР в оборот были введены государственные казначейские билеты достоинством 1, 3, 5 рублей злотом [6, с. 480].

На рубеже 1925-1926 годов заканчивался восстановительный период, когда на началах нэпа в республике были достигнуты значительные успехи во всех отраслях народного хозяйства. Улучшилось материальное положение граждан. По уровню потребления пищевых продуктов

гражданами СССР в 1927-1928 г. показатели по сравнению с дореволюционной Россией возросли [10, с. 19]. Экономика страны в целом, и СССР в том числе, вступила в новый этап своего развития. Он был обусловлен прежде всего решениями XIV съезда ВКП(б) (18 - 31 декабря 1925 г.), взявшего курс на индустриализацию страны, и решениями XV съезда ВКП(б) (2 - 19 декабря 1927 г.), который провозгласил курс на коллективизацию сельского хозяйства. XV съезд ВКП(б) утвердил директивы первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. В мае 1929 г. проект пятилетнего плана Союза ССР утвердил V Всесоюзный съезд Советов [15, с. 155]. В СССР первый пятилетний план развития народного хозяйства республики утвердил XI Всеукраинский съезд Советов (7 - 15 мая 1929 г.). Первый пятилетний план был отработан в двух вариантах - отправном и оптимальном (напряженном). Однако и оптимальный план был отклонен вскоре после его принятия V Всесоюзным съездом Советов.

Осенью 1929 г. по инициативе Сталина был взят курс на "великий перелом", т. е. безостановочное повышение показателей первого пятилетнего плана в области индустриализации и коллективизации сельского хозяйства [1, с. 263]. Сталин пренебрег документом, разработка которого заняла очень много времени и сил [8, с. 13]. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся в 1929 г., санкционировал форсирование индустриализации и процесса коллективизации сельского хозяйства. Последствия осуществленного в конце 1929 г. под нажимом Сталина и его ближайшего окружения поворота для народного хозяйства и судеб миллионов граждан страны оказались очень тяжелыми. Так, "подхлестывание" индустриализации обернулось невыполнением основных заданий пятилетки [13, с. 236 - 239]. В начале 30-х годов было полностью покончено с частным капиталом в промышленности и торговле.

Одним из основных способов давления на частный капитал в народном хозяйстве Украины была жестокая налоговая политика властей [4, с. 76]. Однако использовались и заимствованные от эпохи "военного коммунизма" принудительные меры, например во время хлебозаготовительной кампании 1928 г. К крестьянам, собственникам хлеба, которые уклонялись от сдачи хлебных излишков

по государственным ценам, органы власти применяли чрезвычайные меры, были привлечены к уголовной ответственности тысячи хлеборобов [7, с. 166]. Все это привело к слому нэпа в наиболее важной системе экономических отношений - отношений между городом и селом [10, с. 10].

Полным отказом от начал нэпа в сельском хозяйстве было проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства, которая началась в 1929 г. В целях обеспечения успеха этой небывалой в истории человечества акции партийно-государственная верхушка во главе со Сталиным противопоставила беднейшим слоям села наиболее зажиточных и экспроприировала последних под лозунгом "ликвидации кулачества как класса". Последствия сталинской коллективизации были ужасными. Наложённая на колхозы тяжелейшая продразверстка, жесткая регламентация их хозяйственной деятельности привели к глубокой деградации продуктивных сил села и в конечном итоге к голоду 1932 - 1933 гг., в результате которого в Украине погибли миллионы людей.

По мере сворачивания нэпа укреплялась централизованная командно-административная система управления народным хозяйством Украины. Новый хозяйственный механизм базировался на директивном планировании, а не на экономических началах, как это было в период новой экономической политики. Укоренившаяся в начале 30-х годов командно-административная система управления создавала благоприятные условия для разрастания бюрократизма и усиления позиций его носителей - партийно-государственной номенклатуры, которая становилась своеобразным каркасом всего социально-экономического и политического строя Украины. Ее представители занимали все руководящие должности в партийных, государственных, хозяйственных, профсоюзных кооперативных и иных органах всех уровней. Подбор номенклатуры осуществлялся по таким критериям: членство в большевистской партии, рабоче-крестьянское происхождение, активное участие в борьбе за установление советской власти.

Новая экономическая политика оказала значительное позитивное влияние на государственный аппарат и право УССР и ее свертывание в конце 20-х годов нанесло непоправимый ущерб социально-экономическому,

государственному, правовому строительству в Украине в последующие годы.

Список литературы: 1. Борисов Ю.С., Курицын В.М., Хван Ю.С. Политическая система конца 20-30-х годов: О Сталине и сталинизме // Историки спорят. 13 бесед. - М.: Политиздат. - 1988. 2. Даниленко В.М. та ін. Сталінізм на Україні. 20-30-ті роки. - К.: Либідь. - 1991. 3. Дмитриенко В.П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. 1921 - 1924 гг. - М.: Наука. - 1971. 4. Документи ЦДАЖР УРСР про здійснення політики обмеження і витіснення капіталістичних елементів на Україні в 1927 - 1929 рр. // Архіви України. - 1972. - № 2. 5. Звіт робітничо-селянського уряду України за 1923 - 1924 рік. До дев'ятого Всеукраїнського з'їзду Рад робітничих, селянських і червоноармійських депутатів. - Х., 1925. 6. История Советского государства и права: В трех кн.: Кн. вторая. - М.: Наука. - 1968. 7. Історія Української РСР. - У восьми томах, десяти книгах. - Том шостий. - К.: Наук. думка. - 1977. 8. Кондуфор Ю.Ю., Кульчицкий С.В., Хміль І.С. Україна: Діалектика історичного розвитку // Сторінки історії Української РСР: факти, проблеми, люди. - К.: Рад. школа. - 1990. 9. Конквест Р. Жнива скорботи: радянська колективізація і голодомор / Пер. з англ. - К.: Либідь. - 1993. 10. "Круглый стол": Советский Союз в 20-е годы // Вопр. истории. - 1988. - № 9. 11. Курицын В.М. Переход к нэпу и революционная законность. - М.: Наука. - 1972. 12. Лантух В.В. Становление и развитие торговли в Украине в 1921 - 1932 гг. - Х., Основа, 1992. 13. Лацис О. Выйти из квадрата: Заметки экономиста. - М.: Политиздат. - 1989. 14. Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: Разработка и осуществление. - М.: Политиздат. - 1982. 15. Съезды Советов в документах: Сб. док. в трех томах. 1917 - 1936 гг. - Т. 3. - М.: Госюриздат, 1960. 16. Сборник отчетов Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров, Наркоматов, Уполномоченных и Центральных учреждений УССР 6-му Всеукраинскому съезду Советов р-к. и к. депутатов. - Х., 1921. 17. СУ УССР. 18. Україна. - 1993. - № 13. 19. Энциклопедия государства и права / Под ред. П. Стучки. - М., 1925. - Т. II.

В.А. Румянцев, канд. юрид. наук

ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ПЕРИОДА ДИРЕКТОРИИ

14 ноября 1918 г. лидеры политических партий, входивших в Украинский национальный союз, создали для руководства повстанческой борьбой против гетмана П. Скоропадского Директорию в составе: председатель - В. Винниченко (представитель УСДРП), члены - С. Петлюра (УСДРП, представитель сечевых стрельцов), Ф. Швец (представитель "Селянської Спілки"), П. Андриевский (социалист-самостийник), А. Макаренко (беспар-

тийный, представитель железнодорожников) [3, т.2, с.515].

По своей природе Директория являлась межпартийным координационным центром повстанческой борьбы против гетмана, объединявшая лидеров наиболее влиятельных украинских политических партий и организаций. Ее представитель В. Винниченко писал, что Директория получила "полновластие от имени всех политических партий украинства" [1, ч. III, с. 106]. Но вместе с тем буквально с первых дней существования Директории ее лидеры смотрели на нее не только как на организационный центр повстанческой борьбы, но и как на важнейшую государственную структуру возрождаемой Украинской Народной Республики. С созданием Директории, отмечает тот же В. Винниченко, "фактически и юридически период Гетманщины заканчивается. Хотя Гетманщина просуществовала номинально в Киеве еще месяц, вся тяжесть государственно-национальной жизни перешла с 15. XI к Директории" [1, ч. III, с. 114 - 115]. И только 14 декабря 1918 г., после провозглашения гетманом П. Скоропадским грамоты об отречении, Директория фактически пришла к власти.

К сожалению, приход к власти Директории вылился не в практические дела, а в целую серию празднований. В. Винниченко с горечью писал: "Перед нами стоял целый ряд кричащих вопросов нашей политики, от которых зависело существование Республики; вокруг нас творился хаос, с которым нужно было немедленно начать самую серьезную борьбу; нас с нетерпением ждали все серьезные политические партии в Киеве. А мы не могли туда ехать, ибо штаб готовил вступление Головного атамана в Киев" [1, ч. III, с. 163].

26 декабря 1918 г., спустя полтора месяца после создания Директории и начала восстания и через две недели после взятия Киева, Директория опубликовала свой программный документ - "Декларацию Директории Украинской Народной Республики", которой провозглашала ликвидацию гетманского государства и возрождение Украинской Народной Республики. Директория заявляла, что она стремится установить баланс между революционными реформами и порядком. Однако предпочтение при этом отдавалось явно первым. В декларации выразительно прослеживаются два аспекта: социально-эконо-

мический - экспроприация государственных, церковных и крупных частных землевладений, огосударствление экономики, запрет свободной торговли; и общественно-политический - отказ от демократических принципов всеобщего избирательного права и осуществление выборов на основе аморфного "трудового принципа". Уже своими лево-социалистическими программными положениями, по мнению современников тех событий, Директория устроила "соревнование с большевиками в левизне" [10, с. 49]. Вполне закономерно, что эти популистско-демагогические лозунги оставались только на бумаге, "а деятельность властей Директории, - как это вынуждены были признавать даже ее лидеры, - осуществлялась совсем по иной, неписанной и неоглашенной программе" [1, ч. III, с. 180].

В тот же день, 26 декабря 1918 г., было создано первое правительство Директории - Рада народных министров под председательством социал-демократа радикальной ориентации В. Чеховского. Здесь следует воздать должное усилиям Директории. С первых дней своей деятельности она заботилась о создании органов центрального управления. Еще в первые дни восстания в Виннице была сформирована Временная Рада заведующих государственными делами. Этот орган не имел четко определенных функций, а был своего рода совещательным органом Директории в государственно-административных вопросах и с отъездом Директории из Винницы автоматически прекратил свое существование. С момента взятия Киева и до создания первого правительства Директории высшую административную власть в Киеве осуществлял Революционный комитет в составе 14 комиссаров [1, ч. III, с. 192, 193].

Перед Директорией и ее правительством сразу же возник вопрос: какую форму власти принять для возрождаемой Украинской Народной Республики? Примечательно, что, возрождая УНР, никто из политических деятелей не ставил вопрос о созыве Центральной Рады [8, с. 199]. Большинство украинских политических деятелей были против диктатуры пролетариата в форме большевистских Советов. Поэтому еще в Виннице в начале декабря 1918 г. Директория на совещании с представителями политических партий приняла за основу государственного строительства так называемый "трудовой принцип", в соответ-

ствии с которым власть на местах следовало передать трудовым Радам. Избирать и быть избранными в них имели право рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция. Верховная власть в Украине должна была принадлежать сформированному на тех же началах Трудовому Конгрессу. Избирательных прав лишались помещики, капиталисты и другие эксплуататорские элементы. Причем среди членов Директории не было единства взглядов на понятия "народ" и "трудящиеся массы". И, как следствие, избирательных прав были лишены не только помещики и капиталисты, а почти вся интеллигенция: врачи, учителя, преподаватели вузов, адвокаты, писатели и др. В понятие "трудовая интеллигенция" включались такие ее представители, которые "непосредственно работали для трудового народа", - учителя народных школ, фельшера, служащие контор и т. п. [5, с. 102]. Такие принципы избирательного права мало чем отличались от соответствующих положений Конституции РСФСР 1918 г. и давали серьезные аргументы западным государствам обвинять Директорию в "большевизме".

5 января 1919 г. Директория приняла избирательный закон, в соответствии с которым на Трудовой конгресс следовало избрать 593 делегата: 377 от крестьян, 118 - от рабочих, 33 - от трудовой интеллигенции и 65 - от западноукраинских земель [7, с. 260]. И хотя Директория отказалась от пресловутого "трудового принципа" и допустила к выборам на Трудовой конгресс интеллигенцию, не разделяя ее на "трудовую" и "нетрудовую", однако она получила столь ничтожное представительство, что ее голоса не имели никакого реального значения [10, с. 50].

Раскол в среде социалистических партий накануне созыва Трудового конгресса не давал никаких шансов на выработку единого подхода к вопросу организации власти в УНР, хотя усилия к этому и предпринимались. 16 января 1919 г. было проведено совместное заседание Директории, правительства и представителей сечевых стрельцов, на котором были рассмотрены три варианта организации власти: продолжать существующую политику Директории; провозгласить диктатуру пролетариата на манер большевистской и передать власть Советам; провозгласить военную диктатуру во главе с "триумвиратом" - С. Петлюрой, Е. Коновальцем, А. Мельником. Но

ни один проект не получил поддержки большинства участников заседания, и поэтому было решено все оставить по-прежнему до созыва Трудового конгресса [8, с. 210], который должен был принять окончательное решение о форме власти в государстве и персональном составе высшего руководства УНР.

23 января 1919 г. Трудовой конгресс, на который прибыло около 400 делегатов, из них 65 - от Западно-Украинской Народной Республики, начал свою работу. Его первым и важнейшим решением стало утверждение Акта соборности - объединения двух частей Украины (УНР и ЗУНР) в единое государство.

Значительное место в ходе работы Конгресса заняли дебаты вокруг вопроса о выборе внутривластного курса. Большинство на этом форуме принадлежало эсеровской "Селянській Спілці", имевшей три течения. Наиболее левые - "боротьбисты" (Г. Гринько, В. Еланский, А. Любченко) откровенно были за объединение с большевиками и установление в Украине советского строя. Центристскую позицию занимала фракция во главе с М. Грушевским, М. Любинским, Н. Шаповалом, которая настаивала на передаче власти "трудовым радам крестьянских и рабочих депутатов" [9, т. 2, с. 519], но на большевиков не ориентировалась. Наибольшая по численности фракция Трудового конгресса решительно отвергала эти идеи и отстаивала принципы парламентской демократии [8, с. 211, 212].

Не менее важной проблемой, обсуждавшейся Конгрессом, была внешнеполитическая ориентация Украины на Антанту или большевиков. В условиях, когда в Одессе высадился крупный французский экспедиционный корпус, а значительную часть Левобережной Украины оккупировали большевики, это был вопрос сохранения украинской государственности как таковой.

Но, к сожалению, ни по одной из этих проблем делегаты так и не пришли к единому мнению, а под натиском большевистских войск Трудовой конгресс 28 января 1919 г. вынужден был вообще прервать свои заседания, поручив продолжать работу комиссиям. И хотя Трудовой конгресс не оказал существенного влияния на развитие событий в Украине, его созыв был попыткой создать парламент революционной Украины [2, с. 173].

Трудовой конгресс принял закон "О форме власти

в Украине", в соответствии с которым вся власть оставалась у Директории, хотя при ней и были созданы различные комиссии: обороны государства, земельной реформы, бюджета, иностранных дел, продовольственная, культурно-просветительная и др. Директория получила право принимать законы хотя с оговоркой, что они должны быть утверждены или отклонены очередной сессией Конгресса. Директория имела право назначать и смещать с должностей членов правительства, которые были ответственны перед ней в своей деятельности. Фактически указанный закон не внес ничего нового в объем полномочий Директории, а лишь закрепил сложившуюся к тому времени практику, хотя с принятием закона "О форме власти в Украине" можно говорить о легитимности власти Директории. Из межпартийного органа по руководству повстанческой борьбой она превратилась в высший орган государственной власти, получив от Трудового конгресса полномочия на осуществление законодательства и верховного управления в стране.

Ситуация, в которой пришлось работать Директории и ее правительству, была чрезвычайно сложной. Та огромная армия, которая обеспечила победу над гетманом, растаяла с такой же быстротой, с какой появилась, и не последнюю роль в этом сыграли лозунги Директории о социализации земли: повалив гетманский режим, крестьяне разъезжались по домам делить помещичью землю. Украина со всех сторон была окружена врагами: с севера вели наступление большевики; в юго-восточной части усиливалась Добровольческая армия Деникина; юг Украины был занят французами. Положение осложнялось еще и актом объединения с ЗУНР, который автоматически ввергал УНР в военный конфликт с новосозданным Польским государством Ю. Пилсудского, войска которого прочно утвердились во Львове [8, с. 222]. Кроме того, вся Украина укрылась повстанческими полуанархистскими отрядами, которые признавали власть Директории лишь формально, а действовали по своему усмотрению, произвольно меняя ориентацию.

А Директория по-прежнему была раздираема спорами в отношении путей политического и социального развития Украины. В. Винниченко, Н. Шаповал и премьер В. Чеховский отстаивали советскую платформу и союз с большевиками против Антанты. С. Петлюра, под-

держиваемый военным руководством - А. Грековым, Е. Коновальцем и А. Мельником, был за совместные действия с Антантой против большевиков. И. Нагаевский отмечает, что в той ситуации Директория имела два выхода: склониться на сторону Антанты или пойти на союз с большевиками [7, с. 265].

Думается, что оба эти пути в тех условиях были гибельными для сохранения украинской национальной государственности. С одной стороны, приверженность держав Антанты идее "единой и неделимой" России и негативное отношение к независимому украинскому государству, были хорошо известны. Да и сепаратного мира с Германией державы Антанты Украине не простили. А с другой - союз с большевиками мог создать временный совместный фронт борьбы с Антантой и Деникиным, но после этого идея украинской государственности была бы погребена, ибо союз Украины с большевиками был бы осужден державами Антанты, да и не только ими, что развязывало руки большевикам в деле ликвидации остатков украинской государственной самостоятельности. В отношении этого руководство Директории также не питало никаких иллюзий.

Это сложнейшая ситуация все же склоняла большинство в правительстве Директории искать поддержку у держав Антанты, от которых УНР намеревалась получить военно-техническую помощь. Кроме того, руководство УНР понимало, что опасность со стороны большевиков более реальна и страшна, нежели со стороны Антанты. Но последняя, ориентируясь на возрождение "единой и неделимой" России, ставила перед Директорией условия, которые были по сути прямым вмешательством во внутренние дела УНР и игнорировали ее как государство. В частности, французы требовали отставки В. Винниченко, В. Чеховского и С. Петлюры, формирования 300-тысячной армии для борьбы с большевиками, передачи финансов и железных дорог под контроль Франции, передачи Антанте контроля над внутренней деятельностью Директории, объединения армии Директории с Добровольческой армией генерала Деникина и т. д. [6, с.120-121].

Под натиском большевистских войск Директория была вынуждена 2 февраля 1919 г. оставить Киев и переехать в Винницу. Эта акция была губительной для Ди-

ректории не только с военной точки зрения, но еще больше с моральной и политической [7, ст. 274].

11 февраля 1919 г. В. Винниченко сложил с себя полномочия главы Директории, подал в отставку и премьер В. Чеховский. Из состава УСДРП вышел С. Петлюра. Однако такое решение С. Петлюры, который после отставки и эмиграции В. Винниченко, занял руководящую роль в Директории и государстве, заранее обрекало на неудачу переговоры с французами, которые требовали его отставки. Но тем не менее для облегчения переговоров с Антантой 13 февраля в Виннице было создано новое правительство во главе с беспартийным С. Остапенко [4, с. 88], который был сторонником союза с Антантой.

При С. Остапенко были несколько изменены полномочия Директории, повидимому с целью предоставления правительству большей свободы и оперативности при ведении переговоров с французами. Премьер настоял на том, чтобы Директория не вмешивалась непосредственно в вопросы государственного управления, а только осуществляла контроль за деятельностью Рады народных министров по типу парламентского, отказывая в доверии ее полному составу или отдельным министрам и назначая новых.

Вскоре Директория обратилась к французскому командованию с нотой, в которой отдавала себя под опеку Франции и просила ее представителей "взять на себя руководство управлением Украины в вопросах военных, дипломатических, политических, финансовых, экономических и судебных на протяжении всего времени, пока будет продолжаться война с большевиками" [6, с. 121, 122]. Но это обращение осталось без внимания. Ориентируясь на возрождение "единой и неделимой" России, державы Антанты не одобряли социалистических экспериментов Директории. Признать тогда Украину с ее социалистическими течениями - означало помочь их распространению в странах Западной Европы. Именно по этому французский премьер Ж.-Б. Клемансо в ходе работы мирной конференции в Париже стал формировать негативное мнение об Украине среди западных государств.

Трудно предположить, чем бы закончились усилия Директории по налаживанию контактов с Антантой, если бы сама жизнь не внесла в этот процесс свои кор-

рективы. В конце апреля - начале мая 1919 г. Антанты вытесняются из Украины. И как следствие, правительство С. Остапенко как антантофильское утрачивает смысл существования. Перед Директорией вновь встает вопрос о смене курса. Но симпатии части ее членов советскому строю и ориентации другой - на Антанту остаются прежними.

В начале апреля 1919 г. в Ровно, куда вынуждены были переехать правительственные учреждения УНР, Директория была реорганизована вновь; она теперь состояла из С. Петлюры, А. Макаренко, Е. Петрушевича и двух представителей от партий - П. Андриевского от УПСР и Ф. Швеца от УСДРП [11, с. 53]. Хотя вскоре Е. Петрушевич и А. Макаренко переехали в Stanislaw, где стали управлять фактически независимо [6, с. 122]. Тогда же были изменены функции Директории и характер ее взаимоотношений с правительством. Директория стала только утверждать законы, разрабатываемые кабинетом министром, а последний формировался теперь не Директорией, а Центральными комитетами социалистических партий. Так было создано правительство социалистической коалиции. Председателем его стал Б. Мартос (УСДРП). Этот факт - свидетельство того, что реальная власть уже выскользнула из рук Директории. Ею обладала Рада народных министров, состоящая из представителей социал-демократов и социал-революционеров. Но более пристальный анализ положения дел показывает, что и правительство в своей деятельности было зависимо от ЦК этих партий [6, с. 118, 119].

Новое правительство в борьбе с большевиками пыталось опираться не на иностранную помощь, а на собственные силы. Но как социалисты бойкотировали правительство С. Остапенко, так и правые силы стали в оппозицию к социалистическому правительству Б. Мартоса, обвиняя его в большевизме. К оппозиции принадлежали даже члены Директории - Е. Петрушевич и П. Андриевский. Оппозиция в ночь на 29 апреля 1919 г. предприняла попытку государственного переворота с целью провозгласить президентом Е. Петрушевича [9, т. 2, с. 523]. Переворот не удался, а лишь внес анархию в армию и деятельность властей на местах.

Под давлением Е. Петрушевича Директория согласилась, не склоняясь в сторону большевиков, продол-

жать демократическую политику, - заменив кабинет Б. Мартоса. 27 августа 1919 г. было сформировано "правительство национального единства" под председательством И. Мазепы.

Но в это время Добровольческая армия Деникина вместо похода на Москву объявляет войну Украине. Это явилось еще одним тяжким ударом по украинской государственности.

В начале ноября 1919 г. Директория фактически распалась: А. Макаренко и Ф. Шве́ц, передав свои полномочия С. Петлюре, выехали за границу. Уход с политической арены и эмиграция лидеров украинского национально-освободительного движения в критическое для Украины время оказали крайне угнетающее впечатление на ее население, в среде которого ширились безразличие, дезорганизация и анархия. Такие же настроения передавались и в армию, которая тем не менее продолжала героическую, хотя и обреченную борьбу. С 6 декабря 1919 г. по 5 мая 1920 г. она осуществила партизанский рейд - "Зимний поход" по большевистским тылам с целью поднять боевой дух населения и продолжать вооруженное сопротивление.

Пока правительство с армией пребывали в "Зимнем походе", С. Петлюра, заручившись поддержкой Польши, подписал Варшавский мир, в соответствии с которым Польское правительство признавало право Украинской Народной Республики на независимое существование, а Директорию и Головного атамана С. Петлюру - высшей властью УНР, но за это получала Западную Украину.

Варшавский договор вызвал негативную реакцию в Украине. Правительство и армия, возвратившиеся из "Зимнего похода", также были возмущены этим договором. Социалистическое правительство И. Мазепы подало в отставку. И только в конце мая 1920 г. был сформирован новый кабинет министров во главе с В. Прокоповичем [6, с. 125]. К этому времени в составе Директории остался только С. Петлюра. Статус Директории как единоличного органа верховной власти УНР был закреплен законом "О временном верховном управлении и порядке законодательства в УНР" от 12 ноября 1920 г. В соответствии с этим законом в случае невозможности исполнения председателем Директории высшей государ-

ственной власти последняя переходила к специальной коллегии в составе: главы правительства, председателя Высшего Суда УНР и представителя политических партий. А до созыва этой коллегии председателя Директории замещал глава правительства. Но эти в сущности “декоративные” акции уже не могли спасти украинскую государственность. 21 ноября 1920 г. остатки украинской армии перешли р. Збруч и были интернированы польскими властями в лагерях для военнопленных.

Правительство Украинской Народной Республики продолжало свою деятельность в эмиграции - сначала в Тарново (Польша), а позднее местом его пребывания были Варшава, Париж и Прага. Председателем Директории был С. Петлюра, с 1926 г. - А. Левицкий. Исполнительный орган, Раду народных министров УНР в эмиграции возглавлял: А. Левицкий, П. Пилипчук, В. Прокопович, А. Шульгин. Правительство сначала действовало через дипломатические представительства УНР, а после их ликвидации использовало форум Лиги Наций. Неофициальным органом правительства УНР был еженедельник “Тризуб”, издаваемый в Париже.

Список литературы: 1. Винниченко В. Відродження нації: у 3-х ч. - К., 1990. 2. Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття: Нариси політичної історії. - К., 1993. 3. Енциклопедія українознавства. - Львів, 1993. 4. Жуковский А., Субтельний О. Нарис історії України. - Львів, 1992. 5. Конституційні акти України: 1917 - 1920. - К., 1992. 6. Малик Я., Вол Б., Чуприна В. Історія української державності. - Львів, 1995. 7. Нагаєвський І. Історія Української держави двадцятого століття. - К., 1993. 8. Павленко Ю., Храмов Ю. Українська державність у 1917 - 1919 рр. (історико-генетичний аналіз). - К., 1995. 9. Полонська-Василенко Н. Історія України: у 2-х т. - К., 1995. 10. Революція на Україні по мемуарам белых. - М.-Л., 1930. 11. Тищик Б.Й., Вівчаренко О.А. Українська Народна Республіка (1917 - 1920). - Коломия, 1994.

С.А. Черпиченко, канд. ист. наук

ПЕРЕСТРОЙКА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ В НАЧАЛЕ 20-х ГОДОВ: ПОДБОР И РАССТАНОВКА КАДРОВ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ

Переход от политики “военного коммунизма” к нэпу на основе решений X съезда РКП(б) (март 1921 г.) по-

требовал укрепления в стране режима законности. Это, в свою очередь, ставило на повестку дня создание развитого систематизированного законодательства, повышение роли судебных учреждений. Суд в условиях мирного строительства должен был стать основной формой борьбы с преступностью. В мае 1921 г. Совнарком Украинской ССР принял постановление "О работе Наркомюста", в котором указал на необходимость повышения работоспособности и авторитета судебных органов (6, 1921, № 9, ст. 237); 14 сентября того же года постановление "Об укреплении и поднятии авторитета органов юстиции" принял ВУЦИК, где для достижения поставленной задачи потребовал от губисполкомов обеспечить отделы юстиции, ревтрибуналы, советы народных судов и нарсуды лучшими силами, направляя в эти органы наиболее опытных и надежных сотрудников, всемерно добиваясь, чтобы судебным и следственным органам Украинской ССР была обеспечена полнейшая возможность осуществлять возложенные на них задачи (1, 1921, № 17, ст. 529). В середине 1921 г. была проведена реорганизация системы трибуналов республики. Были упразднены Верховный революционных трибунал, Верховный кассационный трибунал, Революционный военный трибунал, а вместо них учрежден единый Верховный трибунал при ВУЦИК, ставший руководящим и надзорным органом для всех трибуналов Украины.

Назрела необходимость сузить компетенцию ВЧК, практику внесудебных репрессий, которая проводилась в годы гражданской войны. В феврале 1922 г. был принят декрет о преобразовании ВЧК в ГПУ при НКВД РСФСР, которое должно было стать органом борьбы только с особо опасными государственными преступниками. 22 марта 1922 г. ВУЦИК издал постановление "Об упразднении Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии и об образовании Госполитуправления". При НКВД УССР создавалось Государственное политическое управление, а на местах - политические отделы при губернских исполнительных комитетах. Госполитуправление не имело права непосредственно применять репрессии к преступникам. Этим должны были заниматься только народные суды или революционные трибуналы (2, 1922, № 13, ст. 228).

Эти меры являлись началом перестройки судебной системы, но продолжали еще существовать две ее

ветви: революционные трибуналы и народные суды. Последние оставались фактически децентрализованными и не имели своего общереспубликанского центра. Это не способствовало проведению единой судебной практики на местах, необходимой в условиях оживления хозяйственной жизни, развития денежного оборота, порождающего гражданские правоотношения и иски, рассматриваемые нарсудами. 16 декабря 1922 г. ВУЦИК принял постановление об утверждении и о введении в действие с 1 февраля 1923 г. "Положения о судеустройстве УССР", выдержанного в духе "Постановления о судеустройстве РСФСР", принятого в октябре того же года. Согласно Положению на территории Украины упразднялись революционные трибуналы и создавалась стройная трехзвенная система: народный суд - губернский суд - Верховный суд республики, что давало возможность проводить единую судебную политику. Наряду с этим Положением предусматривалась временная деятельность специальных судов: военных трибуналов, военно-транспортных трибуналов, особых трудовых сессий нарсудов, земельных комиссий, арбитражных комиссий. При губернских судах (чего не было в РСФСР) создавались чрезвычайные сессии, которые рассматривали дела, расследуемые органами ГПУ УССР (4, 1922, № 54, ст. 779). Это было вызвано острой и специфической классовой борьбой в Украине, где все еще продолжалось крестьянское повстанческое движение.

После создания Союза ССР вторая сессия ЦИК СССР в 1924 г. приняла общесоюзный закон "Основы судеустройства Союза ССР и союзных республик". Это вызвало необходимость пересмотреть "Положение о судеустройстве УССР", которое согласовывалось бы с основами общесоюзного законодательства. По новому положению о судеустройстве Украинской ССР система общих судебных органов Украины, как и других республик, состояла из народных судов, окружных судов и Верховного суда УССР. Особенностью этого Положения было то, что им регламентировались организация и деятельность не только судебных органов, но и государственной прокуратуры, следователей, коллегий защитников, государственного нотариата и институтов научно-судебной экспертизы (9, 1925, № 92, 93, ст. 521, 522). В свете нового положения о судеустройстве Украинской ССР ВУЦИК и СНК УССР

в ноябре 1925 г. издали "Положение о чрезвычайных сессиях Верховного суда УССР и окружных судов УССР", которое определило подсудность чрезвычайных сессий, порядок ведения в них дел, а так же порядок рассмотрения этих дел в кассационной инстанции (10, 1925, № 82, ст. 486).

Важнейший момент судебной реформы состоял в том, что органам управления категорически запрещалось вмешиваться в судебные дела. Это четко было выражено как в самом Положении, так и в ряде специальных постановлений ВУЦИК. "Недопустимо и прямо преступно всякое вмешательство общей административной власти, направленное к прямому нарушению судьей требований закона", - подчеркивалось в постановлении ВУЦИК от 9 августа 1922 г. "О взаимоотношениях судебных и административных органов власти" (3, 1922, № 334, ст. 514). Отзыв судей до окончания срока полномочий был возможен только с санкции Наркома юстиции либо по решению суда за преступление (9, 1925, №92, 93, ст. 522).

На усиление независимости судов от местных влияний и давлений были направлены циркуляр ЦК РКП(б) "О взаимоотношениях парткомов с судебно-следственными комиссиями", опубликованный в январе 1922 г. циркуляры ЦК РКП(б) от 7 мая 1922 г. (16, ф. 14, оп. 1, д. 37, л. 84) и ЦК КП(б)У от 23 мая 1922 г. (17, ф. 3, оп. 1, д. 380, л. 9) о взаимоотношениях парткомов и судебных органов, направленные в адрес губкомов партии. В этих документах было предложено партийным организациям во всех случаях нарушения коммунистами советских законов руководствоваться принципами двойной ответственности виновных: перед партией в порядке партийной дисциплины и перед государством в судебном порядке. Подчеркивая необходимость усиления ответственности членов партии в случае совершения ими проступков, подлежащих ведению гражданского суда, ЦК вместе с тем четко определял судебные привилегии коммунистам. При возбуждении дел против членов правящей партии судебно-следственные органы должны были в течение 24 часов поставить в известность об этом партийный комитет. Они же обязаны были изменять меру пресечения в отношении коммунистов и освобождать их от ареста с заменой его поручительством не менее 3 членов РКП(б), которые предварительно должны были полу-

чить санкцию Губкома (17, ф. 3, оп. 1, д. 380, л. 9).

В условиях "диктатуры партии", а фактически партаппарата, последний в ходе судебной реформы непосредственно осуществлял подбор и расстановку кадров органов юстиции. 19 февраля 1923 г. ЦК КП(б)У издал циркуляр "О пересмотре состава нынешних органов судопроизводства". В нем было предложено всем губкомам провести совместно с фракциями коммунистов губсоветов общие собрания на фабриках и заводах, сельские сходы, делегатские собрания работниц и крестьянок, на которых заслушать отчеты о работе народных судей, народных следователей, защитников и народных заседателей. Подчеркивалась необходимость пересмотра состава судебных работников, подбора кандидатур на ответственные должности из числа опытных партийцев (18, ф. 10, оп. 2, д. 52, л. 45).

Выполняя указания ЦК, местные органы большевистской партии повсеместно развернули работу по выдвижению кандидатов в судебные учреждения (12, ф. 33, оп. 1, д. 4, л. 50; 13, ф. 7, оп. 1, д. 303, л. 72). Выборы состава Верховного суда УССР, губернских судов, их комплектование были в основном завершены до весны 1923 г. (11, ф. 1, оп. 2, д. 1399, л. 95). Комплектование народных судов и следственных участков из-за трудности подбора кадров затянулось до конца года (11, ф. 8, оп. 1, д. 135, л. 31). На 1 января 1924 г. в составе судебных органов членов правящей партии насчитывалось: среди председателей и заместителей губернских судов 91, 1 %, среди членов губсудов 68, 5 %, среди народных судей 62, 2 %, среди народных следователей 30, 3 % (19, с. 8).

Партийные органы большевиков настойчиво добивались увеличения прослойки коммунистов среди судебно-следственных работников Украины и в последующие годы. Ее рост обеспечивался за счет подбора и направления на ответственные должности в органы и учреждения Наркомюста членов КП(б)У, а также приема в партию проверенных кадров.

Неоднократно также проводились мобилизация коммунистов из других систем и из самих партийных органов для насыщения ими органов НКЮ (14, ф. 9, оп. 1, д. 489, л. 116; 15, ф. 86, оп. 1, д. 11, л. 15). В результате принимаемых мер число коммунистов из числа членов губернских (окружных) судов в 1929 г. достигло 95 %, на-

родных судей - 90, 5 %, народных следователей - 43, 3 % (24, 1929, № 18, с. 524).

В соответствии с решениями X и последующих съездов РКП(б) о необходимости выдвигать кадры из рядовых рабочих и крестьян на ответственные должности в госаппарат, партийные органы проводили целенаправленную работу по выдвижению в учреждения НКЮ представителей кадровых рабочих и крестьян-бедняков. Всего с 1923 по 1929 год численность рабочих и крестьян среди членов губернских (окружных) судов возросла от 27 % до 62 %, среди народных судей - от 37 % до 81, 4 % (20, 1930, № 10, с. 405), среди народных следователей - от 18, 1 % до 85, 6 % (27, 1929, № 6, с. 241).

Руководствуясь указаниями XIII съезда РКП(б) (май 1924 г.) о выдвижении женщин-коммунисток в партийные и советские органы, Наркомост УССР 18 августа 1925 г. издал циркуляр "О выдвижении женщин для работы в органах юстиции", в котором поставил задачу перед окружными судами подготовить и выдвинуть в ближайшее время на должности членов окружного суда как минимум по одной женщине, довести число женщин - народных судей и народных следователей до 10 % от общего числа работников (17, ф. 3, оп. 1, д. 1609, л. 54). Кампания по выдвижению женщин в органы юстиции была проведена энергично, в сжатые сроки, однако многие из них, столкнувшись с большими трудностями в работе (особенно на должности народного следователя) в органах НКЮ долго не задерживались. В 1929 г. число женщин среди народных судей составило 9, 8 %, среди народных следователей - 6, 4 %, среди членов окружных судов - 8, 9 % (25, 1929, № 20, с. 587).

Создание в мае 1922 г. советской прокуратуры, появление в суде государственного обвинителя - прокурора потребовало существенных изменений в организации судебной защиты и судебного представительства. Возникла необходимость образования новой советской адвокатуры. 26 мая 1922 г. III сессия ВЦИК IX созыва утвердила "Положение об адвокатуре", разработанное Народным комиссариатом юстиции РСФСР (7, 1922, № 36, ст. 425), а 2 октября того же года аналогичное Положение утвердил ВУЦИК. Согласно "Положению об адвокатуре" в Украине при губернских советах народных судей организовывались губернские коллегии защитников по уголовным и

гражданским делам. Членами коллегий защитников могли быть лица, имеющие стаж ответственной практической работы в органах советской юстиции не менее двух лет или обладающие теоретической и практической подготовкой, степень определения которой устанавливал Наркомюст. На них, помимо ведения дел в судебных органах по назначению либо соглашению, возлагалась обязанность участия в создании и деятельности юридических консультаций для населения и в пропаганде советского права (8, 1922, № 43, ст. 630). С образованием коллегий защитников перед органами правящей партии встал вопрос о формах руководства их деятельностью, об участии в них коммунистов. Его обсуждение, развернувшееся на страницах партийной печати, приняло острый характер. Большинство выступающих считало участие членов большевистской партии в коллегиях адвокатов необходимым. Но были выступления с требованием запретить им работать в адвокатуре из-за "опасности буржуазного перерождения" (23, с. 118). Действительно, социальный состав адвокатов - большинство старых специалистов-юристов, защищающих интересы граждан независимо от их классовой принадлежности, условия их работы, оплата труда по соглашению с клиентом - все это не могло не повлиять на сознание определенной части коммунистов. Однако партаппарат не мог допустить того, чтобы важное учреждение советской юстиции оставалось вне его влияния. В сентябре 1922 г. ЦК РКП(б) издал циркуляр об участии членов партии в адвокатуре. При этом ЦК потребовал, чтобы вступление коммунистов в коллессию защитников предварительно санкционировалось местными партийными органами (не ниже губкома) и чтобы коммунистические фракции коллегий отчитывались перед губкомами партии. Комфракции в обязательном порядке должны были организовывать при нарсудах бесплатные консультации для трудящихся по ведению их дел. Циркуляр запрещал коммунистам-адвокатам принимать дела, в особенности гражданские, по защите интересов "буржуазных элементов" во всех их спорах против рабочих и крестьян, государственных предприятий и учреждений, кооперативов и т. д. Запрещалось также брать дела по защите членов бандитских формирований, расхитителей государственного имущества, взяточников и др. (5, 1922, № 10, с. 119).

Руководствуясь данным циркуляром ЦК, местные партийные органы уже в ходе создания коллегий защитников приступили к организации в них коммунистических фракций. В начале 1924 г. численность коммунистов в составе коллегий адвокатов Украины достигла 11, 6 % (19, с. 8). На этом уровне с небольшими колебаниями она оставалась до конца 20-х годов (21, 1932, № 1, с. 21).

В отличие от судебных органов изначально созданная советская адвокатура по своему социальному составу далеко не соответствовала требованиям партаппарата. В 1923 г. в составе коллегий защитников в республике рабочие составляли всего 2, 7 %, а крестьяне - 1 %. Более 96 % адвокатов являлись служащими, представителями других социальных групп, из числа которых 62 % работали в судах и адвокатуре до революции (22, с. 43). По требованию ЦК местные партийные органы уже в 1924 г. начали "чистку" состава коллегий защитников, направляя туда работать выдвиженцев из кадровых рабочих и крестьян-бедняков. До 1928 г. в коллегии было направлено таким образом 466 человек (26, 1927, №20, 21, с. 948). Однако большинство из них, не имея юридического образования и необходимого опыта работы в адвокатуре, быстро возвращались в свои рабочие коллективы либо переходили в другие структуры госаппарата. Несмотря на предпринимаемые партаппаратом усилия по "обработке" коллегий защитников, достичь заметных успехов в этом деле в 20-е годы так и не удалось. В 1930 г. выдвиженцы-рабочие составляли в коллегии около 5 %, а крестьяне - 12 % (21, 1932, № 1, с. 21). Проблема была решена уже в условиях административно-командной системы в первой половине 30-х годов.

Таким образом, перестройка судебной системы Украины в начале 20-х годов была вызвана условиями и задачами новой экономической политики, необходимостью укрепления законности, демократизации советского правосудия. В результате перестройки судебной системы и местных органов судебного управления УССР была создана единая система судебных учреждений, состоящая из следующих звеньев: народный суд - губернский суд - Верховный суд УССР. Для рассмотрения дел определенных категорий временно действовали специальные суды: военные трибуналы, военно-транспортные трибуналы, особые трудовые сессии нарсудов и др.

Подбором и расстановкой кадров в органах юстиции в ходе судебной реформы и последующие годы занимались непосредственно органы правящей большевистской партии, строго выдерживая ленинские принципы партийности и классового подхода к этой работе. Выдвигая на ответственные должности коммунистов, в первую очередь из числа кадровых рабочих и крестьян-бедняков, партаппарат настойчиво и последовательно "очищал" учреждения юстиции от дореволюционных специалистов-юристов.

Список литературы: 1. Об укреплении и поднятии авторитета органов юстиции: Постановление ВУЦИК от 14 сентября 1921 г. // СУ УССР. 2. Об упразднении Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии и об организации Политуправления: Постановление ВУЦИК от 22 марта 1922 г. // СУ УССР. 3. О взаимоотношениях судебных и административных органов власти: Постановление ВУЦИК от 9 августа 1922 г. // СУ УССР. 4. О вступлении в силу "Положения о судоустройстве УССР": Постановление ВУЦИК от 16 декабря 1922 г. // СУ УССР. 5. О вступлении коммунистов в коллегию защитников: Циркуляр ЦК РКП(б) от 2 сентября 1922 г. Всем губкомам // Известия ЦК РКП(б). 6. О работе Наркомюста: Постановление СНК УССР от 10 мая 1921 г. // СУ УССР. 7. Положение об адвокатуре: Постановление III сессии ВУЦИК IX созыва 26 мая 1922 г. // СЗ РСФСР. 8. Положение об адвокатуре: Постановление ВУЦИК от 2 октября 1922 г. // СУ УССР. 9. Положение о судоустройстве УССР: Постановление ВУЦИК от 13 октября 1925 г. // СУ УССР. 10. Положение о чрезвычайных сессиях Верховного суда УССР и окружных судов УССР: Постановление ВУЦИК и СНК УССР от 4 ноября 1925 г. // СУ УССР. 11. Центральный государственный архив высших органов государственной власти и государственного управления Украины. 12. Государственный архив Винницкой обл. 13. Государственный архив Днепропетровской обл. 14. Государственный архив Донецкой обл. 15. Государственный архив Житомирской обл. 16. Государственный архив Киевской обл. 17. Государственный архив Одесской обл. 18. Государственный архив Черниговской обл. 19. Бюллетень 2-го Всеукраинского съезда работников юстиции: Стенографический отчет. - Харьков, 1924. 20. Зорін А. Увага висуванцям // Червоне право. 21. Кочан і Суховій. Проблема кадрів у системі органів НКЮ // Революційне право. 22. Купрішин В, Сусло Д. На сторожі прав трудящих та інтересів держави. - К., 1973. 23. Куридин В.М. Переход к нэпу и революционная законность. - М., 1972. 24. Михеенко І. Кадри органів юстиції // Вісник радянської юстиції. 25. Он же. Кадри юстиції // Вісник рад. юстиції. 26. Подольський Б. Десять років радянського суду // Червоне право. 27. Порайко В. Треба зробити рішучий перелом // Червоне право.

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА КООПЕРАТИВНЫМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ В УКРАИНЕ В ПЕРИОД НЭПА (1922 - 1927 гг.)

В сложный для Украины переходный период к рыночным формам хозяйствования видная роль принадлежит кооперации, ведь кооперация - первый шаг к рыночной экономике. В ряду многих важных вопросов кооперативного строительства теории и практики кооперативного движения выделяется вопрос о государственном руководстве кооперативами, правильном сочетании государственного руководства с развитием и углублением кооперативной демократии. Государственное руководство кооперативным строительством в Украине, как и в большинстве других стран, осуществляется в основном по трем каналам: в законодательстве определяется сфера функционирования кооперативов; посредством экономических регуляторов (политикой цен, кредитной политикой и т. п.) государство воздействует на характер хозяйственной деятельности кооперативов; государственные учреждения в пределах своих ведомственных правомочий осуществляют надзор за деятельностью кооперативов и соответствием этой деятельности правовым нормам. В то же время государственное руководство кооперативным сектором обогащается созданием системы органов, избираемых кооперированными массами; эти органы активно участвуют в подготовке решений по вопросам кооперативного движения.

Специальные органы по руководству кооперативами существуют в Польше, Венгрии, Германии, КНДР и других странах. В Польше, например, - это Главный кооперативный Совет, который состоит из общего собрания и выборного исполнительного Президиума. В состав собрания входят наряду с делегатами центральных кооперативных союзов представители государственных, общественных и научных организаций. Компетенция Главного кооперативного Совета весьма широка: он координирует сотрудничество и взаимопомощь кооперативных орга-

низаций, обеспечивает соблюдение законности и принципов внутрикооперативной демократии, разрабатывает проекты нормативных актов по вопросам кооперации.

Несомненный интерес и практическую значимость представляет изучение опыта использования кооперации в социально-экономической жизни Украины на различных этапах ее истории и особенно в годы новой экономической политики. Ведь именно с переходом к нэпу произошло восстановление всех форм кооперации при активной поддержке и руководстве со стороны государства. Исследование вопросов государственного воздействия на кооперацию, взаимоотношения государства, кооперации и кооперативного законодательства является столь же важным и определяющим при изучении проблем кооперативного строительства.

В связи с этим показателен почти десятилетний опыт работы в Украинской ССР специального государственного органа - Главного кооперативного комитета при Совете Народных Комиссаров (Главкооперком) для руководства кооперацией и привлечения к этому руководству кооперативной общественности.

Бурное развитие кооперации при нэпе происходило в условиях возрождения частнокапиталистических отношений. В рядах кооперации преобладали непролетарские трудовые элементы, было немало и нетрудовых элементов. Что же касается специалистов-организаторов кооперации, так называемых "старых кооператоров", то многие из них видели в нэпе и восстановлении принципов самостоятельности первые шаги к реставрации капиталистических отношений и стремились усилить "автономию" кооперации, ее частнохозяйственную направленность. Для того чтобы направить развитие кооперации по нужному пути, государственному руководству предстояло выполнить нелегкую задачу - поощряя и развивая кооперативные принципы в духе демократического централизма, поощряя самостоятельность кооперированных масс населения, в то же время обеспечить строгий контроль за деятельностью кооперативов и их союзов. Необходимо было также сочетать государственное руководство с привлечением к руководству кооперацией людей, обладающих опытом кооперативного строительства, живыми нитями связанными с кооперацией и готовыми добросовестно использовать свой опыт в строитель-

стве новой кооперации.

В связи с этим возникла идея создания такого органа государственного руководства кооперацией, в котором при руководящей роли представителей всех видов кооперации работали бы и представители государственных учреждений. Идея эта была осуществлена созданием на Украине по постановлению Совнаркома УССР от 31 января 1922 г. Главного кооперативного комитета при СНК УССР и подчиненных ему губернских кооперативных комитетов (1, СУ УССР, 1922, № 4, ст. 67). С учреждением этих органов были ликвидированы кооперативные управления при Наркомпроде, Наркомземе, УСНХ и тем самым устранен разноречивый в руководстве отдельными отраслями кооперации в Украине (3, ЦГАОР УССР, ф. 271, оп. 1, д. 31, л. 182).

В состав Главного кооперативного комитета вошли представители Совнаркома (председатель Комитета) и по одному представителю от Наркомзема, Наркомпрода, Наркомюста, УСНХ, Уполномоченного Наркомвнешторга, Уполномоченного Наркомфина, Южбюро ВЦСПС, Вукоопспилки, Уцерабкоопа, Украинбанка, Сельского господаря и Украинкустарьспилки. Здесь отчетливо вырисовываются существенные преимущества такого единого органа, непосредственного государственного руководства всеми видами кооперации, в состав которого, наряду с руководящей группой представителей всех так или иначе связанных с хозяйственной деятельностью наркоматов, привлекались в качестве постоянных членов коллегии также и представители республиканских центров всех отраслей кооперации. Такая структура органа, на который возложено было "общее государственное руководство всеми видами кооперации..., контроль над ее деятельностью и выполнение всех необходимых для этих целей административно-распорядительных функций" (1, СУ УССР, 1922, № 4, ст. 67), позволяла Главкооперкому своевременно учесть потенциальные возможности каждой кооперативной системы и избегать таких мероприятий, которые в специфических условиях той или иной кооперативной организации могли оказаться неэффективными или даже вредными.

Одной из важнейших сторон деятельности Главного кооперативного комитета была разработка проектов законодательства о кооперации. В 1922 - 1931 г. все дек-

реты и постановления ВУЦИКа и СНК УССР, затрагивающие так или иначе интересы кооперации, были предварительно подготовлены или рассмотрены в Главкооперкоме или имели его положительное заключение. Главкооперком разрабатывал также инструкции и циркуляры, которые уточняли и разъясняли существовавшие законоположения. Разработанные Главкооперкомом законопроекты (например, "Положение о жилищной кооперации") положительно оценивались в законоподготовительной деятельности общесоюзных органов (3, ЦГАОР УССР, ф. 271, оп. 1, д. 31, л. 184). Подготовленное Главкооперкомом постановление ВУЦИКа "О праве членства во всех видах кооперации" (2, СУ УССР, 1923, № 26, ст. 395), разрешавшее важные проблемы кооперативной жизни, было в последствии воспринято общесоюзным законодательством.

Залогом немалых успехов Главного кооперативного комитета в законоподготовительной деятельности было объединение в нем как представителей высших органов государственного управления и прокуратуры, так и полноценного представительства кооперативных центров. Это давало возможность уже в ходе разработки законопроектов, типовых уставов и директив, касающихся деятельности кооперации, учесть интересы, пожелания кооперативных центров и всех ведомств, а также возможные возражения, которые могли бы затормозить продвижение нормативных актов к их утверждению.

Главный кооперативный комитет разработал четкую систему регистрации кооперативных уставов, давшую положительные результаты. При участии кооперативных центров - Вукоопспилки, Сельского господаря и Украинкустарьспилки - он выработал примерные уставы для всех видов и ступеней кооперативных организаций и обеспечил приведение этих уставов в соответствие с развивающимся новым кооперативным законодательством.

Большую работу проводил Главкооперком и по утверждению кооперативных уставов, причем процесс утверждения устава не был простым формальным актом. Составленный кооперативным центром или учредителями кооперативной организации проект устава подвергался глубокому всестороннему обсуждению на заседаниях Главного кооперативного комитета с участием представи-

телей кооперативных центров и заинтересованных ведомств. Разработанные Главкооперкомом типовые уставы устанавливали такие организационные формы и рамки хозяйственной деятельности кооперативов, которые, не умаляя демократических основ их кооперативной организации и не ограничивая соответствующей условиям нэпа свободы их хозяйственной деятельности, в то же время исключали возможность создания лжекооперативов, используемых некоторыми элементами для легализации своей незаконной деятельности.

Прохождение всех кооперативных уставов через один и тот же государственный орган по руководству кооперацией было, несомненно, явлением положительным. Уставы были правильно оформлены, согласованы с нормами кооперативного права и принципами кооперативной организации.

Работа кооперации на началах хозяйственной самостоятельности выдвинула необходимость постоянного надзора и корректирования государственной властью работы кооперативных организаций, которые получали в то время от государства значительные средства для выполнения отдельных, главным образом, товаро-заготовительных операций. В этой связи весьма показательна деятельность Главного кооперативного комитета по организации контроля и ревизий кооперативных организаций. Заслугой Главкооперкома являлось установление им твердых форм ревизионного обследования, недопущение антикооперативных уклонов и в некоторых случаях даже ликвидация объединений, нарушивших требования кооперативной организации.

Положительная роль принадлежала Главкооперкому в защите кооперации от имевшего довольно часто места ущемления отдельными органами ее гарантированных законом прав и интересов. Архивные документы сохраняли многочисленные случаи улаживания таких конфликтов. Эта деятельность Главкооперкома была одинаково важной и полезной как для местных органов власти, так и для кооперации. Во-первых, потому что отдельному кооперативу, особенно на периферии, иногда трудно было защитить свои законные права. Во-вторых, потому что разрешение подобных конфликтов при участии Главного кооперативного комитета в республиканском масштабе создавало прецедент, исключавший в даль-

нейшем такие конфликты. А разрешались они, при наличии в Комитете представителей всех заинтересованных центральных учреждений, быстро, оперативно и в строгом соответствии с требованиями законности. Так, с органами Наркомтруда Главкооперком регулировал вопросы организации трудовых кооперативных товариществ и устанавливал твердые формы охраны труда лиц, работавших в промысловых кооперативных предприятиях (3, ЦГАОР УССР, ф. 271, оп. 1, д. 31, л. 188).

С профорганами в лице Южбюро ВЦСПС было достигнуто соглашение о невмешательстве профсоюзов в работу промысловой кооперации (циркулярное письмо Южбюро ВЦСПС № 80 от 5 мая 1923 г.) (4, с. 235, 236), а с органами Наркомсобеса - полный контакт по работе в области организационного руководства объединениями кооперации инвалидов (3, ЦГАОР УССР, ф. 271, оп. 1, д. 31, л. 188). Были установлены определенные правила по совместному контролю за деятельностью кредитных кооперативов органами Наркомфина и Главкооперкома (3, л. 188).

Важной стороной деятельности Главного кооперативного комитета была его борьба с лжекооперативами. Регистрация кооперативов показала, что некоторые из них не соответствовали своему назначению, под их вывеской ловко действовали различного рода жулики и спекулянты. Государство установило для кооперации ряд льгот: налоговые, жилищные и пр. Нередко наблюдались случаи, когда объединения, ничего общего с кооперацией не имевшие, с целью использования этих льгот ухитрялись зарегистрировать свои уставы в кооперативном порядке и выдавали себя за настоящие кооперативы.

На Украине работу по выявлению и ликвидации таких лжекооперативов неустанно проводил Главкооперком. Она проводилась в двух направлениях: путем предупреждения создания объединений с признаками антикооперативности и путем установления надлежащего надзора за деятельностью существовавших кооперативов. В действовавшем в тот период законодательстве по кооперации этой важной (прежде всего с экономической стороны) проблеме не было уделено достаточно внимания. Поэтому Главкооперком вынужден был вести борьбу с лжекооперативами как своими постановлениями, так и практической работой, ревизиями, обследованиями через

губернские кооперативные комитеты или соответствующие кооперативные центры. Кроме годичных плановых ревизий проводились и специальные ревизии кооперативов.

Выявлению лжекооперативов (особенно в промкооперации) помогали назначаемые время от времени Главным кооперативным комитетом генеральные обследования кооперативных организаций в губернском или городском масштабе. Материалы ревизий давали право Губкооперкомам отказать кооперативу в перерегистрации, что и означало конец его существованию. Кроме того, в своей обычной повседневной работе Губкооперкомы выносили постановления о необходимости ликвидации выявленного лжекооператива и направляли все делопроизводство в Главкооперком, который выносил постановление о ликвидации и назначал ликвидационную комиссию. Важнейшее постановление о перерегистрациях и ревизиях кооперативных организаций изданы были Главкооперкомом в 1922-1924 гг. (3, л. 321; 2, ст. 23, 27). Следует подчеркнуть положение, в силу которого при ликвидации кооператива (безразлично, в добровольном или принудительном порядке) все оставшееся у ликвидируемого объединения имущество после уплаты долгов и возвращения паев обязательно обращалось на кооперативные или общественно полезные нужды. Это положение, характеризующее кооперативную организацию как организацию, накапливающую неделимые капиталы в пользу общества, попутно ставило под угрозу дельцов из лжекооперативов, поскольку последние в конце концов обнаруживались и ликвидировались Главкооперкомом.

Так как кустарно-промысловая кооперация давала наибольший процент лжекооперативов, Главкооперком разработал ряд специальных постановлений, направленных на борьбу с фиктивными товариществами этого вида кооперации (4, с. 230-233). Итогом этой борьбы стала ликвидация с 1922 по 1925 гг. Главкооперкомом в принудительном порядке 66-ти существовавших лжекооперативов и отказ в регистрации 250-ти лжекооперативам, т. е. ликвидация их в зародыше (3, л. 192).

Таковы важнейшие стороны организационно-правовой и законотворческой деятельности Главного кооперативного комитета при СНК УССР. Как было показано, область ее оказалась весьма широкой и имела положи-

тельное значение. Некоторые акты по кооперации, изданные по инициативе Главкооперкома, разрешали важнейшие проблемы кооперативной деятельности и легли в основу не только республиканского, но и союзного законодательства. Много сделал Главкооперком и по руководству отдельными системами кооперации, главным образом сельскохозяйственной, потребительской и кустарно-промышленной.

Руководя почти всеми сторонами жизни украинской кооперации, Главкооперком не мог не остановить свое внимание на очень важной и необходимой проблеме кодификации кооперативного законодательства УССР. Им был подготовлен проект кооперативного Кодекса УССР, а также проект Основ кооперативного законодательства Союза ССР.

Список литературы: 1. СУ УССР, 1922, № 4. 2. СУ УССР, 1923, № 26. 3. ЦГАОР УССР, ф. 271. 4. Законы о кооперации: Систематический сб. декретов, постановлений, инструкций и циркуляров по кооперации. - Х.: Изд-во НКЮ УССР, 1925. 5. Кооперация на Україні в 1925 - 1926. рр. - Х., 1929. 6. Мельников А., Казарина А. Обеспечение законности в деятельности кооперативов // Сов. законность. - 1989. - № 1. 7. Остапкович Г. Кооперация - первый шаг к рыночной экономике // Вестник статистики. - 1990. - № 9. 8. Файн Л.Е. Социально-экономическая характеристика кооперации в начальный период нэпа (1921-1923 гг.) // История ССР. - 1968. - № 5.

**Ю.Н. Тодыка, д-р юрид. наук,
И.В. Бенедик, канд. юрид. наук.**

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЕЙ

Проблемы власти, ее формирования и функционирования, взаимоотношений между властными структурами по вертикали и горизонтали, обеспечения возможности влияния гражданского общества, политических негосударственных формирований на государственную власть приобретают в условиях нестабильности социума

все большую значимость, в особенности на переходных этапах развития общества и государства. Для обеспечения движения общества к демократии актуальной является задача конституционно-правовой регламентации политической и государственной властей. Для становления в Украине правового государства и гражданского общества на современном этапе политико-правового развития Украины и дальнейшей динамизации конституционного процесса решение данной проблемы имеет основополагающее значение.

В этой связи стоит задача определиться с феноменом власти, найти пути эффективного использования потенциала властных структур для продвижения общества по пути демократии.

В политической и государствоведческой литературе нет единого понятия власти. В политологическом аспекте власть рассматривается как центральное, организационное и регулятивно-контрольное начало политики, как одна из важнейших и наиболее древних проблем политического знания, как средство осуществления политики, как идеальное, волевое или эмоциональное отношений (15, с. 40, 41). В одной из первых энциклопедий государства и права власть определяется как "всякое отношение господствующего к подчиненному" (20, с. 441). Из этой позиции исходил М.А. Аржанов, писавший что "свойством всякой власти является прежде всего способность властвующего принудить подвластных следовать своей воле" (16, с. 94). Некоторые авторы определяли власть как способность подчинять поведение и деятельность людей воле своего общества, группы людей или отдельного человека (12, с. 18). В таком же аспекте рассматривал власть И.А. Азовский (9, с. 13). В понимании власти прежде всего подчеркивалось такие ее свойства, как насилие, господство, стремление к подчинению.

Вместе с тем были и имеются иные подходы к феномену власти. Некоторые авторы считают, что при нормальном, спокойном эволюционном, а не революционном процессе развития общества возможны и такие властеотношения, которые исходят из авторитета власти, добровольного ее признания объектом властного воздействия (18, с. 88). При таких отношениях авторитет власти не требует подчинения, а предполагает добровольное согласие подвластного с волей властного субъекта.

Добиваться такого авторитета власти весьма необходимо для консолидации общества, его демократического развития. К сожалению, в Украине, как и многих странах СНГ, авторитет государственной власти падает, усиливаются ее антиподы, которые могут проявляться через такие феномены, как безвластие (состояние, когда собственное поведение не определяет события), безверие (когда индивид не знает, во что верит), безнормие (связанное с убеждением, что только неодобряемое поведение может способствовать достижению поставленных целей), изолированность (неуважение к ценностям и верованиям, доминирующим в данном обществе), неповиновение или потеря власти законов (когда люди осознанно отказываются от выполнения нормативных предписаний, исходящих от властных структур, оказывает пассивное или активное сопротивление власти в различных формах), аномия (отсутствие или не признание норм, правил, функционирующих в обществе), оппозиция (отрицание не власти вообще, а какого-либо ее конкретного носителя или формы, выражающейся в открытом или скрытом сопротивлении, встречном движении к власти с целью ее замещения или захвата) и др. (10, с. 11).

Высшей ступенью неупорядоченности в обществе является хаос, который проявляется в следующем: в рассогласованности различных аспектов властного механизма, наступающей, когда нормы морали противоречат юридическим, политическая власть бросает вызов нравственности, а симпатии членов общества оказываются на стороне преступников; в разрыве, дроблении, упрощении, примитивизации хозяйственных связей, приобретении ими в основном натурального характера; в цинизме - качественной и количественной деградации норм, регулирующих человеческое поведение, нарастании агрессивности в отношениях между людьми; в разрушении социальной инфраструктуры, транспорта, связи; в проявлении массовой истерии; в неспособности общества поддерживать свою непроеизводственную сферу - науку, культуру, образование. Двигаясь к хаосу, общество теряет механизмы властного управления, контроля и приобретает такое состояние, при котором способно обеспечить только самые простые человеческие потребности, элементарные социальные связи. При этом круг этих потребностей и связей постоянно сужается;

деградация личности и разрушение власти оказываются взаимосвязанными (10, с. 11).

Определенные признаки такого состояния нашего общества имеют место в таких проявлениях, как неуважение к закону, массовые забастовки, усиливающаяся агрессивность между людьми, падение морали, тенденция к натурализации хозяйственных связей, неспособность на должностном уровне поддержать непродуцированную сферу - прежде всего науку и образование.

Поэтому проблема укрепления государственной власти, повышения ее авторитета имеет основополагающее значение для выживаемости социума, для его прогресса. Необходимо использовать все позитивные свойства власти в интересах народа. При этом следует учитывать, что власть - это вид управления, регулирования и контроля, овладения и направления энергии (13, с. 16), силы и возможностей ресурсов, которыми располагает общество. Именно власть является результативным средством упорядочения социальных связей, ей присущ негэнтропийный эффект (19, с. 24) - она самым тесным образом связана с культурой, прежде всего с политико-правовой культурой общества и его политической элиты, с нормированием взаимоотношений между людьми. Власть - это волевое отношение, носящее целенаправленный характер, изменение поведения через изменение методов поведения и целей деятельности людей (10, с. 4), это реальная возможность обладающего ею субъекта привести общественные отношения в новое, заранее определенное и запрограммированное состояние. А это означает, что всякое властное воздействие в идеале предполагает сознательное предопределение конечного результата (11, с. 29). Власть носит политический характер, поскольку, возникая из родовой неоднородности людей, она "сводится к системе преимуществ, представляющих дополнительные степени свободы и дающих право одним влиять на самоутверждение других" (19, с. 24). Она является средством осуществления политики государства, борьбы за власть и за ее удержание. Это один из основных аспектов политической жизни общества. Власть - это и возможность принуждать, да еще не всегда законными методами. Существует опасность и безконтрольной власти. Поэтому возникает необходимость ее четкого нормативно-правового регулирования на осно-

не конституционного уровня.

Объектом конституционной регламентации должны быть и политическая, и государственная власти. При этом следует исходить из того, что они не тождественны и что первая по объему шире второй. Так, Ю.А. Тихомиров, высказывая эту мысль, подчеркивал, что государственная власть является только частным ее проявлением, что общественные объединения могут являться прямыми носителями, т. е. субъектами политической власти (17, с. 17). При таком подходе государственная власть не станет конкретным выразителем политической власти, а будет представлять собой самостоятельный институт (11, с. 34). Такой взгляд на данный вопрос расходится с традиционным марксистским пониманием феномена власти, когда политическая и государственная власти рассматривались как тождественные. В статье К. Маркса "Морализующая критика и критизирующая мораль" имеется прямое указание на тождественность этих понятий (14, с. 297).

Выделение политической власти как самостоятельного института имеет большое значение для рассмотрения проблемы взаимоотношения гражданского общества и государства, их взаимовлияния, для становления демократии в Украине на концептуально новых основах. При этом мы исходим из того, что между политической и государственной властями много общего: общий источник в лице народа; их публичный характер; общие цели - управление делами общества и государства; близкие по характеру методы реализации властных полномочий.

Вместе с тем между ними имеются и различия, которые состоят в том, что:

а) они имеют различный состав субъектов, обладающих соответствующими властными полномочиями. Непосредственными субъектами государственной власти выступают ее органы, а субъектами политической власти являются политические партии, политические объединения, субъекты избирательного процесса. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 23 Закона "О выборах народных депутатов Украины" такими субъектами являются партии или их избирательные блоки. Но они могут принимать участие в избирательной компании и соответственно выдвигать по одному кандидату в избирательном округе через свои ре-

гиональные отделения только после регистрации их Центральной избирательной комиссией (7, с. 20).

б) если полем деятельности государственной власти является собственно государство и его органы, а власть государства распространяется на гражданское общество только в части установления юридических норм, обеспечивающих нормальное его функционирование, то полем деятельности политической власти является преимущественно гражданское общество. Политическая власть выходит за рамки гражданского общества в случае, если необходимо влияние на процесс формирования государственных органов или осуществление давления на них.

в) государственная власть обладает суверенитетом и правом издания нормативных актов, имеющих общеобязательный характер. Такие же полномочия у органов местного самоуправления как субъектов политической власти на территориальном уровне (11, с. 34).

Конституционное регулирование институтов государственной и политической властей должно исходить из учета как их общих черт, так и особенностей, из необходимости формирования в Украине правового государства и дееспособного такого гражданского общества, которое бы не давало возможности государственной власти или отдельной ее ветви узурпировать властные полномочия и действовать бесконтрольно, нарушая Конституцию, законы, права человека. К сожалению, практика нарушения Конституции и законов со стороны властных структур, причем самого высокого уровня, в Украине в последние годы получила распространение. В связи с ухудшением социально-экономического и политического состояния общества, усилением конфронтации между законодательной и исполнительной властями, отсутствием Конституционного Суда, она имеет тенденцию к дальнейшему развитию. Как никогда низок уровень конституционной законности, что в значительной мере связано с отсутствием в Украине нового Основного Закона, который базировался бы на общедемократических ценностях и принципах, апробированных мировой практикой конституционализма.

Государство с помощью конституционно-правового регулирования обеспечивает статус различных элементов политической системы Украины. Принципиальное значе-

ние в этом отношении имело исключение из Основного Закона ст. 6 о руководящей и направляющей роли КПСС и установление в ст. 7 Конституции положения, что политические партии, общественные организации и движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в иных формах берут участие в разработке и осуществлении политики республики, в управлении государственными и общественными делами на основе их программ и уставов в соответствии с Конституцией Украины и действующими законами (1, с. 7). Это база для становления в нашей республике политического плюрализма и многопартийности, развития демократических процессов в политической сфере.

Конституционное регулирование взаимоотношений государства и гражданского общества, государственной и политической властей было заложено прежде всего в Концепции новой Конституции Украины, одобренной Верховным Советом Украины 19 июня 1991 г., которая установила необходимость конституционного закрепления определяющих начал создания и деятельности общественных формирований (политических партий, общественных организаций, движений). Указывалось, что государство должно создать равные условия для их функционирования, способствовать введению в политическую жизнь Украины многопартийности, политического плюрализма, разнообразия форм реализации общественных интересов. Эти концептуальные положения легли в основу всех проектов новой Конституции Украины. А в проекте Основного Закона Украины в редакции от 26 октября 1993 г. была выделена отдельная глава, посвященная общественным формированиям. В ней подчеркивалось равенство всех объединений перед законом: ни одно из них не может пользоваться льготами и преимуществами, не установленными законом (4, с. 6). К сожалению, в новой Конституции Украины такая глава отсутствует.

Равенство общественных объединений перед законом закреплено в ст. 13 Конституции Российской Федерации, в основных законах многих стран СНГ. Так, Конституция Республики Молдова, принятая 29 июля 1994 г., в ст. 41 устанавливает, что партии и другие общественно-политические организации равны перед законом (3, с. 15).

Это вытекает из общедемократического принципа равенства субъектов общественных отношений, в том числе и субъектов политико-правовых процессов.

Если государственная власть институализуется в соответствующих государственных структурах (парламент, президент, суд и т. д.), то политическая власть - в политических партиях, общественных организациях, объединениях и т. д. Статус этих формирований определяется не только в их уставах, положениях, иных документах, но и в конституционном и текущем законодательстве. В этой связи возникает ряд вопросов теоретического и практического характера: в каком объеме должно осуществляться их нормативная регламентация на конституционном уровне, какие могут быть установлены запреты и ограничения на их деятельность, какие устанавливаются меры воздействия государственной власти на политические негосударственные формирования?

Считаем, что конституционное регулирование основ организации и функционирования политических партий, иных общественных объединений имеет принципиальное значение для становления в Украине гражданского общества. Поэтому конституционный уровень правовой регламентации объективно необходим. Вопрос в другом: в каком объеме она должна быть. В этом важно выдержать меру. Если уделить данной проблеме слишком большое внимание, это может быть воспринято общественностью как необоснованное вмешательство государственной власти в дела гражданского общества, которое должно функционировать прежде всего на основе саморегуляции. С другой стороны, если на уровне Конституции не закрепить основополагающие параметры функционирования институализированных структур формирующегося гражданского общества, это будет свидетельствовать о недооценке со стороны государственной власти роли негосударственных политических структур. Считаем, что именно второй подход проявился в Конституции Украины 1996 г., в которой устанавливается правовой статус общественных политических формирований через право граждан Украины на объединение в политические партии и общественные организации для защиты своих прав и свобод, удовлетворения политических, экономических, социальных, культурных и иных интересов (ст. 36).

Значительно шире негосударственных формирований статус закреплён в ст. 41 Конституции Республики Молдова, в которой указывается, что граждане могут свободно объединяться в партии и другие общественно-политические организации, способствующие выявлению и выражению политической воли граждан, что они равны перед законом и государство обеспечивает соблюдение их прав и законных интересов. Закрепляется, что тайные объединения запрещены, что запрещается деятельность партий, состоящих из иностранных граждан. Государственные должности, занятие которых несовместимо с членством в партии, устанавливаются органическим законом.

Конституционное законодательство определяет рамки функционирования политической власти и ее институтов. Так, ст. 3 (п. 4) Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г. на всероссийском референдуме, гласит, что "никто не может присваивать власть и что захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по Федеральному закону". В ст. 4 Конституции Республики Беларусь, принятой на XIII сессии Верховного Совета Республики Беларусь XII созыва 15 марта 1994 г., говорится, что идеология политических партий не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан (6, с. 4). Конституция Литовской Республики, принятая референдумом 25 октября 1992 г., в ст. 44 закрепляет, что государство, политические партии, общественно-политические организации, другие институты не могут монополизировать средства массовой информации. Конституция Туркменистана, принятая 18 мая 1992 г. Верховным Советом (Меджлисом) Туркменистана, устанавливает, что граждане вправе создавать политические партии и иные общественные объединения, действующие в рамках Конституции и законов (ст. 28).

Довольно подробно в ст. 8 Конституции Кыргызской Республики, принятой 5 мая 1993 г. на XII сессии Верховного Совета Республики Кыргызстан, регламентируется статус политических негосударственных формирований. В ней устанавливается, что политические партии могут участвовать в государственных делах только: а) выдвигая своих кандидатов для избрания в парламент, на государственные должности и в органы местного самоуправления; б) формируя фракции в представитель-

ных органах. Не допускается: а) слияние государственных и партийных институтов, а также подчинение государственной деятельности партийным программам и решениям; б) образование и деятельность партийных организаций в государственных учреждениях и организациях (т. е. государственные служащие вправе осуществлять партийную деятельность вне связи со своей службой); в) членство в партиях и выступления в поддержку какой-либо политической партии военнослужащих, работников органов внутренних дел, национальной безопасности, прокуратуры и судов, создание политических партий на религиозной основе, деятельность политических партий других государств.

В отличие от Конституции Кыргызстана Конституция Литовской Республики закрепляет статус политических негосударственных формирований всего одной фразой: "Создание и деятельность политических партий, других политических и общественных организаций регламентируется законом" (ст. 35). Вряд ли это самый оптимальный путь конституционно-правовой регламентации.

Многие конституции устанавливают недопущение подмены государственной власти институтами политической власти. Так, согласно со ст. 10 Конституции Узбекистана от имени народа Узбекистана могут выступать только избранные им Олий Мажлис, т. е. парламент, и Президент республики. Указывается, что никакая часть общества, политическая партия, никакие общественные объединения, движения или отдельные лица не могут выступать от имени народа Узбекистана. Конституция Кыргызстана также устанавливает, что никакая часть народа, никакое объединение и никакое отдельное лицо не вправе присваивать власть в государстве и что узурпация государственной власти является тягчайшим преступлением (ст. 2). Примерно в такой редакции дается ч. 2 ст. 2 Конституции Республики Молдова. Только отдельно подчеркивается недопустимость присваивания власти политическими партиями. Вместе с тем многие конституции стран СНГ, не закрепляют этих положений, а они крайне необходимы для недопущения нового тоталитаризма.

Для обеспечения демократии и недопущения диктатуры каких-либо социальных сил, политических формирований принципиальное значение имеет четкое определение в конституциях действий, которые являются

основанием для запрета этих формирований. В новых конституциях стран СНГ закрепляется разное количество таких оснований.

Конституция Российской Федерации в качестве оснований выделяет: сознание вооруженных формирований, недопущение национальной и религиозной вражды, религиозной и социальной розни. Конституция Республики Беларусь устанавливает запрет на создание и деятельность политических партий, а равно других общественных объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя либо ведущих пропаганду войны, национальной и расовой вражды.

Новая Конституция Украины запрещает образование и деятельность политических партий и общественных организаций, программные цели или действия которых направлены на: ликвидацию независимости Украины, изменение конституционного строя насильственным путем, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, подрыв его безопасности, незаконный захват государственной власти, пропаганда войны и насилия, разжигание межнациональной, расовой, религиозной вражды, посягательства на права и свободы человека, здоровье населения. В этой конституционной норме вполне обосновано, на наш взгляд, содержится довольно широкий перечень ограничений.

Как видим, конституционно-правовое регулирование институтов политической власти в Основных Законах стран СНГ различно. Исходя из этого и с учетом накопленного опыта конституционализма следует выбрать наиболее оптимальную модель правовой регламентации, что имеет огромное значение для формирования в Украине гражданского общества, правового государства и развития демократических процессов.

Список литературы: 1. Конституция (Основной Закон) Украины (с изменениями и дополнениями). - К., 1989. 2. Концепция новой Конституции Украины // Вестник Верховного Совета Украины. - 1991. - № 35. - ст. 466. 3. Конституция Республики Молдова. - Кишинев, 1994. 4. Конституция Украины (проект) в ред. от 26 окт. 1993 г. // Голос Украины. - 1993. - 30 окт. 5. Конституція України (проект) / Підготовлений Робочою групою Конституційної комісії України 15 лист. 1995 р. - Київ, 1995. 6. Конституция Республики Беларусь. - Минск, 1994. 7. О выборах народных депутатов Украины: Закон Украины. - К., 1993. 8. Об общественных объединениях: Закон Украины // Вестник Верховного Совета Украи-

ны. - 1992. - № 34. - Ст. 504. 9. Азовкин И.А. Демократический характер власти в СССР и механизм ее осуществления // Сов. государство и право. - 1968. - № 9. 10. Демидов А.И. Власть в единстве и многообразии ее измерений // Государство и право. - 1995. - № 11. 11. Дмитриев Ю.А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества // Государство и право. - 1994. - № 7. 12. Королев А.И., Мушкин А.Е. Государство и власть // Правоведение. - 1963. - № 2. 13. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. - М., 1988. 14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 4. 15. Политология: Энциклопедический словарь. - М., 1993. 16. Теория государства и права. - М., 1949. 17. Тихомиров Ю.А. Социализм и политическая власть // Сов. государство и право. - 1974. - № 5. 18. Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. - Саратов, 1967. 19. Философия власти. - М., 1993. 20. Энциклопедия государства и права / Под ред. П.Н. Стучки. - М., 1925. - Т. 1.

А.Г. Кушпиренко, канд. юрид. наук

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В УКРАИНЕ

Одним из проявлений демократизации социальных процессов в Украине является существенное совершенствование избирательной системы в представительные учреждения в посткоммунистический период. Значение выборов в политической жизни страны зависит не только от количества выборных органов и избираемых должностных лиц, но и от статуса этих органов в государственном и общественном механизме.

В зависимости от политической ориентации ученые по-разному оценивают выборы: от их идеализации до проявления к ним явного неуважения. Вместе с тем вряд ли следует недооценивать значение и роль данного политико-правового института как важнейшего условия развития демократических процессов и формирования дееспособных структур государственного механизма.

Проблема избирательной системы в Украине является очень актуальной. Украина как суверенное демократическое государство строит свою правовую систему, где правовая регламентация избирательного процесса играет особую роль. Немаловажная роль в этом непростом и длительной процессе возлагается на существующие в стране избирательное право и избирательную систему. Важно учитывать не только все позитивное, что

есть в них, но и параллельно искать новые модели этих государственно-правовых явлений.

В науке конституционного права термин "избирательное право" рассматривается в объективном и субъективном аспектах. В объективном аспекте - это совокупность правовых норм, которые регулируют общественные политические отношения, возникающие в процессе выборов депутатов в представительные учреждения государства и выборов Президента. В субъективном же смысле - это право на участие в выборах, которое складывается из двух основных компонентов: активного избирательного права, т. е. права участвовать в выборах в качестве избирателя, права голосовать, и пассивного избирательного права, т. е. права быть зарегистрированным в качестве кандидата и в случае избрания стать депутатом (Президентом).

Вместе с тем данный институт следует рассматривать несколько шире: под избирательным правом следует также понимать субъективное право гражданина стать участником конституционно-правового процесса, возникающего при проведении референдума, отзыве народного депутата. В данном случае избирательное право предполагает право гражданина на подачу голоса и соответствующую обязанность со стороны органов государства обеспечить волеизъявление избирателя.

Своим юридическим источником избирательное право имеет Конституцию Украины, где содержатся нормы материального права, закрепляющие конституционные принципы выборов, а также конституционные законы, регламентирующие порядок и организацию выборов. Эти нормы относятся к числу процессуальных норм.

Конституция Украины, как и конституции большинства зарубежных государств, закрепляет такие принципы избирательного права, как, всеобщность выборов, равное избирательное право, прямые выборы, принцип тайного голосования. Значение этих принципов как основных начал, имеющих руководящее значение для выборов народных представителей, трудно переоценить. Их несоблюдение ведет к деформации важнейшего политико-правового избирательного процесса, искажению воли народа, тоталитарным формам правления.

К сожалению, недостатки избирательного законодательства, отсутствие реальной многопартийности и по-

литического плюрализма приводят к политической апатии значительных слоев населения, к абсентеизму, к неверию в возможности демократических преобразований. Несмотря на декларативные заявления, многопартийная система как таковая в силу различных причин так и не сложилась. В этих условиях так называемая политическая борьба обманывает, дезориентирует народные массы, вызывает у них чувство глубокого разочарования, о чем свидетельствуют перманентные выборы народных депутатов Украины, которые из-за неявки избирателей так и не позволяют полностью сформировать парламент Украины.

Под избирательной системой следует понимать совокупность как правовых, так и неправовых отношений, складывающихся в процессе организации и проведения выборов в представительные органы государства и Президента. В процессе выборов возникают разнообразные государственно-правовые отношения: граждан с избирательными комиссиями; в процессе регистрации кандидатов; организации и проведения выборов; между различными уровнями избирательных комиссий; между избирательными комиссиями и органами государственной власти и управления; между избирательными комиссиями и прессой, общественными формированиями, трудовыми коллективами; между избирательными комиссиями и кандидатами в депутаты. Все это свидетельствует о широком диапазоне государственно-правовых отношений в процессе реализации гражданами субъективных избирательных прав.

Депутаты, Президент государства могут быть избраны лишь в результате голосования. Но эта цель достигается только при соблюдении соответствующих правил и принципов определения таких результатов. Эти правила и принципы заложены в законодательстве страны. Таким образом, избирательная система устанавливает юридические критерии определения результатов голосования.

В мире существуют и применяются мажоритарная, пропорциональная и смешанная избирательные системы. Те избирательные системы, в основе которых определения результатов голосования заложен принцип большинства (от франц. - *majoriti*), называются мажоритарными. Согласно принципам этой избирательной сис-

темы избранным по избирательному округу считается кандидат, который получил установленное большинство голосов. В связи с этим различают мажоритарные системы квалифицированного большинства (не применяются), абсолютного большинства и относительного большинства. При мажоритарной системе абсолютного большинства для избрания требуется абсолютное большинство поданных по округу голосов (50 % + 1 голос). В Украине действует именно такая система. Округа одномандатные, допускаются повторное голосование и повторные выборы.

Представляется, что более результативной выступает мажоритарная избирательная система относительного большинства, при которой избранным считается кандидат, который набрал больше голосов, чем каждый из его соперников в отдельности, хотя это большинство и составило меньше половины. Повторные выборы и повторное голосование при этом исключаются. Хотя такая избирательная система в мире довольно распространена, тем не менее она не очень демократична, поскольку депутаты получают свои мандаты голосами менее 50 % избирателей (иногда даже несколькими процентами). В этой ситуации вряд ли можно говорить о полноценности такого мандата.

По мнению автора, более прогрессивной выступает пропорциональная избирательная система. Основное, принципиальное отличие пропорциональной избирательной системы от мажоритарной в том, что она строится не на принципах большинства, а на принципе пропорциональности между полученными голосами и завоеванными мандатами. Добиться соответствия между количеством голосов и количеством мандатов - главная задача этой системы.

В рамках данной статьи практически невозможно показать механизм действия данной системы. Он очень сложен: выборы являются строго партийными (избиратель голосует за список своей партии в целом), проводятся по многомандатным избирательным округам. Она предполагает определение избирательной квоты (т. е. наименьшего числа голосов, необходимого для избрания одного депутата), и установление избирательного, заградительного барьера (обычно 5 %) и т. д.

Смешанная избирательная система применяется довольно редко. Она допускает блокирование списков, что

позволяет партиям, набравшим в округе большинство голосов, забирать все мандаты и делить их между собой по пропорциональной системе согласно количеству голосов, поданных за каждый список в отдельности. Если ни одна партия и ни один блок не набрали абсолютного большинства голосов, распределение мандатов производится между всеми участвовавшими в выборах партиями по пропорциональной системе. Такая система применяется во Франции.

Исходя из вышеуказанного материала, основанного на соответствующем законодательстве зарубежных государств, а также действующего законодательства о выборах в Украине, практики его применения во время выборов народных депутатов и Президента страны в 1994 г., можно высказать некоторые рекомендации по совершенствованию избирательного законодательства.

Действующее в Украине избирательное правило, его конституционные принципы, с точки зрения автора статьи, являются в достаточной степени прогрессивными и демократическими. Вместе с тем следовало бы в законодательном порядке несколько ограничить всеобщее избирательное право путем установления некоторых цензов, (требований), которым должен отвечать гражданин, для получения права участвовать в выборах. Так, целесообразно установить ценз оседлости граждан для получения активного и пассивного избирательного права. Образовательный ценз (например наличие среднего образования) крайне желателен для лиц, подпадающих под действие пассивного избирательного права. Для этой же категории граждан следует установить и некоторые другие дополнительные требования, в частности, обязательное предоставление в избирательную комиссию справки из наркологического диспансера и психиатрической больницы. Заболевание алкоголизмом также должно быть препятствием для лиц, желающих получить мандаты в представительные органы. Конечно же, количество таких лиц, желающих стать депутатами, всегда будет невелико, но тем не менее законодательное закрепление таких дополнительных требований будет еще одной гарантией того, что депутатами не станут случайные, а следовательно, совершенно бесполезные в этих органах и для избирателей люди.

Следует так же расширить и перечень тех лиц,

граждан Украины, которые по законодательству государства не обладают активным избирательным правом. Наряду с лицами, признанными недееспособными в судебном порядке, страдающими психическими заболеваниями, находящимися в местах лишения свободы, активного избирательного права желательно было бы лишити и военнослужащих, тем более, что такое ограничение прав всегда есть временным.

Как представляется, существовавшая в Украине на сегодняшний день мажоритарная избирательная система абсолютного большинства являлась наиболее оптимальной, но не совсем демократичной. Переход же на пропорциональную избирательную систему в условиях существования политически не состоятельных, мало-мощных партий может привести только к разочарованию среди избирателей и к дискредитации такой системы. Проблема, безусловно, имеется. И главным здесь выступает низкий уровень политической и правовой культуры избирателей, беззаконие и недобросовестное поведение членов избирательных комиссий, использование любых (в том числе и незаконных) средств и приемов кандидатами в депутаты, а также членами их команд, отсутствие эффективного государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства о выборах, практически полная безнаказанность лиц, допустивших грубые нарушения законодательства о выборах, и многое другое.

Эти факторы, а также недостаточная эффективность проводимых в республике реформ уже породили и продолжают порождать у рядового избирателя чувство разочарования, недовольства, возмущения. Отсюда - его нежелание воспользоваться своим конституционным избирательным правом (в том числе и пассивным), отказ идти на избирательные участки. Такой отказ (абсентеизм) - еще одно свидетельство того, что данная проблема является для Украины исключительно острой, актуальной и не может быть решена только совершенствованием избирательного права и избирательной системы. Поэтому наука конституционного права Украины должна дать наиболее оптимальные модели избирательного права не только на настоящий момент, но и на перспективу с учетом всего комплекса социально-политических и иных факторов. В этом реально может проявиться ее творческий потенциал.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УКРАИНЕ

Информированность общества выступает важным фактором его прогрессивного развития и цивилизованности. Гласность отражает степень информированности общества о состоянии дел в различных сферах социальной практики. С функционированием гласности связаны информированность людей о социальных процессах. Право на объективную, открытую и достоверную информацию является одним из важнейших прав человека.

В юридической литературе под гласностью понимают открытость, доступность информации для общественного ознакомления, обсуждения, контроля деятельности учреждений, организаций, должностных лиц (П, с. 207, 208).

Уровень политического развития общества в значительной мере связан с развитием информационного пространства, с состоянием дел в сфере печатных средств массовой информации (СМИ).

Со времени провозглашения независимости Украины в условиях становления новой правовой системы существенно возрастает роль средств массовой информации. Это связано прежде всего с формированием правовой системы Украины на демократических основах, становлением структуры гражданского общества, где средства массовой информации занимают особое место.

Правовое положение средств массовой информации регулируется нормами Конституции Украины, законом Украины "Об информации" от 2 октября 1992 г. (4, 1992, № 48, ст. 650), законом Украины "О печатных средствах массовой информации (печати) в Украине" от 16 ноября 1992 г. (4, 1993, № 1, ст. 1), законодательными актами об отдельных отраслях, видах, формах и средствах информации, международными договорами и соглашениями, ратифицированными Украиной.

В указанных законах определен правовой статус органов печати и других средств массовой информации, юридические основы получения, использования, распространения и хранения информации, закреплено право

граждан на получение информации. В законодательстве достаточно подробно регламентируется порядок доступа к информации, обеспечения ее охраны, защиты личности и общества от ложной информации. При этом под информацией понимаются документированные или публично оглашенные сведения о событиях и явлениях, которые происходят в обществе, государстве, окружающей природной среде.

Информационные отношения в Украине базируются на важнейших политико-правовых принципах, основными из которых являются: гарантированность права на информацию; открытость, доступность информации и свобода ее обмена; объективность, достоверность информации; полнота и точность информации; законность получения, использования, распространения и сохранения информации. По существу, на базе этих принципов формируется современная информационная политика в нашем государстве, хотя, безусловно, не все из них находят полное свое отражение в практике информационных процессов.

В Украине, как и в некоторых других посткоммунистических странах, жизненно важная для населения информация, к сожалению, скрывалась, замалчивалась, приукрашалась. В 1989 г. общественность узнала о фактических масштабах черновыльской катастрофы, которые и сегодня имеют последствия. О размерах и характере аварии население узнало из сообщений средств массовой информации зарубежных государств, а не из собственных информационных источников. Для населения любого государства своевременная информация представляет большую ценность. Замалчивание о катастрофе на Чернобыльской АЭС еще раз подтверждает, что между властью, правительством, с одной стороны, и населением, гражданами - с другой, нередко имеются различные позиции и подходы, касающиеся правдивой информации (9, с. 8).

Возрастает роль информации и информированности общества о политико-правовых процессах. Политическая информация содержит в себе не только сведения о работе высших государственных структур, политических партий, но и о дебатах в парламенте, в правительстве, о работе администрации Президента, сведения о личных качествах политических лидеров, известных об-

ществленных деятелях. Этот вид информации влияет на общественное мнение, причем довольно существенно, и прежде всего в вопросах политики.

Наряду с вопросами информационной свободы не менее важными являются вопросы срочности передачи информации. Суть ее состоит в незамедлительном информировании населения и органов управления о происходящих событиях, в том числе и о чрезвычайных ситуациях. Своевременная информированность субъектов правоотношений имеет основополагающее значение для функционирования демократических процессов, обеспечения законности и правопорядка, прав и законных интересов граждан.

В ходе осуществления информированности возникают особые общественные отношения, которые с полным правом можно назвать информационными. При этом мы исходим из того, что само разнообразие информационных отношений базируется на экономических, государственно-правовых, социальных, трудовых, экологических, криминальных и других отношениях, которые являются базисными, информационные же носят обслуживающий характер, хотя их значимость от этого не уменьшается.

Развитие информационных отношений ставит ряд вопросов, требующих своего научного осмысления: во-первых важно выяснить место информационных отношений в общей системе социальных связей; во-вторых, необходимо определиться, одной ли отраслью права или их совокупностью регулируются эти отношения; в-третьих, насколько существующее правовое регулирование соответствует потребностям жизни. Следовательно, в системе информационных отношений возникает ряд непосредственных взаимосвязанных проблем, которое нуждается в тщательном исследовании. Прежде всего необходимо четкое отграничение информационных отношений и их разновидностей от тех общественных отношений, которые они обслуживают, а так же отдельных видов информационных отношений от общеинформационных отношений. Важно четко определиться, каковы сегодня тенденции развития информационных отношений.

Необходимо сосредоточить внимание на выяснении вопроса о месте информационных отношений в системе общественных отношений и правовых форм их реа-

лизации. Представляют интерес суждения, например, о научно-технической информации. Так, в литературе утверждается, что по своей природе правовые нормы, регулирующие отношения по поводу научно-технической информации (НТИ), относятся к различным отраслям права (1, с. 11), что в каждой отрасли права отношения, действующие в сфере НТИ, получают свою, присущую предмету и методу той или иной отрасли права, юридическую регламентацию (8, с. 262).

Отдельные авторы полагают, что пока преждевременно говорить о возникновении самостоятельной отрасли информационного права (5, с. 67). Но в последнее время высказано мнение о компьютерной информации и компьютерном праве. Поэтому в юридической литературе делается вывод, что можно говорить только о существовании комплексного правового института, регулирующего отношения в области НТИ, который должен входить в законодательство о научно-техническом прогрессе (6, с. 187).

Хотя высказанные суждения и относятся к научно-технической информации, т. е. к одному из видов информации, однако, на наш взгляд, они непосредственно касаются информационных отношений в целом с позиции подхода к определению места информационных отношений и их правовых форм закрепления.

Суммируя высказанные суждения, можно сделать следующие выводы: во-первых, информационные отношения по своей сущности и правовой природе неоднородны; во-вторых, они не подпадают под правовое регулирование какой-либо одной отрасли права Украины, поскольку такой отрасли права пока не существует; в-третьих, информационные отношения выполняют обслуживающую роль применительно к основным общественным отношениям — политическим, экономическим, социальным, экологическим, трудовым и др.; в-четвертых, есть основание говорить о формировании правового института информационного права.

Эти принципиальные выводы в полной мере касаются и понимания информационных отношений, и их правового регулирования. Кстати, в литературе не отвергается отраслевой характер информации (7). Следовательно, неоднородность информационных отношений порождает многообразие их правовых форм.

Наличие информационных отношений, их социальная значимость диктуют необходимость более четкой их правовой регламентации. В литературе обоснованно отмечается, что социальная ценность права заключается в том, что оно выступает регулятором человеческих отношений, обеспечивает их организованность, согласованность, слаженность, подчиненность единым началам (2, с. 32, 51). В этой связи возникает вопрос: обеспечение субъектов информационных отношений правовой информацией осуществляется на межотраслевой или на отраслевой правовой основе?

Анализ законодательства дает основание сделать вывод о том, что правовая информация обеспечивается несколькими отраслями права: конституционной, экологической, гражданской, административной, трудовой, уголовной и др. Представляется, что ведущим является конституционное право, которым охватывается большой круг нормативного регулирования. Важно и то, что именно конституционное законодательство регламентирует наиболее важные сферы общественной деятельности, в том числе общественные отношения между государственными органами и гражданами. Поэтому важным требованием законодательства является требование государственных структур информировать граждан о своей деятельности. Четкое конституционно-правовое регулирование информационных отношений между государством и личностью является основой развития демократических процессов в Украине. Конституционное законодательство устанавливает обязанность не только государственных органов, но и иных субъектов политической системы Украины, в частности политических партий, информировать общественность о своей деятельности. Это также подчеркивает значимость конституционно-правовых моделей регулирования общественных процессов в аспекте соотношения таких политико-правовых явлений, как гласность, демократия. Именно благодаря тому, что Основной Закон Украины, иные конституционно-правовые акты регулируют наиболее важные социальные связи, велика роль конституционного законодательства в обеспечении режима демократизма, общественных процессов на основе принципов информированности и гласности. Не умаляя роль иных отраслей права, и в частности уголовного, гражданского, трудового,

следует подчеркнуть, что эти отрасли права регулируют информационные отношения более узкого характера и они не связаны непосредственно с политико-правовыми процессами.

Субъектами информационных отношений являются граждане Украины, организации, производственные, научные и иные организации и предприятия Украины, иностранные граждане и юридические лица, органы управления, правоохранительные органы.

Объектами информационных отношений является документированная или публично оглашенная информация о событиях и явлениях в области политики, экономики, культуры, а также социальной, международной и других сферах.

Обеспечение гласности во всех сферах социальной практики связано с проблемой ответственности, поскольку далеко не все субъекты правоотношений, которые обязаны представлять информационные материалы четко выполняют свои обязанности. Причем ответственность за их непредоставление довольно слабо разработана в действующем законодательстве Украины. Считаем, что в условиях становления правового государства гражданского общества, развития политического плюрализма объективно необходимо разработать соответствующие правовые механизмы обеспечения гласности и предоставления соответствующей информации. Это, как представляется, дало бы возможность повысить демократический потенциал реализации соответствующих решений общегосударственного и местного уровней, поскольку информированность — база для принятия соответствующим субъектом обоснованных решений.

В юридической литературе правовая ответственность рассматривается как возложение на виновных неблагоприятных имущественных и личных для него последствий за правонарушения в рамках, установленных законодательством (10, с. 42-69). Поэтому правовая возможность применения ответственности за правонарушения стимулирует деятельность субъектов информационных отношений к должному поведению определяемого нормативного предписания.

В век ядерных технологий принципиально важным является регулирование информационных отношений, связанных с вопросами радиационной безопасности.

Это вытекает из требования обеспечения права человека на жизнь как важнейшего основного права человека.

Право человека связано также и со здоровьем человека. Поэтому принятие закона "Об использовании ядерной энергии и радиационной безопасности" имеет большое значение, поскольку проблемы информационного обеспечения и использования ядерных технологий как порождение научно-технического прогресса тесно взаимосвязаны и нацелены на обеспечение права человека на жизнь (4, 1995, № 12, ст. 81).

Закон устанавливает приоритет безопасности человека и окружающей природной среды, права и обязанности граждан в сфере использования ядерной энергии, указывает конкретные органы государственной власти и управления, отвечающие за предоставления полной и достоверной информации по безопасности ядерной установки или объекта, предназначенного для хранения радиоактивных отходов. В обязанность этих органов входит периодическое распространение через средства массовой информации официальных сведений о радиационной обстановке, где находятся ядерные установки и источники ионизирующего излучения. Органы, осуществляющие государственный контроль за состоянием экологической, в том числе и радиационной обстановки, обязаны своевременно представлять информацию в Министерство охраны окружающей среды и ядерной безопасности Украины, Минздрав Украины и их органам на местах, которые после ее обращения должны передавать сведения средствам массовой информации, а последние - оперативно информировать население Украины, а в необходимых случаях и другие государства. В случае нарушения законодательства в области использования ядерной энергии устанавливается юридическая ответственность - дисциплинарная, гражданская, административная или уголовная.

В связи с тем, что в Украине сформировалась единая система информационных средств (бюро, представительства, корпункты и т. д.), возникла необходимость в создании должной правовой основы их деятельности. Поэтому был принят закон Украины об информационных агентствах от 28 февраля 1995 г. (4, 1995, № 13, ст. 83).

Настоящий закон закрепляет правовые основы деятельности в Украине информационных агентств и их

международного сотрудничества. Информационными агентствами являются зарегистрированные в качестве юридических лиц субъекты информационной деятельности, действующие в целях предоставления информационных услуг. Свобода деятельности информационных агентств гарантируется Конституцией Украины и действующим законодательством. Цензура информации запрещается. Закон устанавливает, что информационные агентства в своих материалах не имеют права разглашать данные, представляющие государственную тайну, и другую информацию, охраняемую законодательством. Закон определяет порядок учреждения, государственной регистрации и прекращения деятельности информационных агентств. Для лиц, виновных в нарушении настоящего Закона, устанавливается юридическая ответственность.

В соответствии с п. 7-4, ст. 114-5 Конституции Украины в декабре 1994 г. Президентом Украины был подписан указ "О мерах по предотвращению недобросовестной рекламы и ее прекращению". Указ издан с целью упорядочения рекламной деятельности, создание благоприятных условий для функционирования товарных рынков, предотвращения недоброкачественной конкуренции в сфере рекламы, обеспечения защиты прав граждан, интересов государства. В Указе дано понятие недобросовестной рекламы (п. 1), под которой следует понимать заказ, изготовление или распространение юридическими либо физическими лицами информации, направленной на формирование или поддержание интереса к товарам, работам, услугам, ценным бумагам, денежным вкладам, к другим инвестициям, которые не соответствуют требованиям настоящего Указа и других актов законодательства Украины, и может нанести вред гражданам, предприятиям, учреждениям, организациям или государству.

Отныне запрещена реклама с использованием государственной символики Украины (герба, флага, гимна), а также их имитации в любом виде, кроме случаев, предусмотренных законодательством.

Таким образом, изложенное дает основание сделать вывод, что конституционно-правовое регулирование гласности представляет собой совокупность юридических норм, обеспечивающих четкое установление прав и обязанностей субъектов информационных отношений, осу-

ществление права на получение информации и применение мер ответственности за нарушение этого права.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что в Украине уже создана определенная конституционно-правовая основа деятельности средств массовой информации. Однако уже сейчас следовало бы существенно изменить конституционное регулирование информационных отношений. Прежде всего целесообразно зафиксировать в Конституции Украины право граждан на получение достоверной экономической, политической и другой информации. Кроме того, важно установить, что средства массовой информации не могут находиться в монопольном владении государства, партий, политических организаций. Они должны быть независимы от государственных органов, предприятий, учреждений и организаций.

Именно это будет иметь существенное значение для развития в Украине демократических процессов формирования гражданского общества и правового государства.

Список литературы: 1. Азимов Ч.Н. Научно-техническая информация и право. - Х.: Вища школа, 1987. 2. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. - М.: Юрид. лит., 1971. 3. Батурин Ю.М. Проблемы компьютерного права. - М.: Юрид. лит., 1985. 4. Ведомости Верховного Совета Украины. 5. Дозорцев В.А. Систематизация законодательства о научно-техническом прогрессе // Правовые проблемы стандартизации качества продукции. - М.: Метрология, 1972. 6. Карась И.З. Вопросы правового обеспечения информатики // Организационно-правовые формы управления науч. прогрессом и их совершенствование. - М.: 1985. 7. Рассолов М.М. Управление, информация и право. Право и управление научными организациями. - М.: Мысль, 1983. 8. Рассудовский В.А. Информационное обеспечение научных организаций // Право и управление научными организациями. - М., 1980. 9. Речицкий В.В. Суспільство та інформація // Вісник Академії Наук УРСР. - 1990. - № 6. - С. 8-13. 10. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. - М.: Юрид. лит., 1971. 11. Шемшученко Ю.С. Экология и гласность: Правовые аспекты. - К., 1988.

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ

Необходимость радикальной реформы судебной системы в Украине вызвала значительное усиление интереса к этой проблеме. Определенное внимание этому вопросу уделено в Концепции судебно-правовой реформы, одобренной Верховным Советом Украины 28 апреля 1992 г. (3), в соответствии с которой в государстве вводится административное судопроизводство, целью которого является рассмотрение споров между гражданами и органами государственного управления. Организационная структура такого судопроизводства предусматривает введение института административных судей, которые входят в состав районных (городских) судов или межрайонных судов. В областных судах образуются коллегии по административным делам в качестве судов первой и апелляционной инстанций. В Верховном Суде Украины действует коллегия по административным делам. Она выступает в качестве суда апелляционной и кассационной инстанций. В дальнейшем, при осуществлении второго и третьего этапов судебно-правовой реформы, предусматривается последующая реорганизация административного судопроизводства, связанная с образованием самостоятельных административных судов.

Наряду с Концепцией судебно-правовой реформы Украины вниманию общественности было предоставлено и ряд альтернативных проектов концепций такого рода реформы. Анализ концепций проектов судебно-правовой реформы позволяет выделить основные тенденции во взглядах на организационную структуру судебных органов в государстве, а также заострить внимание на важнейших аспектах, касающихся функционирования его важнейшего звена - административной юстиции.

Прежде всего достаточно отчетливо проявляются два основных направления. Первое связывает осуществление правосудия по административным делам со специализацией судей в рамках деятельности общих судов. Второе же предусматривает создание системы особых административных судов. Необходимо отметить, что до-

минирует второе направление, что, по мнению автора, является правильным. Что же касается позиций, поддерживающих рассмотрение административных дел общими судами, считаю целесообразным несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

Представляется, что в определенной степени на суждения авторов, поддерживающих идею деятельности общих судов по осуществлению функций административной юстиции, накладывает отпечаток определенный стереотип, сложившийся в правовой науке в прошлые годы. В свое время ряд ученых-правоведов придерживались мнения, что условиям эффективного рассмотрения жалоб граждан на действия должностных лиц административных органов может стать лишь его осуществление общими судами. При этом выдвигались следующие аргументы: создание административных судов существенно расширит государственный аппарат; административные суды столкнутся с большим числом жалоб, не носящих правового характера и в которых вопрос будет стоять не о законности, а о целесообразности действий административных органов; граждане всегда заинтересованы в минимуме судебных учреждений и инстанций, а потому в их интересах получить защиту субъективного права в едином и наиболее близком к населению суде; фактором, сдерживающим создание административных судов, служит широкий спектр административных деликтов и необходимость обеспечения оперативности производства по делу (4, с. 88; 5, с. 45). Приведенные аргументы нельзя признать приемлемыми по ряду причин.

Во-первых, оптимальность модели государственного аппарата нельзя подменять количественными критериями, тем более, что расширение системы судебных органов путем образования отдельных административных судов неизбежно повлечет за собой сокращение звеньев и целых административных органов за счет перераспределения компетенции.

Во-вторых, абсолютно необоснованным представляется опасение относительно большого числа жалоб неправового характера. Недопущению такого положения послужит четкая законодательно закрепленная компетенция административных судов, профессионализм административных судей, детально регламентированный процес-

суальный порядок возбуждения такого рода дел, а также возрастающее качество правовой помощи, оказываемой гражданам как адвокатами, так и юридическими фирмами, число которых в настоящее время значительно увеличилось. Немалую роль в этом способно сыграть и возрастание правовой культуры граждан.

В-третьих, суждение о том, что граждане всегда заинтересованы в минимуме судебных суждений, представляется несколько безответственным. Представляется, что такой вывод должен подтверждаться серьезными социологическими исследованиями, что в противном случае он выглядит бездоказательным.

В-четвертых, оперативность рассмотрения административных дел как раз и зависит от специализации судов. Очевидно, что сосредоточение административных дел в административном суде с четко очерченной компетенцией. Наряду с высоким профессиональным уровнем судей и надлежащей процессуальной регламентацией рассмотрения дел станет надежной гарантией быстрого и качественного правосудия. Это позволит покончить с бюрократической практикой рассмотрения жалоб граждан, обеспечить гласность их рассмотрения. Одновременно будет создан авторитетный институт для дисциплинирования администрации всех рангов.

Важным фактором, тормозящим развитие института административной юстиции, являются и значительные финансовые затраты, необходимые для организации системы административных судов. Проблема серьезная. Все же следует заметить, что определенная часть необходимых средств может быть получена с помощью продуманной системы государственных пошлин и возмещения судебных издержек. Что же касается отсутствия опыта специализации административных судей, необходимо отметить, что улучшение качества подготовки специалистов для административных судов должно послужить введению соответствующей специализации в вузах, предусматривающей углубленное изучение курса административного права и сопутствующих спецкурсов.

Необходимость введения в судебную систему Украины самостоятельных административных судов обусловлена объективными реалиями сегодняшнего дня. Каковы же должны быть их система построения и место в общей судебной системе Украины? Традиционная

структура административно-территориального деления Украины, по мнению автора, должна браться за основу и при формировании звеньев судебной системы, в том числе и системы административных судов. Таким образом, низшим звеном в системе административных судов должен стать районный (городской) административный суд; следующим звеном - областной административный суд. Заслуживают внимания и предложения относительно необходимости введения в судебную систему Украины такого звена, как региональные суды. Следует признать справедливой аргументацию по этому вопросу, в соответствии с которой региональные суды позволят приблизить суды второй инстанции к населению, что особенно важно в настоящее время (2, с. 49). Кроме того, наличие региональных административных судов сможет стать важным фактором, позволяющим значительно уменьшить возможное влияние местной администрации на результаты рассмотрения дел. В качестве высшего звена системы административных судов представляется целесообразным введение в структуру Верховного Суда Украины коллегии по административным делам.

Важно обратить внимание еще на один аспект, к сожалению, выпавший из поля зрения ученых, рассматривавших вопросы организации административной юстиции. Имеется в виду обеспечение надлежащей судебной защиты прав военнослужащих вследствие неправомерных действий органов военного управления и их должностных лиц. Без сомнения, что отношения, складывающиеся в этой сфере, носят административно-правовой характер. Однако специфика военной службы не позволяет отнести рассмотрение административно-правовых споров, возникающих между военнослужащими и органами военного управления, к ведению административных судов. В связи с этим наиболее реальным представляется отнесение рассмотрения такого рода дел к компетенции военных судов с учетом распределения полномочий по пересмотру решений, получивших закрепление в их системе. При этом вполне допустима специализация членов военных судов по рассмотрению дел данной категории.

Организация и надлежащая деятельность по отправлению правосудия по административным делам в значительной степени зависит от четкого определения компетенции административных судов. Остановимся под-

робнее на одном из важнейших аспектов этой проблемы. Необходимость отнесения дел об административных правонарушениях к ведению административных судов сомнений не вызывает. Однако при этом возникает важный вопрос: в каком объеме следует перераспределить компетенцию по рассмотрению дел данной категории между административными судами и иными органами административной юрисдикции, действующими в настоящее время? Мнения ученых на этот счет неоднозначны. Одни из них считают, что наряду с образованием специальных административных судов и расширением их полномочий целесообразно сохранить отраслевые органы административной юрисдикции и закрепить за ними полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях (4, с. 45). Точка зрения других ученых связывает разрешение этой проблемы с этапами проведения судебно-правовой реформы. По их мнению, в настоящее время многие органы, осуществляющие административно-юрисдикционные функции, можно лишить права разрешать дела об административных правонарушениях. К их числу они относят исполком поселковых и сельских Советов, административные комиссии и ряд других органов. В дальнейшем же все дела об административных правонарушениях должны рассматриваться специализированными административными судами (1, с. 78).

Вторая позиция автору статьи представляется предпочтительнее. Действительно, большинство административно-юрисдикционных органов и их должностных лиц, как показывает практика, функции по рассмотрению и разрешению дел об административных правонарушениях выполняют недостаточно квалифицированно. Это объясняется тем, что в их деятельности практически отсутствует профессионализм. Рассмотрение административных деликтов составляют лишь одну из сторон (при том не основную) их деятельности. При этом некая "второстепенность" функции по рассмотрению дел об административных правонарушениях не может не играть отрицательной роли в ходе ее реализации, зачастую формализуя административно-юрисдикционную деятельность, превращая ее в некое подобие конвейера по принятию решений по делам.

Что же касается административных комиссий при

исполкомах местных Советов народных депутатов - коллегияльных органов, созданных для рассмотрения дел об административных правонарушениях, то и здесь для членов этих комиссий рассмотрение дел об административных правонарушениях представляет собой дополнительную обязанность наряду с осуществлением основной профессиональной деятельности. Не секрет, что число юристов в составах административных комиссий весьма невелико. Такое положение дел не может не сказаться на качестве рассмотрения административных деликтов. Кроме того, члены административных комиссий практически не несут ответственности за допущенные ошибки и нарушения, связанные с рассмотрением дел и принятием по ним решений. Автор считает, что указанные факторы вполне относимы и к деятельности иных административно-юрисдикционных органов и их должностных лиц. Все это позволяет сделать вывод о необходимости передачи функций по рассмотрению дел об административных правонарушениях в административные суды.

Однако было бы неверным полностью устранить органы и должностных лиц, которые осуществляют в настоящее время административно-юрисдикционную деятельность, от участия в производстве по делам об административных правонарушениях. Их участие целесообразно и необходимо на стадии возбуждения производства, важнейшей их функцией должно стать выявление административного проступка и составление протокола о нем, а также подготовка первичных документов (объяснений, справок и т. п.). Компетенция соответствующих органов и должностных лиц по возбуждению производства по делам об административных правонарушениях должна получить четкое закрепление в законодательстве. Думается, что в основном право возбуждения дела об административном правонарушении должно быть представлено исполнительным комитетам местных Советов народных депутатов, местной администрации, органам внутренних дел, а также конкретным государственным органам, осуществляющим контрольные функции в определенных отраслях государственного управления.

Относительно же случаев так называемого "ускоренного" административного производства (например взимание штрафа на месте совершения административ-

ного правонарушения) то законодательное закрепление такой возможности, как представляется, вполне допустимо для соответствующей категории административных правонарушений при наличии четкой правовой регламентации действий уполномоченных на то должностных лиц.

Список литературы: 1. Битяк Ю.П., Комзюк А.Т. К концепции реформы административного законодательства и административного судопроизводства // Юрид. наука и пробл. формирования демократич. правового государства Украина. - Киев: ИСИО, 1993. 2. Брынцев В.Д. Единоличный судья в правовом государстве: Дис... канд. юрид. наук. - Х., 1995. 3. Голос Украины. - 1992. - 12 мая. - № 152. 4. Чечот Д.М. Административная юстиция: Теоретические проблемы. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. 5. Якимов А.Ю. Тенденции развития системы субъектов административной юрисдикции // Пробл. адм. ответственности на совр. этапе. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1989.

С.Н. Приступа, канд. юрид. наук

ПОНЯТИЙНАЯ СУЩНОСТЬ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОМПЕНСАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Познание сущности гражданского права основывается, как правило, на исследовании прежде всего таких проблем, которые отражали бы хотя бы составную часть его содержания и общей характеристики. В ряду указанных проблем компенсационная функция гражданского права занимает одно из мест.

В юридической литературе вопрос о компенсационно-функциональных особенностях гражданского права не является новым. Ему посвящено немало страниц монографий, брошюр, статей и учебников (4, с. 56; 9, с. 1-16; 11, с. 6-20 и др.). Благодаря многочисленным работам ряда юристов сформировалось научное направление, которое переносит центр тяжести на анализ социального назначения и роли права и которое было справедливо отмечено, как "перспективное и многообещающее" (14, с. 34).

Авторы исследований данной проблемы не без ос-

нования акцентируют внимание на том, что существование компенсационной функции гражданского права обусловлено складывающимися в обществе отношениями имущественного характера, наличием товарно-денежных отношений, регулируемых данной правовой отраслью, что и само гражданско-правовое регулирование отношений строится преимущественно на компенсационных началах.

В настоящее время функциональный аспект исследования гражданского права своего значения не утратил, а проблема его компенсационной функции приобретает особую злободневность. На фоне общих проблем, касающихся социального назначения и роли права, проблема компенсационной функции гражданского права носит своеобразный характер: с одной стороны, она относится к числу как бы "частных" сугубо отраслевых правовых проблем, а с другой - значение ее правильной постановки и решения выходит за рамки гражданского права, а ее актуальность определяется, как минимум, следующими тремя обстоятельствами:

во-первых, удельным весом соответствующих имущественных споров в судебной и судебно-арбитражной практике, значительным количеством которых последние характеризовалась и ранее, но в условиях новых форм хозяйствования, приближающихся к рыночным, а также в условиях законодательного закрепления равенства всех форм собственности, когда указанные споры приобрели новую окраску и их исход предопределяется уже не преимуществами одной формы собственности над другой, а исключительно адекватным применением законодательства;

во-вторых, все более возрастающей "миссией" гражданского права в условиях формирования в Украине рыночной экономики, которая объективно "запрашивает" от данной отрасли права роли чуть ли не единственного регулятора отношений, возникающих в сфере экономики, в частности, хозяйствования и предпринимательства, что вполне объяснимо, поскольку именно гражданскому праву свойственной является степень "наиболее близкого родства" с отношениями экономическими, хозяйственно-предпринимательскими, в условиях которых трудно переоценить значение правового обеспечения имущественных интересов, в том числе и за счет соответствующего "уравновешения чего-либо нарушенного" (12, с. 248) в

сфере этих интересов;

в-третьих, задачами, стоящими перед новой кодификацией гражданского законодательства, в свете которых на уровне нового Гражданского кодекса Украины концептуальными являются, кроме предметной и принципиальной, также и функциональная сущность гражданско-правового регулирования, а также социально-экономическое значение и перспективные направления действия гражданского права.

Положения действующего гражданского законодательства свидетельствуют о том, что категория “компенсационная функция” в законодательной терминологии не встречается, что, кстати, можно сказать и о таких понятиях как “предмет”, “метод” и др. Это объяснимо. Свойственный науке гражданского права метод системного анализа хотя и основывается на исследовании законодательства и используемых в нем понятий, тем не менее приводит к выводам, в результате которых о данной отрасли права складывается общее впечатление, поддающееся только какому-то собирательному, понятийному обозначению, часто не совпадающему в буквальном смысле с законодательной терминологией, но, несомненно, отражающему ту или иную сторону содержания, назначения или общей характеристики этой отрасли. Именно в этом видится одна из причин, обуславливающих “появление на свет” категории компенсационной функции гражданского права; ее смысловое значение можно характеризовать как обобщенное, собирательное.

Выяснение же понятийной сущности указанной функции требует предварительной оценки вбираемых данным понятием терминов “функция” и этимологически определяющего ее характер как компенсационной — “компенсация”.

В литературе понятие “функция” используется в различных значениях, что связано со спецификой задач, стоящих перед той или иной наукой. Но в большинстве случаев с функцией связывается “направленное, избирательное воздействие какой-либо системы на определенные стороны внешней среды” (7, с. 127). Иногда в понятии “функция” усматривается “роль, которую выполняет определенный социальный институт” (13, с. 1453), либо “назначение, роль” (12, с. 746). В этом смысле говорят о “функциях государства” (6, с. 210), “государственного ор-

гана" (2, с. 124), "управления" (1, с. 6-9), "ответственности" (3, с. 115), "санкции" (9, с. 5-9), "юридической службы" (10, с. 67) и т. д. При этом единообразного понимания функции применительно к праву не существует. И если синтезировать многочисленные точки зрения по этому вопросу, можно увидеть, что под правовой функцией понимается либо социальное назначение права, либо направление правового воздействия на общественные отношения, либо то и другое вместе.

Разные подходы к пониманию функции права или функции правового регулирования позволяют выделить по крайней мере две их группы: социальные и собственно юридические функции.

В юридическом понимании, если речь вести о функции применительно к гражданскому праву, в качестве исходного момента следует избрать те задачи, которые призвана выполнять и обеспечивать данная отрасль права. В качестве важнейшей из них видится, наряду с регулятивной и охранительной, задача по ликвидации неблагоприятных имущественных или неимущественных последствий, возникающих в сфере кого-либо из субъектов права, обусловленных соответствующими предусмотренными в законе или договоре обстоятельствами или фактами, имеющими юридическое значение. В качестве последних обычно бывают: причинение имущественного или морального (неимущественного) вреда; приобретение или сбережение имущества за счет средств другого лица без достаточных оснований; неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства, в результате которого одна из сторон договора несет убытки, и др.

Причем вышеуказанные обстоятельства не обязательно должны быть вызваны только виновным или только противоправным поведением соответствующего лица. Не в этом главное. Главное состоит в том, что какими бы ни были по своему юридическому значению действия, поступки или бездействия соответствующего субъекта права, но если они были обусловлены поведением этого субъекта и если в результате этого страдают другие лица, гражданское право становится на стороне последних и выполняет задачу по ликвидации понесенных ими потерь. Именно в этом видится одно из главных назначений права и одно из главных направлений гражданско-право-

вого регулирования отношений.

Принимая во внимание, что гражданское право выполняет и другие задачи как регулятивного, так и охранительного характера, можно сказать, что та или иная свойственная ему функция, вытекающая из той или иной его задачи, может рассматриваться в качестве одного из направлений гражданско-правового воздействия на регулируемые правом отношения. И сообразно этому качественная характеристика любого из вышеуказанных направлений обусловлена принятой на себя гражданским правом ролью, с одной стороны, поддержать установленные модели поведения или делового обыкновения, а с другой - предотвратить возможное отклонение какого-либо из участников регулируемых и охраняемых гражданским правом отношений от установленного порядка. В последнем случае роль гражданского права состоит в виде своеобразного противодействия возможным тенденциям указанного отклонения и одновременно в снятии, сглаживании, устранении неблагоприятных последствий (имущественных или неимущественных) этого отклонения, наступающих в чьей-либо сфере.

Например, в соответствии со ст. 203 Гражданского кодекса Украины (далее - ГК) в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должником последний обязан возместить кредитору причиненные этим убытки. Как видим, в случае, если участник договорных отношений не исполнил принятое по договору обязательство или исполнил, но ненадлежащим образом, это и будет одним из возможных отклонений от установленного порядка, ибо в соответствии со ст. 161 ГК обязательство подлежит исполнению *надлежащим* образом. А поскольку надлежащее исполнение обязательства не состоялось, это сразу же вызывает со стороны гражданского права негативную "реакцию" и оно реализует закрепленный за собой приоритет не только по предупреждению подобных обстоятельств, но и активно "включается" в решение вопроса по снятию или устранению неблагоприятных последствий, наступивших в сфере кредитора впоследствии неисполнимости должника. Именно этим и предопределено направление гражданско-правового воздействия на урегулированные договором, но подчиненные одновременно и закону отношения путем обеспечения кредитора максимальной юридической воз-

возможностью высвобождения из-под бремени претерпеваемых им убытков.

Содержащееся же в вышеприведенной норме ст. 203 ГК указание на то, что убытки подлежат *возмещению*, может быть квалифицировано как качественная характеристика проявляемых в данном случае роли и назначения права. Роль эта характеризуется возмещением, которое видится в том, каким именно образом происходит как бы замена ожидаемого кредитором, но не состоявшегося исполнения обязательства на обязательство иного содержания, в соответствии с которым вместо надлежащего исполнения должник производит оплату произведенных кредитором расходов, стоимости утраченного или поврежденного имущества, а также стоимость не полученных кредитором доходов, которых он лишился по причине неисполнения обязательства должником. Конечно, здесь идет речь не о новации (ст. 220 ГК): для возникновения последней требуется соглашение контрагентов о замене одного обязательства другим между теми же лицами, а в данном случае обязательство по возмещению убытков основывается на законе. Кроме того, из существа содержания обязательства по возмещению убытков, заменяющего неисполненное, видно, что главной целью является не столько замена одного обязательства другим, сколько обеспечиваемая этим юридическая возможность ликвидации неблагоприятных последствий, возникающих на стороне кредитора вследствие неисполнения договора за счет замены возникших потерь в виде положительного ущерба или неполученной выгоды другими имущественными ценностями, в частности деньгами. Таким образом происходит своеобразное “уравновешение чего-либо нарушенного”, что, собственно, и есть “компенсация” (12; с. 248).

В связи с этим возникает вопрос о соотношении понятий “компенсация” и “возмещение”. Отвечая на поставленный вопрос, нельзя предварительно не отметить его обоснованность существующими в литературе довольно разнообразными трактовками этих понятий. Так, Г.Ф. Шершеневич в учебнике Русского Гражданского права, используя оба названных термина, рассматривал их на расстоянии друг от друга. При этом термину “возмещение” он придавал значение самостоятельной категории. Что же касается термина “компенсация”, то его он

связывал, практически отождествляя, с зачетом встречных требований и как следствие - способом прекращения обязательства. Под зачетом, указывал Г.Ф. Шершеневич, или (курсив мой - С.П.) компенсацией, понимается способ прекращения обязательства посредством взаимного погашения двух однородных по содержанию прав требований (15, с. 497). Как "зачет встречных требований" некоторые источники переводят и латинское слово *compensatio* (8, с. 38).

В литературе более позднего периода и последних лет категория "компенсация" стала выделяться в самостоятельную разновидность, но теперь уже с заметной увязкой с категорией "возмещение" (12, с. 248) и даже производной от него (13, с. 621). Таким образом, само время как бы сблизило эти два понятия, причем довольно тесно. Но при всем этом говорить об абсолютном тождестве указанных понятий, с точки зрения действующего гражданского законодательства, было бы большим преувеличением.

Необходимо учитывать, что ситуации, на которые распространяются нормы, содержащие понятие "возмещение", чрезвычайно разнообразны и далеко не всегда становится возможным реализовать то, что скрывается за возмещением на самом деле. Одно дело, когда речь идет о возмещении убытков, причиняемых неисполнением договора, когда величина вызванных этим потерь на стороне кредитора поддается относительно точной стоимостной оценке и их замена может быть произведена эквивалентной денежной суммой. Совершенно иначе обстоит дело, когда речь идет, например, о причинении вреда в связи со смертью либо увечьем потерпевшего или морального вреда и т. п. Здесь также закон говорит о возмещении. Однако в указанных случаях вряд ли можно говорить о какой-либо точности стоимостного определения всех потерь, следовательно, и об их эквивалентно-стоимостной замене. Фактически возможной является замена указанных потерь лишь в какой-то их части. Причем сами потери в главном их проявлении (гибель человека) из объекта возмещения вообще исключаются и их возмещения как такового не происходит. Они заменяются совершенно иными благами, никак не совпадающими ни по объему, ни по назначению с теми, которых лишилась потерпевшая сторона. Поэтому в таких и подобных слу-

чаях приходится говорить только о компенсации как об обеспечиваемой законом доступной возможности замены понесенных потерь соответствующими материальными благами. Поэтому, хотя здесь и присутствует элемент возмещения, конкретное проявление последнего кроется за понятием "компенсация".

Таким образом, есть все основания утверждать, что понятия "возмещение" и "компенсация" между собой тесно взаимосвязаны, переплетены между собой. Но если говорить об их соотношении, то можно судить об их совпадении только по назначению каждого из них. Однако указанного совпадения может и не быть по объему и способу их реализации в зависимости от той или иной ситуации.

Поэтому, выполняет роль возмещения, компенсация конкретизирует, уточняет эту роль и определяет его характер. И в этом смысле обозначение возмещения именно как компенсационной функции, выполняемой гражданским правом при обеспечении соответствующего возмещения, представляется наиболее конкретным и наиболее точно отражающим характер воздействия гражданско-правового регулирования, направленного на отношения, возникающие в вышеуказанных и других аналогичных случаях.

Итак, суммируя вышеизложенное, можно сформулировать следующее определение понятия компенсационной функции гражданского права:

Компенсационная функция гражданского права представляет собой юридически возможное воздействие, направленное на регулируемые и охраняемые отношения, в силу которых одно лицо становится кредитором, а другое - должником и в связи с которыми на стороне последнего возникает обязательство по предоставлению в пользу кредитора вместо претерпеваемых им потерь каких-либо иных материальных благ, определяемых законом или договором либо в судебном порядке.

Из данного определения следует, что компенсационная функция гражданского права отражает специфику его воздействия на отношения, возникающие в особых случаях, когда одно лицо становится кредитором, а другое - должником. Следовательно, указанная функция права действует только в сфере обязательственных отношений. По своему экономическому значению рассмат-

риваемая категория носит имущественный характер. По существу своего содержания эта функция не предполагает восстановление кредитора в правах. Назначение ее в другом: она предполагает лишь замену благ, которыми кредитор обладал ранее или которыми он обладал бы в будущем, какими-либо иными имущественными благами, предоставляемыми должником в пользу кредитора. По своим юридическим последствиям компенсационная функция предопределяет возникновение на стороне кредитора субъективного права по поводу других объектов взамен прежним, владение и пользование которыми прекращено или не состоялось в силу соответствующего поведения должника.

Значение правильного понимания компенсационной функции гражданского права носит многоаспектный характер, и нет возможности раскрыть всю его полноту в одной публикации. Но для того, чтобы убедиться в многозначности рассматриваемой категории, достаточно указать хотя бы на один из ее аспектов - методологический.

Исследование рассматриваемой категории способствует познанию гражданского права, образно говоря "в движении" в соответствующем направлении и, таким образом, более точному определению не только одного из основных элементов сути и смысла гражданско-правового воздействия на отношения, но одновременно также и выявлению динамичных свойств правовой отрасли. Это также способствует выявлению недостатков и противоречий в правовом регулировании и своевременному их устранению.

С помощью компенсационной функции гражданского права проявляются его, если так можно сказать, "эксплуатационные" качества, сама эффективность гражданского права, для которой основополагающее значение имеет "целенаправленность действия права" (5, с. 18).

Список литературы: 1. Административное право. - М.: Юрид. лит., 1970. 2. Административное право. - М.: Юрид. лит., 1969. Побирченко И.Г. Хозяйственная юрисдикция. - К.: Вища школа, 1973. 3. Боброва Д.В. Деликтная ответственность и ее роль в охране прав граждан и социалистических организаций // Повышение роли гражданско-правовой ответственности в охране прав и интересов граждан и органи-

заций. - К.: Наук. думка, 1988. 4. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. - М.: Госюриздат, 1963. Он же. Юридическая ответственность и законность: Очерк теории. - М.: Юрид. лит., 1976. 5. Грибанов В.П. Эффективность гражданского законодательства и методы ее изучения // Эффективность гражданского законодательства. - М.: Изд-во МГУ, 1984. 6. Карева М.П., Качекьян С.Ф., Федосеев А.С., Федькин Г.И. Теория государства и права. - М.: Госюриздат, 1955. 7. Кашанина Т.В. Хозяйственные товарищества и общества: правовое регулирование внутрифирменной деятельности. Учебник для вузов. - М.: Издательская группа ИНФРА - М - КОДЕКС, 1995. 8. Латинская юридическая фразеология. - М.: Юрид. лит., 1979. 9. Новошицкий А.Н. Компенсационная функция денежных санкций и условия ее усиления: Автореф. дис... канд. юрид. наук. - Харьков, 1975. 10. Побірченко І., Бандусяк М. Підвищення ролі юридичної служби у народному господарстві - насуцна проблема // Рад. право. - 1968. - № 4. 11. Радько Т.Н. Методологические вопросы познания функций права. - Волгоград: Изд-во. ВШ МВД СССР, 1974. 12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.: Рус. яз., 1985. 13. Советский энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1989. 14. Сорокин В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. - М.: Юрид. лит., 1976. 15. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. - М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1912.

Л.В. Лушпаева, канд. юрид. наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СИСТЕМЕ АПК УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ РЫНКА

Правоспособность и дееспособность юридических лиц образуют в совокупности гражданскую правосубъектность, представляющую собой комплекс гражданских прав и обязанностей и юридическую возможность самостоятельно участвовать в гражданском обороте (1, с. 146-149). Каждому юридическому лицу присущи общие признаки: организационное единство, обладание обособленным имуществом, выступление в гражданском обороте от своего имени, самостоятельная имущественная ответственность. Данные признаки специфично проявляются в деятельности юридических лиц с учетом этой деятельности, правовых форм принадлежности имущества каждому юридическому лицу, способов образования данных субъектов и т. д. Вопросы гражданской правосубъектности юридических лиц в системе АПК Украины широко исследовались в правовой литературе. Однако переход экономики Украины на рыночные условия, а экономика АПК составляет ее неотъемлемую часть, выдвинул для

анализа ряд научных и практических вопросов, касающихся гражданской правосубъектности указанных субъектов. Кроме того, создаются экономические и правовые предпосылки для участия юридических лиц АПК во внешнем рынке.

Развитие рыночных отношений - процесс длительный и сложный, о чем свидетельствует опыт зарубежных стран. При этом государство в данном процессе занимает активную позицию, особенно на начальном его периоде. В Китае, например, определено, что формирование рыночных отношений займет 30-40 лет при активном участии государства. В Сингапуре рыночные отношения развиваются в течение трех десятилетий, что позволило ему войти в число десяти государств с развитой экономикой азиатского континента. В свое время (в 30-е годы) в США государство сыграло решающую роль в формировании нормальных рыночных отношений. В мировом сообществе нет такого государства, в котором бы формировались рыночные отношения без участия государства. Однако сроки создания таких отношений различные, так как уровень развития экономики в государствах неодинаковый, важно также учитывать социальный, управленческий и другие факторы субъективного порядка.

В Украине развитие рыночных отношений началось неудачно. По мнению экономистов, только от уменьшения производства и уклонения от рынков СНГ за четыре года Украиной потеряно свыше 20 млрд. долларов (7, с. 3). Как видим, государство несет большие потери от недостаточно продуманных способов формирования рыночных отношений. Следовательно, государство в лице соответствующих органов управления должно создавать все необходимые предпосылки для обеспечения развития нормальных рыночных отношений: экономические, социальные, правовые. Особое значение имеет создание должной правовой основы, которая бы стимулировала участников рыночных отношений к увеличению объемов производства продукции и товаров.

В литературе рыночные отношения рассматриваются как такие общественные отношения, в которых осуществляется товарно-денежное обращение, обусловленное спросом и предложением на производство товаров и услуг, устанавливается свобода действий и широкая ини-

циатива участников рыночных отношений. Многие вопросы этих отношений регулируются правом (5, с. 346). Само по себе данное определение рыночных отношений приемлемо и не вызывает возражений. Однако следует учитывать уровень развития рыночных отношений: или это первоначальный период, или уже сложившиеся нормальные рыночные отношения в государстве. От этого уровня зависит правовая основа данных отношений, т. е. или юридическая возможность полной свободы субъектам рыночных отношений, или определенные правовые ограничения в деятельности этих субъектов. Кроме того, юридические лица в сельском хозяйстве осуществляют свою деятельность в особых условиях, так как эта отрасль экономики во многом еще зависит от природно-климатических условий, которые не всегда можно регулировать человеческой деятельностью. Помимо этого, некоторая сельхозпродукция, производимая аграрными предприятиями, относится к категории скоропортящейся, что диктует необходимость в более оперативной ее переработке и реализации. Поэтому аграрным предприятиям должна быть обеспечена полная юридическая возможность в оптимальном и оперативном решении всех вопросов. Свободу в их действиях следует закрепить в нормативных актах, что составит неотъемлемую часть гражданской правосубъектности юридических лиц АПК.

В настоящее время в сельском хозяйстве развитие рыночных отношений идет в том направлении, когда договоры аграрных предприятий свободны от обременительных их факторов - плановых заданий, госзаказов, различных государственных разнарядок. Это согласуется с нормальными рыночными отношениями. Даже потребности государства в создании продовольственного фонда для нужд населения и сырьевого фонда для промышленности решаются на основе госконтрактов, в которых одной из сторон выступает государство в лице уполномоченных на то органов. В госконтрактах стороны находятся в юридически равном положении, следовательно, ненадлежащее исполнение обязательств по госконтрактам влечет применение определенных имущественных санкций.

Однако на практике исполнение договоров, включая и госконтракты, находится на низком уровне, что никак не согласуется с нормальными рыночными

отношениями. Во многих случаях договорная дисциплина игнорируется, что подрывает роль договоров в развитии нормальных рыночных отношений. Нынешнее положение во взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства трудно отнести к нормальным рыночным отношениям. Постоянно ухудшается финансовое положение предприятий АПК из-за постоянного нарушения договорных обязательств, особенно в части оплаты за проданную продукцию. Неплатежеспособность договорных субъектов возросла до невиданных размеров: если на начало 1995 г. неплатежеспособность аграрных предприятий составляла 15 триллионов, то в конце года она превысила 100 триллионов крб. В то же время задолженность сельхозпредприятиям составила такую сумму, которая могла бы покрыть все их долги (2, с. 10). Такое ненормальное положение приводит к существенному нарушению имущественных интересов договорных партнеров.

Здесь возникает вопрос: может ли государство стоять в стороне от развития нормальных рыночных отношений вообще и в системе АПК в частности? Ответ однозначен: государство должно принимать активное участие в развитии рыночных отношений, используя для этого экономические и правовые механизмы. Четырехлетний опыт Украины в формировании рыночных отношений показал, что устранение государства от этого процесса породило произвол и стихию в экономических отношениях, что в равной степени относится и к рыночным отношениям в системе АПК.

Под нормальными рыночными отношениями следует понимать такое их состояние, при котором юридически обеспечивается оптимальное сочетание интересов договорных партнеров - государства, выражающего интересы всего народа, и отдельных отраслей народного хозяйства. Только рациональный учет названной системы интересов будет стимулировать деятельность аграрных товаропроизводителей и потребителей сельхозпродукции, что положительно скажется на развитии всей экономики Украины. На Всеукраинском совещании по вопросам агропромышленной политики (декабрь 1995 г.) вполне обосновано утверждалось, что АПК должен стать сферой приоритетной политики государства, лидером в выведении экономики из кризиса (3, с. 2). Следовательно, официально признается активное участие государства в

развитии рыночных отношений в системе АПК, что обуславливает необходимость создания должной правовой основы развития указанных отношений, а это в свою очередь, положительно скажется на совершенствовании гражданской правосубъектности юридических лиц в этой системе в условиях развития рынка.

В связи с этим важно определить формы влияния государства на развитие рыночных отношений в системе АПК, тем более, что в ней функционируют аграрные организации кооперативного и государственного типа в форме коллективных хозяйств, фирм, торговых бирж, ассоциаций, фермерских хозяйств и т. д. Необходимо учитывать методологические основы рыночных отношений. Нормальное развитие внутренних рыночных отношений, экономический оборот, составляющий материальную основу гражданского права, не только обеспечивают развитие внутренних рыночных отношений, но и выходят за пределы национальных границ государства на широкие просторы внешнего рынка. Элементы рыночных отношений становятся универсальными, поэтому национальное законодательство должно учитывать тенденции развития отношений на внешнем рынке. В силу этого и гражданское право в условиях развития рыночных отношений приобретает универсальный характер как внутри каждого государства, так и на внешнем рынке.

В дореволюционной литературе отмечалось, что гражданское право регулирует главным образом экономические отношения, поэтому государство должно воздерживаться от непосредственного и властного регулирования общественных отношений, возникающих в торговом обороте на внутреннем и внешнем рынках, деятельность государства направляется прежде всего на обеспечение системы координации, свободы и частной инициативы (6, с. 7-19). Приведенные высказывания, правильные в своей основе, рассчитаны на развитие рыночных отношений, когда в государстве оптимально скоординированы все основные экономические вопросы, создана должная правовая основа развития рыночных экономических отношений. Несколько иначе следует подходить к определению роли государства на начальном этапе формирования рыночных отношений: здесь должно быть разумное сочетание координационных и властных предписаний по наиболее важным вопросам рыночных

отношений. По мере развития нормальных рыночных отношений мера государственной власти в регулировании экономических рыночных отношений должна уменьшаться.

Поскольку эффективность аграрного производства во многом зависит от установления рациональных экономических отношений между промышленностью и сельским хозяйством, представляются вполне обоснованными направления координационной деятельности государства, которые были определены на Всеукраинском совещании по вопросам развития АПК: установление оптимального паритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию; обеспечение нормального материально-технического снабжения аграрных предприятий с учетом их необходимых потребностей с использованием соответствующих договоров; создание конкурентоспособного национального рынка сельхозпродукции; формирование государственного активного протекционизма, выражающегося в установлении рациональной системы налогообложения, льготного финансирования, в оказании помощи в экспорте продукции и др.; создание для хозяйств с различными природно-климатическими условиями адекватных правил формирования финансовых ресурсов, их накопления; формирование системы оптовых сельскохозяйственных рынков, товарных бирж, фьючерной торговли некоторыми видами сельхозпродукции и др. (4). В связи с этим предполагается принять ряд нормативных актов по вопросам развития рыночных отношений в АПК Украины.

Должная гражданско-правовая основа в этой сфере будет способствовать постепенному развитию нормальных рыночных отношений с использованием всех правовых форм, в том числе и путем совершенствования гражданской правосубъектности юридических лиц системы АПК. Среди планируемых к изданию нормативных актов должен быть основополагающий нормативный акт по вопросам развития АПК и рыночных отношений. Его можно было бы назвать "Законом о взаимоотношениях в системе АПК Украины". Что касается вопросов гражданской правосубъектности юридических лиц системы АПК, то в предлагаемом Законе целесообразно отразить следующие из них: правовая возможность юридических лиц использовать все договорные формы, обеспечиваю-

щие реализацию имущественных интересов на внутреннем и внешнем рынках; правовые гарантии обеспечения надлежащего исполнения договорных обязательств, выполнение научными учреждениями, исследовательской работы для нужд АПК за счет средств госбюджета и др.

Список литературы: 1. Алексеев С.С. Общая теория права: Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 2. Гайдучкий П. Легкого хлеба не обещаю // Голос Украины. - 1995. - 19 дек. 3. Кучма Л. АПК на деле должен стать приоритетом государственной политики // Голос Украины. - 1996. - 4 янв. 4. Марчук Е. Агропромышленный комплекс - один из важнейших секторов народного хозяйства Украины // Голос Украины. - 1996. - 4 янв. 5. Общая теория права и государства. Москва: Юрист, 1994. 6. Покровский А.И. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Прав. 1917. 7. Ткаченко А. Чтобы выбраться из беды, нужно знать ее истоки // Голос Украины. - 1996. - 16 янв.

В.М. Гайворонський, д-р юрид. наук
В.П. Жушман, канд. юрид. наук

АГРАРНА РЕФОРМА - КООПЕРАТИЗАЦІЯ ЧИ НОВА КОЛЕКТИВІЗАЦІЯ ?

Агропромисловий комплекс на ділі має стати пріоритетом державної політики - такий лейтмотив Всеукраїнської наради з питань агропромислової політики, що відбулася в грудні 1995 р. Так, саме на ділі, бо проголошень цієї тези, закликів до її виконання не бракувало протягом усього періоду перебудови нашої економіки і напрямку ринку.

Чому саме агропромисловий комплекс?

На нараді зазначалася необхідність враховувати, що від результатів сільськогосподарського виробництва значною мірою залежить робота переробних галузей: найбільш швидким оборотом капіталу, що сприяє його нагромадженню не лише для власних потреб АПК, а і економіки загалом; що вплив роботи цього комплексу на зміни обсягу валового внутрішнього продукту вельми вагомий. За нормальних умов 1 % росту виробництва сільгоспродукції дає 3-4 % (з урахуванням переробки та реалізації) росту валового продукту (7).

Мабуть, ніхто не може не погодитися з таким висновком. Виникає питання: хіба лише зараз ми дійшли цього висновку? Адже економісти минулого давно підкреслювали переваги сільськогосподарського виробництва перед іншими галузями економіки. Найголовніше з цих переваг, зазначив свого часу видатний французький економіст Франсуа Кене, полягає у тому, що воно дає сировину для виробництва предметів першої необхідності, забезпечує прибуток державі і хліборобам. Саме постійно відтворювані багатства сільського господарства є основою для всіх інших форм багатства, забезпечують заняття всім видам професій, сприяють розвитку торгівлі, добробуту населення, призводять до руху промисловість і підтримують процвітання нації. Тільки рілляництвом, за твердження Ф. Кене, здійснюється народження нових багатств, і праця створює більше, ніж потрібно для відтворення його самого і його умов, лише в рілляництві створюється чистий продукт (4, с. 98).

І раніше для збільшення виробництва сільськогосподарської продукції державою виділялися велетенські капітальні вкладення. Однак (і це також зазначалося на нараді) становище залишалося незмінним. Продуктивність праці у цій сфері була в 4-5 разів нижчою від рівня країн Заходу. Причина полягала в нераціональній, напівфеодальній за своїм змістом системі виробничих відносин, відсутності мотивації праці, наявності згубної рівнялівки і т. ін. (1). Адже власність колгоспу являла собою ту ж власність сільської общини дореволюційної Росії. Тому для економічного росту сільського господарства нашої держави необхідне послідовне впровадження в цю сферу економічної реформи - вільного розвитку приватної власності і ринкових відносин, забезпечених відповідним законодавством.

Але, на жаль, законодавство відстає від життя. Закон "Про колективне сільськогосподарське підприємство", крім відмови від старої назви "колгосп" нічого суттєвого не змінив у правовому становищі членів КСП. Правда, вони одержали право вільного виходу з нього для створення фермерського господарства, і багато хто з цього скористався. Число фермерів зараз в Україні перевищує 30 тисяч.

Та в наш скрутний час для економіки в цілому і

для сільського господарства, зокрема, колгоспи ще раз показали свою живучість. Так, за останні роки валовий збір зерна у фермерських господарствах склав десь відсотків 20 від зібраного зерна колективними сільськогосподарськими підприємствами. І зараз уже не так часто, як донедавно, відбуваються дискусії: хто спроможніший у виробництві сільхозпродукції - колгосп чи фермер? І це природньо. Бо так ставити питання не слід. Кожна з цих форм господарювання на селі має право на існування поряд з іншими, які можуть виникати.

Але на сьогодні слід констатувати, що слабосильне, технічно не оснащене селянське (фермерське) господарство не може вважатись впливовим на продуктовому ринку. Може, з часом, а поки що нещодавно створені фермерські господарства нерідко об'єднуються для налагодження виробництва та переробки продукції. Повідомлюючи про це в газеті, Ю. Крикливий запитує: що це? Кооператив чи прообраз майбутнього колгоспу за нових умов? (5).

Щоб відповісти на це запитання, слід згадати, що за часів СРСР усе майно колгоспів стало неподільним і таким чином відбулося відчуження колгоспників від своєї власності, втрата їх зацікавленості у високопродуктивній праці та її кінцевих результатах. В умовах незалежності в нашій державі реформовано до 90 % колгоспів. Більша їх частина здійснила паювання майна, яке раніше належало до неподільного фонду. В літературі зазначається, що це не відповідає міжнародним кооперативним принципам, згідно з якими процент на пайовий капітал, якщо він існує як такий, повинен бути жорстко обмежений, а прибуток, що утворюється внаслідок діяльності кооперативу, належить його членам і має розподілятися таким чином, щоб виключити можливість збагачення одного за рахунок іншого. З цією метою члени кооперативу приймають рішення щодо відрахувань на розвиток діяльності кооперативу, на загальні громадські цілі.

Замість того, щоб повернути колгоспам їх кооперативну природу, зазначає В.І. Семчик, забезпечити право самостійного розвитку, діяльності за міжнародними кооперативними принципами, замість роздержавлення колгоспів і споживчих товариств (тобто звільнення їх діяльності від державної, адміністративно-командної опі-

ки), Українська держава обрала лінію на ліквідацію колгоспів, на розвал споживчої кооперації в першу чергу шляхом відмови від забезпечення права утворювати неподільні фонди (11, с. 221).

Але чи можна вважати колективне сільськогосподарське підприємство, як, до речі, і колгосп, кооперативом? "Кооперація", - писав у 20-ті роки А. Чаянов, - стало тепер одним из самых ходовых слов в нашем обиходе... В любом газетном листе вы встретите его десятки раз, им пестрят страницы книг, его произносят на собраниях, конференциях и съездах, и после двух предсмертных статей В.И. Ленина, ей посвященных, кооперация делается одной из основ нашей экономической политики (13, с. 3).

У ці роки видаються теоретичні праці, в яких автори узагальнюють досвід кооперативного руху, намагаються викласти наукове обґрунтування кооперації в цілому як господарської форми, накреслити шляхи її розвитку (2; 8; 10; 12).

Однак потім теоретичні дискусії набули певної ідеологічної спрямованості, а самого А. Чаянова обізвали "выразителем современной мелкобуржуазной теории кооперации" (3, с. 17).

На жаль, знехтували досвідом розвитку російської кооперації, а перші кроки російський кооперативний рух починав ще в кінці минулого століття. Його розвиток до 1917 р., як і в Західній Європі, свідчив про те, що кооперативи виникали у вигляді локальних, як правило, невеликих об'єднань людей з метою задоволення потреб їх членів. Звичайно, життя вимагало єдиного законодавства про кооперацію. Питання про це вперше було поставлено на II з'їзді сільських господарств у 1870 р., а потім на I з'їзді кооператорів у 1896 р., але законопроект про кооперативні товариства був розроблений лише в 1908 р. і поданий на розгляд Всеросійського кооперативного з'їзду, а прийнятий уже після лютневої революції в березні 1917 р. Офіційна його назва - "Положення про кооперативні товариства та їх союзах". За цим законом кооперативними товариствами визнавалися товариства з перемінним капіталом, які, діючи під особливою формою, мали на меті сприяти матеріальному та духовному добробуту своїх членів через сумісну організацію різних господарських підприємств або працю своїх членів.

Цей закон запроваджував явочний порядок реєстрації кооперативів, не завдавав ніяких перешкод їх створенню. Звичайно, що цей прогресивний для свого часу закон не був позбавлений недоліків, однак вони не принижували загального позитивного потенціалу, що, як зазначається в літературі (6, с. 123), не втратив свого значення і в повоєнний період.

Але, як уже зазначалося, ні ці обставини, ні авторитетні на той час висловлення В.І. Леніна про необхідність відродження кооперації при підтримці держави, ні проголошення нової економічної політики не змогли переважити негативного ставлення до “дрібнобуржуазної теорії” кооперування в сільському господарстві, яскраво викладеної А. Чаєновим.

“Мы уже говорили, - писал він, - что кооператив - это прежде всего союз хозяйств и что хозяйства, входящие в такой союз, от этого не уничтожаются, а по-прежнему остаются мелкими трудовыми хозяйствами”. Тут же автор зазначає, що “к составу сельскохозяйственных кооперативов обычно причисляют и так называемые полные сельскохозяйственные кооперативы, т. е. сельскохозяйственные комунны, в которых индивидуальные хозяйства совершенно растворяются в общественном хозяйстве” (13, с. 9).

Як відомо, колективізація пішла останнім шляхом, внаслідок чого ми мали “одержавлені” колгоспи.

Кооперація (від лат. кооператіо - співробітництво) - добровільне об'єднання господарської діяльності. А колектив (від лат. колективус - збірний) - відносно компактна група людей, які об'єдналися для вирішення конкретного суспільного завдання (трудового, навчального, побутового, військового, спортивного тощо). Отже, за своїм змістом поняття “колектив” значно ширше поняття “кооператив”. В останньому люди об'єднують як майно, так і діяльність.

Головним принципом створення кооперативів є добровільність їх організації на договірній основі. Після Жовтневої революції ще на початку непу створювалися засади примусових принципів колективізації¹. У подаль-

¹ Так, лист ЦК РКП(б) від 18 березня 1922 р. “Про сільськогосподарську кооперацію” містить припис про те, що селяни - члени партії зобов'язані вступати в колгоспи.

шому хоча постійно і проголошувалося гасло про добровільність членства в колгоспах, процес примусової колективізації досяг логічного кінця - соціальної колективізації.

У теоретичному плані в цей період з'явилася формула "державна власність - вища, кооперативна - нижча форма соціалістичної власності", що знайшло свій відбиток у законодавстві, за яким у Радянському Союзі визнавалися три форми соціалістичної власності: в залежності від масштабу її усупільнення - державна, власність громадських організацій, колгоспно-кооперативна.

Від колгоспно-кооперативної власності походить і сучасна колективна (кооперативна) власність, закріплена в Законі України про власність. Але ж, як уже зазначалося, колектив і кооператив - це не одне і те ж.

То, мабуть, тепер нашому законодавству слід створити умови для формування на селі справжніх кооперативів, у яких "...только часть производства, та именно часть, где крупное хозяйство имеет преимущество над мелким, объединяется в союзную организацию. Сельскохозяйственный кооператив является дополнением к самостоятельному крестьянскому хозяйству, обслуживает его и без такого хозяйства не имеет смысла" (13).

Так що фермери Харківського району є прикладом того, що господарювання на селі спонукає селянські господарства об'єднуватися саме на засадах кооперації, зберігаючи свою самостійність. Але для формування таких кооперативів потрібна належна законодавча база. Закон України "Про колективне сільськогосподарське підприємство" не можна вважати такою базою, бо це колективне підприємство, а не кооперативне. І хоча наше законодавство не розрізняє ці поняття, це слід зробити. В юридичній літературі внесені пропозиції щодо розробки Кооперативного закону Російської Федерації і виділення в ньому розділу про сільськогосподарські кооперативи. Не менш доцільним було б зробити це і в Україні, врахувавши, що в кооперативі прибуток використовується інакше, ніж у господарських товариствах та інших господарських угрупованнях, що він спрямовується передусім на досягнення стабільності та процвітання всього підприємства і лише певна її частина розподіляється між членами кооперативу.

Про це йшлося і в зверненні до Президента, Верховної Ради і Уряду Міжнародної конференції з проблем

кооперації в сільському господарстві, що відбулася у Львівському державному сільськогосподарському інституті минулого року. В ньому учасники конференції просили якнайшвидше розробити й прийняти Закон про кооперацію в агропромисловому комплексі, створити нормативно-правову базу для надання податкових, цінових, фінансових та матеріальних пільг, спрямованих на становлення, функціонування та розвиток кооперації.

За рекомендаціями конференції всі форми кооперації на селі слід створювати за принципами добровільності їх організації на договірній основі, демократичності в управлінні, незалежності від державних органів влади, обов'язкової участі членів у його діяльності.

У рекомендаціях щодо створення кооперативу, розроблених для українських фермерів відомим американським ученим професором університету штату Вісконсин Марвіном А. Шаарсом також підкреслюється необхідність у нормативних актах кооперативу визначити порядок мобілізації і використання коштів, не розподілених між членами кооперативу (9).

Отож, слід, мабуть, у законодавстві визначити, чим відрізняється кооперативна власність від колективної. Якщо колективна власність є спільною частковою, то кооперативна є спільною сумісною, а кооператив являє собою таку організацію, члени якої володіють частиною майна на праві спільної сумісної власності (неподільний фонд), а частиною – на праві спільної часткової власності (пайовий фонд). Тож якщо вести мову про доцільність створення неподільних фондів, то треба або вносити відповідні зміни до чинного закону “Про колективне сільськогосподарське підприємство”, або ж приймати, як уже зазначено, закон про кооперацію.

І в тому, і в іншому випадках закон має називатися “Про сільськогосподарську кооперацію” і чітко визначити вищезазначені положення, бо зовсім нелегко зрозуміти текст ст. 7 Закону про КСП, де визначено, що об'єктами права колективної власності підприємства є земля, інші основні та оборотні засоби виробництва, грошові та майнові внески його членів, вироблена ними продукція, одержані доходи, майно, придбане на законних підставах. Виходить, усе майно колективного сільськогосподарського підприємства є його колективною власністю. Але читаємо далі цю ж статтю: “Майно в підприємстві

належить на праві спільної часткової власності його членам". Так хто ж все-таки є власниками цього майна? Колектив чи його члени? І далі: "Суб'єктом права власності у підприємстві є підприємство як юридична особа, а його члени - в частині майна, яку вони одержують при виході з підприємства". Але ж члени підприємства є власниками часток майна. Сукупність цих часток і складає майно підприємства. Так що ж є власністю підприємства?

Усе це свідчить, що поняття колективної (кооперативної) власності є спадщиною соціалістичної власності. Якщо це власність спільна часткова або спільна сумісна, то чому вона ще й колективна чи кооперативна? Це приватна власність.

Отже, як не важко відмовлятися від соціалістичної спадщини, висновок напрашується такий: шлях до реформування агропромислового комплексу пролягає через приватну власність до створення фермерсько-кооперативної системи сільськогосподарського виробництва.

Список літератури: 1. З виступу Президента на вищезгаданій нараді // Голос України. - 1996. - 4 січ. 2. Илимский-Кутузов Д. Очерки по истории кооперации. - М.-Л., 1925. 3. Кантор М.О. О "дружьях справа": Кооперативное смехотворчество проф. Чаянова // Большевик. - 1925. - № 15. 4. Кене Франсуа. Избранные экономические произведения. - М., 1960. 5. Крикливий Ю. Колгосп на грані і за нею // Слобідський край. - 1995. - 6 черв. 6. Кулаков В.Е. О кооперации и его место в истории кооперативного права в России: Закон 20 марта 1917 г. // Сов. государство и право. - 1990. - № 10. 7. Кучма Л. АПК на ділі має стати пріоритетом державної політики // Голос України. - 1996. - 4 січ. 8. Маслов П. Основа кооперации и условия накопления кооперативного капитала. - М.-Л., 1925. 9. Підготовчий період. Як створюється кооператив? // Діло. - 1995. - № 9. - Лютий. 10. Попов Н.И. Теория кооперации. - М., 1925. 11. Семчиу В.І. Концепція правового регулювання утворення пайових і неподільних фондів у кооперативних організаціях // Правова держава Україна: Пробл. перспективи розвитку: Тези доп. та наук. Повідом. респ. наук-практ. конф. 9-11 лист. 1995 р. - Х., 1995. 12. Туган-Барановский М. Социальные основы кооперации. - М., 1919. 13. Чаянов А. Краткий курс кооперации: Четв. изд. - М., 1925.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АПК КАК ВАЖНЕЙШЕГО ЗВЕНА ЭКОНОМИКИ

В сложных экономических условиях развивается агропромышленный комплекс (АПК) - один из важнейших секторов народного хозяйства Украины. В нем сосредоточено около 30 % основных производственных фондов, занята треть общей численности работающих в народном хозяйстве, производится треть национального дохода, формируется 70 % розничного товарооборота. Продукция АПК является одним из основных видов экспорта Украины (2, с. 5).

Анализ и оценка осуществления аграрной политики, а также социально-экономической ситуации, которая сложилась в агропромышленном комплексе, свидетельствуют о том, что, как и во всем народном хозяйстве, в АПК происходят процессы формирования рыночных отношений, которые болезненно сказываются на положении сельскохозяйственного производства. Так, уже в 1991 г. произошел резкий спад объемов производства (2, с. 5). Сокращается производственный потенциал агропромышленного комплекса. Такие отрицательные последствия последних лет отразились на результатах его работы в 1995 г. и, возможно, еще скажутся и в будущем.

Одной из причин кризиса в АПК является ослабление внутренней функции государства по созданию условий для развития сельскохозяйственного производства при переходе к рыночным отношениям. Ведь переход к рыночной экономике в значительной степени зависит от государственной поддержки правового обеспечения АПК в части реализации произведенной сельскохозяйственной продукции аграрными товаропроизводителями, а не только от создания и использования атрибутов рынка (равенства всех форм хозяйствования, хозяйственной независимости, самоуправления, предпринимательства, конкуренции и др.).

Правовые вопросы государственных закупок сельскохозяйственной продукции регулируются подзаконными и ведомственными нормативными актами. Но они не

охватывают всей полноты отношений между товаропроизводителями и изготовителями. На сегодняшний день отсутствует закон (положение) о договорах, которыми оформлялись бы отношения по закупке аграрной товарной продукции (1, с. 18). Такая ситуация создает хаос, отрицательно сказывается на интересах сельскохозяйственных производителей. В этой связи в целях реализации интересов аграрных товаропроизводителей, эффективности функционирования рыночного механизма, обеспечения потребностей населения в продовольствии и сельскохозяйственном сырье назрела необходимость в принятии Закона о закупках сельскохозяйственной продукции, который охватил бы не только государственные закупки, но и все их другие формы: закупки в личном подсобном хозяйстве граждан и членов садоводческих товариществ, в порядке обмена племенного скота на обычный, обмена на комбикорма, жом, продажи на рынке, через районные торговые дома, фирменные магазины, торговые пункты, отношения с потребительской кооперацией и т. д. Принципы закупок, порядок разработки и утверждения соответствующих актов, реализация продукции в государственные и региональные ресурсы и т. п. должны быть регламентированы законом - основополагающим актом для всех других нормативных актов, регулирующих все формы закупок аграрной продукции и сырья.

Большинство государств мира вопросы организованной закупки сельскохозяйственной продукции держат в своем поле зрения. Так, в США контрактная система охватывает 40 % товаров и услуг, в Германии, Франции, Италии - от 50 % до 60 %. Украине же государственные контракты еще более необходимы, так как отсутствуют надлежащие инфраструктуры оптовых рынков, а торговля сельскохозяйственной продукцией на биржевых аукционах пока не дает должного эффекта. Разрушение системы государственных закупок в условиях, когда на ее месте почти ничего не создано, не могут заменить их. Это приводит к ухудшению продовольственного обеспечения, создает проблемы со сбытом аграрной продукции, сырья, с авансированием, материально-техническим обеспечением аграрного товаропроизводителя. В соответствии же с Указом Президента Украины "Об удовлетворении государственных и региональных потреб-

ностей в сельскохозяйственной продукции на 1996 год" объемы государственного контракта в текущем году будут постепенно сокращаться (4, 1995, № 195, 196, с. 6). В связи с этим трудно понять политику правительства по этому вопросу.

В интересах государства и товаропроизводителя сельскохозяйственной продукции необходим закон, который позволил бы регулировать во всей полноте отношения по закупке аграрной продукции и сырья. Именно отсутствие надлежащего правового обеспечения государственного регулирования в сфере производства и формирования продовольственных ресурсов, его влияния на эти процессы привело к сокращению посевных площадей, уменьшению валового сбора зерна, овощей, технических культур, поголовья скота и птицы.

Нормативные акты, которые принимаются в Украине, имеют временный характер, охватывают узкую сферу производства и заготовки сельскохозяйственной товарной продукции. Упомянутый Указ Президента Украины гласит, что аграрным товаропроизводителям-исполнителям государственного контракта будут предоставляться материально-технические ресурсы. Однако поставка последних ничем не гарантирована. Предусматривается, что расчеты по государственным контрактам будут осуществляться по договорным ценам. Но и здесь отсутствуют гарантии в отношении паритета цен. В условиях тотального монополизма переработчиков и торговли аграрный товаропроизводитель, имея быстропортящуюся продукцию, не сможет влиять на цены. Поэтому в тех странах, где имеется развитая система борьбы с монополизмом, в аграрном секторе к рыночным механизмам подключается государственное регулирование, направленное на получение аграрными товаропроизводителями безубыточного уровня доходов.

Следует заметить, что в России взаимоотношения с сельским хозяйством урегулированы законом "О закупке и поставке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд", принятым Государственной Думой России 26 октября 1994 г. Он предусматривает, что государственные продовольственные фонды формируются на основе договоров с товаропроизводителями, где государство гарантирует закупку продукции в соответствии с заключенными соглашения-

ми. Законом устанавливается особый режим для семи важнейших видов сельскохозяйственной продукции: зерно, сахарная свекла, семечки подсолнуха, лен, скот, птица и шерсть закупаются в полном объеме, предложенном аграрными товаропроизводителями для реализации. Правительство ежегодно устанавливает гарантированный уровень закупочных цен, которые обеспечивают возмещение затрат и получение товаропроизводителями дохода. Уровень цен на сельскохозяйственную продукцию согласовывается с представителями общественных объединений, которые защищают интересы товаропроизводителей и потребителей.

На Украине же такие представительные организации отстранены от участия в разрешении вопросов, затрагивающих интересы сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Закон России также определяет обязанности государственных заказчиков предоставлять производителям аграрной продукции материальные и финансовые ресурсы: семена, средства защиты растений, технику и т. п. Цивилизованные отношения между государством и сельскохозяйственным товаропроизводителем находят отражение и в таких мероприятиях экономического стимулирования закупки, как предоставления субсидий, дотаций, льготных кредитов, налоговых льгот.

На Украине существующая система налогов не стимулирует сельскохозяйственные предприятия как можно лучше использовать землю. Необходим единый налог на землю. Налог на прибыль сводит на нет интерес работать лучше и интенсивнее.

Необходимо отметить и то, что в упомянутом выше законе России имеются положения, направленные на защиту отечественного товаропроизводителя от засилия импортного продовольствия, запрещается за счет государственного бюджета импортировать те виды сельскохозяйственной продукции и продовольствия, спрос на которые может быть удовлетворен производством товаропроизводителем своего государства.

В 1995 г. в Украину импортировано сельскохозяйственной продукции на 560 млн. долларов, что в 2,6 раза больше чем в 1994 г. Цифры удручают. Массовый импорт сельскохозяйственной продукции повлиял также на уменьшение объемов производства.

Требует своего разрешения и вопрос правового обеспечения государственного регулирования биржевой торговли. Несмотря на принятые Кабинетом Министров Украины постановления от 26.09.95 г., № 768 "Про заходи щодо розвитку ринку сільськогосподарської продукції в Україні" и от 17.11.95 г., № 916 "Про прискорення організації біржового сільськогосподарського ринку" (4, 1995, № 165, 166, с. 4), которыми определены место, цели и задачи бирж в структуре народного хозяйства, не затронут вопрос об органе, который был бы наделен контрольными полномочиями по определению соответствия контрактов общенародным интересам. Здесь биржа выступает независимой от какого-либо государственного учреждения. Хотя опыт других стран свидетельствует об ином подходе к этому вопросу. Те государства, которые стремятся в переходный период выйти к лучшей жизни, усиливают, а не ослабляют государственное регулирование и в этой сфере.

Так, в США, например, работает уполномоченная конгрессом комиссия по фьючерсной торговле. Она, в частности, контролирует соответствие заключаемых контрактов интересам государства, может применить суровые меры, если установит препятствия в реальных фактах спроса и предложения либо установит "хитросплетения" в биржевой игре.

Какие преимущества для аграрных товаропроизводителей дает торговля продукцией на бирже? Разумеется, здесь они могут получить более высокую цену, имеют возможность заключить оптовые, фьючерсные, форвардные соглашения. Все это, конечно, положительные моменты. Но отсутствие должного юридического обслуживания сельскохозяйственных товаропроизводителей, отсутствие опыта в биржевых торгах, в особенности отсутствие правового закрепления государственного контроля на бирже весьма отрицательно сказывается на правовом положении аграрного товаропроизводителя, на его защищенности от всевозможных "игроков".

Предусмотрено, что биржа организывает встречную торговлю необходимыми товаропроизводителю ресурсами, однако она не гарантирует соблюдение паритетных цен. Государство и здесь ослабило свои функции. Свидетельством этого является многократное удорожание техники и иных средств производства, кото-

рые приобретают сельскохозяйственные товаропроизводители. Если в 1985 г. цена трактора МТЗ - основной машины, которая применяется в сельском хозяйстве, равнялась стоимости 11-15 т молока, то в 1994 г. для приобретения этого же трактора необходимо было продать 230 т молока или 320 т пшеницы, или 112 т семян подсолнуха (3). Другой пример: в марте 1995 г. пшеница реализовывалась по 12-12,5 млн. крб за тонну, а горюче-смазочные материалы - по 20-25 млн. крб. Таким образом, хотя и есть возможность получить высшую цену за сельскохозяйственную продукцию, неизвестно, сможет ли товаропроизводитель компенсировать затраты хотя бы на ее производство.

Очевидно, что для обеспечения продовольствием всего населения Украины крайне необходимы: надлежащее правовое обеспечение АПК, которое способствовало бы на практике разрешать вопросы, связанные с реализацией аграрной продукции сельскохозяйственными товаропроизводителями; соответствующая государственной поддержка ее производства; защита интересов отечественного товаропроизводителя; введение четких экономико-правовых механизмов; применение цивилизованных взаимоотношений между аграрными товаропроизводителями и государством.

Список литературы: 1. Бичкова Ц.В. Деякі питання правового забезпечення продовольчої проблеми // Економіка АПК. - 1995. - С. 16-21. 2. Найважливіша ланка економіки: Виступ Прем'єр-міністра України Є. Марчука на Всеукраїнській нараді з питань агропромислової політики // Уряд. кур'єр. - 1995. - № 195-196. 3. Сільські вісті. - 1994. - 11 груд. 4. Уряд. кур'єр.

В.П. Тихий, д-р. юрид. наук

МОТИВ И ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Мотив и цель хотя и не являются обязательными признаками составов преступлений против общественной безопасности (кроме преступления, предусмотренного

ст. 228⁴ УК), но их установление имеет большое значение для оценки степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего, а тем самым - для индивидуализации наказания. Они разнообразны и в то же время существенно отличаются между собой при самовольном (ст. 221¹, 222, 223, 225, 228² - 228⁴ УК) и беспечном (ст. 220¹, 221, 224, 228⁵ УК) обращении с общепасными источниками.

Мотивы самовольного обращения с общепасными источниками могут быть как низменными (корысть, месть, зависть тщеславие и т. п.), так и лишенные такого характера (любопытность, ложная романтика, стремление к самостоятельности, ложно понятое чувство товарищества и т. п.). Последние присущи, как правило, преступлением несовершеннолетних.

Мотивация самовольного обращения с общепасными источниками - довольно сложный психологический процесс. На поведение виновного воздействуют различные мотивы, среди которых необходимо выделять те, которые играют ведущую роль в совершении преступления. Во многих случаях виновный, совершая самовольное обращение с общепасными источниками, руководствуясь не одним, а двумя и даже несколькими мотивами (например, корысть, зависть), которые в силу своей однородности не только не противостоят между собой, но, наоборот, дополняя друг друга, лишь ускоряют как принятие решения о совершении преступления, так и реализацию этого решения.

Установление мотивов самовольного обращения с общепасными источниками помогает выяснить и цели этой группы посягательств. При самовольном обращении с общепасными источниками виновный преследует цель совершить те или иные действия по обращению с ними. Эта цель достаточно очевидна. Она вытекает из характера рассматриваемых преступлений и является основной (непосредственной, ближайшей) целью виновного. Однако возникновение и постановка этой цели обуславливается существованием у субъекта одновременно и других целей, являющихся дополнительными (конечными) целями деяния. Они хотя и не являются обязательными признаками субъективной стороны составов преступлений самовольного обращения с общепасными источниками, но без их существования невозможна постановка непосредствен-

ной цели этих посягательств. Совершая самовольное обращение с общепасными источниками, виновный ставит перед собой одновременно, параллельно, а в большинстве случаев и последовательно не одну, а две и более целей. Они так же, как и мотивы этой группы посягательств, довольно разнообразны. Виновный всегда стремится совершить не только то или иное действие по обращению с общепасными источниками, но одновременно имеет также намерение удовлетворить ту или иную потребность. Самовольное обращение с общепасными источниками служит здесь лишь необходимым средством, определенным этапом достижения других, конечных целей виновного. Их значение чрезвычайно велико. Они позволяют дать ответ на вопрос, зачем лицо совершило самовольное обращение с общепасными источниками, достижение какого результата оно преследовало его совершением. Прежде всего конечная цель обуславливает постановку и реализацию основной, непосредственной цели самовольного обращения с общепасными источниками, а тем самым определяет и умысел на совершение данных преступлений и доказывает его наличие.

Кроме того, в отдельных случаях конечная цель исключает основную (непосредственную) цель рассматриваемых преступлений, а, следовательно, и их составы (например, изъятие оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ у вооруженного преступника при осуществлении акта необходимой обороны, приобретение оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ либо радиоактивных материалов для сдачи их органам власти, изъятие этих предметов с целью предотвращения их хищения или с целью возвращения собственнику и т. п.). В этих и подобных случаях отсутствуют цель самовольного обращения с общепасными предметами, а тем самым и умысел на совершение соответствующего преступления, так как конечная цель, которую ставит перед собой субъект, является правомерной, общественно полезной. Поэтому обращение с общепасными предметами должно рассматриваться в единстве с конечной целью деятельности субъекта и в зависимости от нее получать оценку.

Конечная цель при самовольном обращении с общепасными источниками может оказать существенное влияние на квалификацию этих деяний. Она может свидетельствовать о том, что виновным совершено не только

самовольное обращение с этими источниками, но и другое преступление, в связи с чем действия виновного необходимо квалифицировать по совокупности преступлений. Так, если самовольное обращение с общепасными источниками осуществлялось виновным для совершения с их помощью другого конкретного преступления, имеет место идеальная совокупность преступлений. Здесь наступает ответственность за самовольное обращение с общепасными источниками и за приготовление к соответствующему иному преступлению. Например, лицо, сбывающее оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества для совершения с их помощью преступления, подлежит ответственности не только по ст. 222 УК, но и за участие в готовящемся преступлении. При этом виновный может выполнять роль как подстрекателя, так и пособника в преступлении, которое совершено исполнителем с использованием полученных им оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ. Нельзя согласиться с точкой зрения, которая усматривает в таких ситуациях лишь пособничество (2, с. 465). Встречаются случаи, когда виновный, сбывая оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества другому лицу, одновременно склоняет его к совершению иного преступления с использованием указанных предметов.

Заранее не обещанное приобретение, сбыт или хранение с целью сбыта оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ либо радиоактивных материалов, заведомо добытых преступным путем, образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 213 УК и, соответственно, ст. 228², 222 УК. Заранее обещанное приобретение или сбыт оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ либо радиоактивных материалов, добытых преступным путем, должно влечь ответственность за соучастие в этом преступлении и по ст. 222 УК или 228² УК. Так же квалифицируются действия виновного при заранее обещанном им сокрытии оружия, используемого другим лицом при совершении преступления. Если же эти действия заранее не были обещаны виновным, он несет ответственность за укрывательство по ст. 186 УК и за незаконное хранение оружия по ст. 222 УК.

Наконец, установление конечных целей самовольного обращения с общепасными источниками имеет большое значение и для назначения наказания. Так, хищение огнестрельного оружия, боевых припасов, взрывча-

тых веществ или радиоактивных материалов для совершения с их помощью преступлений, хотя и точно еще не определенных виновным, несомненно, представляет большую степень общественной опасности, чем, скажем, хищение тех же предметов для коллекции, и должно влечь при прочих равных условиях более строгое наказание в пределах санкции ст. 223, 228³ УК.

Заметим в итоге, что правильное и полное установление конечных целей самовольного обращения с общеопасными источниками может оказать существенную помощь в выявлении причин и условий, способствующих совершению этих преступлений, а равно в разработке специальных мер по предотвращению данных посягательств.

Изучение материалов судебной практики свидетельствует о том, что преступное обращение с общеопасными источниками совершается для самых различных конечных целей. Их специфика, так же, как и специфика мотивов этой группы посягательств, обусловлена в большинстве своем характером предметов данных преступлений, т. е. общеопасных источников. Наиболее распространенными конечными целями здесь выступают: корысть, стремление использовать общеопасные предметы в качестве средств совершения преступлений (3, с. 41), для самообороны, для занятия охотой или спортом, для коллекции, для ознакомления с устройством и принципом действия.

Цели самовольного обращения с общеопасными предметами взаимосвязаны между собой, и во многих случаях виновный преследует не одну, а несколько таких целей (например, чтобы научиться метко стрелять из оружия и для самообороны). При чем для несовершеннолетних наиболее характерными являются не преступные цели, что объясняется их возрастными и психологическими особенностями.

Противоречивую точку зрения по вопросу о цели сбыта оружия высказала Н.П. Грабовская. С одной стороны, она считает, что сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ предполагает наличие корыстной цели, а с другой, анализируя объективную сторону этого посягательства, правильно допускает, что действие может выразиться и в дарении указанных предметов (5, с. 570). Н.П. Грабовская при этом упускает из виду, что дарение

в соответствии с законом предполагает безвозмездную передачу имущества и тем самым исключает корыстную цель. Безвозмездная передача оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ или радиоактивных материалов также причиняет вред отношениям общественной безопасности, создает опасность причинения тяжкого вреда этими предметами и поэтому образует их сбыт. Следовательно, сбыт оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ или радиоактивных материалов может быть совершен и без корыстной цели.

Представляется необоснованной точка зрения И. Погребняка, который считает, что хищение оружия имеет место лишь в тех случаях, когда виновный преследовал корыстную цель. Это утверждение автор аргументирует тем, что хищение оружия якобы всегда нарушает отношения собственности (4, с. 25, 26). Однако при хищении оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ ущерб собственности причиняется далеко не во всех случаях. Так, отсутствует посягательство на собственность, когда стоимость похищенного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ чрезвычайно незначительна (например, похищено несколько граммов взрывчатого вещества). И тогда при определении квалификации подобных действий по статьям о преступлениях против собственности пришлось бы применять ч. 2 ст. 7 УК и практика испытывала бы значительные затруднения. Отсутствует также посягательство на собственность, когда огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества похищаются у лиц, незаконно изготовивших или незаконно хранящих изготовленные названные предметы. Государство не признает за этими лицами собственности на указанные предметы, и в то же время эти предметы не являются собственностью других лиц. Следовательно, при хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ собственность не всегда терпит ущерб, а поэтому собственность здесь может выступать лишь как дополнительный - факультативный непосредственный объект этого посягательства, т. е. он может и отсутствовать при совершении данного преступления.

Специального внимания требует рассмотрение вопроса о квалификации случаев изъятия оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ или радиоактивных материалов на время (временное заимствование). По

смыслу ст. 223 и 228³ УК составы преступлений, ими предусмотренные, предполагают причинение ущерба общественной безопасности. С этого момента преступления признаются оконченными, что и имеет место при временном заимствовании указанных предметов. Поступление их в неправомерное фактическое владение лица против воли собственника или владельца дает возможность распоряжаться ими по своему усмотрению. Виновный, изъявший данные предметы на время, получает возможность владеть, пользоваться и распоряжаться ими, может с их помощью совершить преступление, в том числе тяжкое. Следует также иметь в виду, что при временном заимствовании предметы находятся в ненадлежащем месте, чем создается дополнительная возможность их хищения. Кроме того, при обращении с ними может быть совершено неосторожное преступление или же произойти несчастный случай. Изложенное позволяет сделать вывод, что временное заимствование огнестрельного оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ или радиоактивных материалов также посягает на общественную безопасность, причиняет ей вред, поэтому такие действия нужно рассматривать как преступления, предусмотренные соответственно ст. 223 или ст. 228³ УК. Таким образом, если "временное заимствование имущества" не может рассматриваться как его хищение, то такие же действия в отношении огнестрельного оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ или радиоактивных материалов при указанных выше ситуациях образуют собой хищение этих предметов.

Анализ мотивов и конечных целей самовольного обращения с общепасными предметами показывает, что степень их общественной опасности далеко не равнозначна. Одни из них обладают таковой в большей мере, другие (например, мотивы, лишенные низменного характера) свидетельствуют о меньшей степени общественной опасности виновного и преступления, им совершенного. Обобщение и изучение материалов судебной практики показывают, что между мотивами и целями действие несовершеннолетних и взрослых преступников имеются существенные различия. Некоторые мотивы и цели более характерны для взрослых, другие - для несовершеннолетних. Так, последним в большей мере присуще желание обращаться с общепасными предметами без на-

мерения использовать их для преступной деятельности.

Мотив и цель, являясь самостоятельными понятиями характеризующими разные стороны волевого процесса, в то же время тесно между собой связаны и находятся в определенном соотношении (1, с. 57, 58). Иногда при самовольном обращении с общеопасными предметами мотив и цель по своему характеру и направленности могут совпадать. Такое совпадение имеет место при совершении преступного обращения с общеопасными предметами с корыстной целью, так как постановка последней, как правило, обусловлена корыстными мотивами. Соотношение мотива и цели преступного обращения с общеопасными предметами проявляются и в том, что определенным мотивам могут соответствовать определенные цели. Так, хищения огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ по мотивам любознательности, любопытства, пытливости и интереса к технике совершаются, как правило, для того чтобы ознакомиться с устройством данных предметов и принципом их действия, научиться пользоваться ими, в частности, стрелять из оружия и т. п. Здесь же отметим, что один и тот же мотив может вызвать у виновного постановку различных целей. Например, лицо, совершающее хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ под влиянием страха, может преследовать цель или избежать задержания и тем самым уйти от ответственности, или же использовать данные предметы для осуществления акта необходимой обороны.

Наконец, разные мотивы могут вызвать у лица одну и ту же цель. Так, корысть, тщеславие, месть и зависть могут обусловить постановку лицом одной и той же цели деяния - хищение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или радиоактивных материалов для преступной деятельности.

При беспечном обращении с общеопасными источниками виновный также руководствуется самыми различными мотивами и целями. Их диапазон довольно широк и включает в себя мотивы и цели как антиобщественные, так не характеризующиеся такой окраской. К первой группе относятся: хулиганские мотивы, корысть, месть, лихачество, хвастовство, эгоизм, сокрытие ранее совершенного правонарушения; ко второй - пренебрежение правилами общественной безопасности с целью пере-

выполнения плана, выполнения какой-либо другой общественной полезной деятельности, ложно понятых интересов "своего предприятия", желание оказать кому-либо помощь и т. п. При этом нередко здесь субъект ставит в опасность не только жизнь и здоровье других людей, но и свою жизнь, свое здоровье, игнорируя тем самым и самобезопасность.

При прочих равных условиях мотивы и цели беспечного обращения с общепасными источниками свидетельствуют, как правило, о меньшей степени общественной опасности по сравнению с мотивами и целями самовольного обращения с этими же источниками.

Список литературы: 1. Бажанов М.И. Уголовное право Украины: Общая часть. - Днепропетровск: Пороги, 1992. 2. Комментарий к УК РСФСР. - М.: Юрид. лит., 1971. 3. Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. - Харьков: Вища школа, 1982. 4. Погребняк И. Квалификация составных преступлений Сов. юстиция. - 1970. - № 13. 5. Советское уголовное право: Часть Особенная. - Киев: Вища школа, 1969.

В.А. Ломако, канд. юрид. наук

О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ НАКАЗАНИЯ

Политика государства в борьбе с преступностью включает комплекс мер, среди которых главную роль выполняют меры социального, экономического, политического, правового, организационного и культурно-воспитательного характера. В системе этих мер определенное место занимает и наказание как необходимое средство охраны общества от преступных посягательств (1, с. 3; 2, с. 73). Выполнение этой роли осуществляется как посредством угрозы наказанием, которая присутствует в санкции каждой уголовно-правовой нормы, так и путем его реализации, т.е. принудительного воздействия на лиц, уже совершивших преступления.

В литературе распространено мнение, что наказание в борьбе с преступностью выполняет вспомогательную роль. Утверждение это требует уточнения. Оно верно в отношении системы мер, используемых государством для профилактики преступлений, снижения преступно-

сти, устранения ее причин и условий. В подтверждение этого следует отметить, что гуманистические идеи Монтескье, Беккария и других авторов о том, что умудренный опытом законодатель лучше предупредит преступление, чем будет вынужден наказывать за него, нашли свое развитие и подтверждение в науке уголовного права и в практике борьбы с преступностью. В таком аспекте наказание действительно имеет вспомогательную роль. Однако среди мер государственного реагирования на уже совершенные преступления и лиц, их совершивших, наказание выполняет значительную роль. В нем находит выражение от имени государства отрицательная оценка совершенного преступления и самого преступника. Умаление этой его роли противоречит карательной и предупредительной сущности наказания как наиболее острой, наиболее суровой меры государственного принуждения, которая применяется по приговору суда к лицам, совершившим преступления. Конституция Украины, уголовное законодательство и практика его применения убеждают, что государство отводит наказанию весьма значительную роль в выполнении своей обязанности защищать общественный строй, политическую и экономическую системы, все формы собственности, личность, права и свободы граждан, а также правопорядок от преступных посягательств. Таким образом, наказание как один из центральных институтов уголовного права есть важный инструмент в руках государства для охраны общественных отношений. По мнению многих авторов, оно является ведущей и наиболее распространенной формой реализации уголовной ответственности и в месте с тем призвано обеспечивать поведение людей в соответствии с требованиями закона (3, с. 3).

Значительная роль наказания в борьбе с преступностью не оправдывает, однако, наблюдающуюся многие годы тенденцию его ужесточения. К сожалению, тенденция эта не изменилась. И в наши дни она находит свое выражение как в законодательстве, так и в практике его применения. Достаточно сказать, что в УК Украины из 512 санкций 443 предусматривают лишение свободы, причем 124 на срок до 10-15 лет. Превалирует лишение свободы и в судебной практике. Судами Украины за последние годы к лишению свободы было осуждено до 60% подсудимых. Причины такой практики, очевидно, не

только в большом росте преступности, но и в распространённости в общественном, в том числе профессиональном, сознании ошибочного мнения, что лучшее средство борьбы с преступностью - ужесточение наказания. Подобную позицию в общественном сознании необходимо менять. История борьбы с преступностью во многих странах независимо от общественного строя свидетельствует, что ужесточение наказания не приводило к желаемому результату. Напротив, жестокость наказания убеждает виновного в его несправедливости, ожесточает осуждённого, порождает в его сознании чувство обиды, неуважения к обществу, государству, его законам, ибо значимость наказания в борьбе с преступностью определяется не жестокостью, а справедливостью, неотвратимостью, своевременностью и неизбежностью его применения за каждое совершенное преступление. Роль и значение наказания во многом зависят от правильности его назначения и реализации. Оно должно быть соразмерным тяжести совершенного преступления. Только такое наказание воспринимается виновным и другими лицами как конечный и действительно заслуженный результат его преступного поведения. Его применение всегда должно осуществляться с соблюдением основных направлений, свойственных уголовной политике. К последним относятся: а) применение суровых мер наказания к рецидивистам и к лицам, совершившим тяжкие преступления; б) применение менее суровых мер наказания, прежде всего наказаний, не связанных с изоляцией виновного от общества, и даже условного осуждения или отсрочки исполнения наказания к лицам, совершившим впервые менее тяжкие преступления или преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Сочетание этих двух направлений обязательно в осуществлении карательной политики наших судебных органов на современном этапе борьбы с преступностью.

Действующее уголовное законодательство не содержит определения понятия наказания. Однако анализ отдельных уголовно-правовых норм и практики их применения дает возможность науке уголовного права выделить важнейшие его признаки и на их основе дать определение такого понятия. Важной задачей правового государства есть охрана основных общественных отношений от преступных посягательств. Осуществление ее в

первую очередь выражается в определении того, какие общественно опасные деяния являются преступными и какому наказанию подлежат лица, их совершившие (ст. 1 УК). Следовательно, наказуемость есть составная часть уголовно-правовых норм, без которой невозможно было бы регулировать и охранять общественные отношения. *По своей сущности наказуемость является особой мерой государственного принуждения*, которая применяется к лицам, совершившим преступные посягательства (4, с. 5). Наказание как мера государственного принуждения выступает методом воздействия на человеческое поведение, оно принуждает лицо к законопослушному поведению. В этом и заключается первый важный его признак. Наказание - это, прежде всего, *особая мера государственного принуждения*, которая является его составляющей, определяющей его социальное содержание.

Второй признак наказания закреплен в ст. 3 УК, где четко записано, что *"...наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления"*. Следовательно, применение наказания есть завершающий этап уголовной ответственности. Это логическое типичное последствие преступления. Предусмотренные в законе иные методы реагирования государства на преступление, такие, как освобождение от наказания на основании ст. 50 УК, освобождение от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия (ст. 51 УК), освобождение с применением принудительных мер воспитательного характера (ст. 10 и 11 УК), являются исключением из правила, возможны в случаях, предусмотренных законом, допустимы при наличии достаточных к тому оснований и за преступления, не представляющие большой общественной опасности. Поэтому оценка наказания в качестве конечного юридического последствия преступления является характерным его признаком.

Третий отличительный признак наказания также закреплен в ст. 3 УК, где сказано, что *"никто не может быть признан виновным, а также подвергнут наказанию, иначе как по приговору суда и в соответствии с законом"*. Так что предписание закона о применении наказания по приговору суда - обязательное требование закона, характерная его особенность. Причем применение наказания всегда осуществляется от имени государства, что придает

наказанию публичный характер. К исключительной компетенции суда относится и освобождение от наказания (кроме освобождения по амнистии или акта о помиловании).

Четвертый важнейший признак наказания нашел свое законодательное закрепление в ст. 22 УК, где сказано, что *наказание является не только карой за совершенное преступление*. Тем самым в законе назван основной признак наказания, делающий его особой, наиболее острой мерой государственного принуждения. Кара является составляющим признаком любого уголовного наказания. Она определяется сроками наказания, наличием физических и нравственных страданий и лишений, возложением обязанности испытать позор и стыд перед обществом и различного рода правоограничениями. В одних наказаниях она выражена в большей мере, как, например, лишение жизни, лишение свободы, материальные или имущественные лишения. В других - превалируют ограничения иных прав: заниматься профессиональной деятельностью, иметь звания, награды и т. д. В каждом наказании присутствуют, безусловно, и нравственные страдания: позор, стыд перед обществом и своими близкими. Все эти свойства и определяют кару как признак наказания. Объем кары дифференцирован в каждом наказании в зависимости от характера и тяжести преступления. Карательное воздействие наказания должно соответствовать тяжести преступления.

Пятый характерный признак наказания заключается в том, что в нем находит выражение порицание, *отрицательная со стороны государства оценка как совершенного преступления, так и самого преступника*. Авторитетность такой оценки закрепляется обвинительным приговором, который выносится судом от имени государства и содержит конкретную меру наказания. Таким образом, назначенное наказание выступает правовым критерием, показателем отрицательной оценки преступления и лица, его совершившего, с точки зрения уголовного закона и нравственности.

Шестой признак наказания проявляется в личностном его характере. Это значит, что *назначение уголовного наказания и его исполнение возможны только в отношении самого виновного* и не могут быть обращены на других лиц, даже близких родственников. Например,

изоляции подлежит лично осужденный к лишению свободы или конфискации подлежит только имущество, принадлежащее лично осужденному, и т. д.

Наконец, седьмой отличительный признак состоит в том, что *всякое наказание влечет за собой судимость*. Признак этот нашел свое законодательное выражение в ст. 55 УК, по смыслу которой назначение любого наказания, кроме направления военнослужащего в дисциплинарный батальон и содержание на гауптвахте, влечет для осужденного такое правовое последствие, как судимость. Именно судимость отличает уголовное наказание от других мер государственного принуждения. По своему содержанию судимость - это не только свойство кары. Она представляет собой определенный правовой статус осужденного, связанный с разного рода правоограничениями и другими неблагоприятными последствиями в течение установленного в законе срока. Судимость в качестве самостоятельного признака наказания определяется тем, что она признаетсяотягчающим обстоятельством в случае совершения нового преступления и сохраняет определенные ограничения прав осужденного и после отбытия им наказания.

Все изложенные признаки отличают наказание от других мер принуждения и позволяют сформулировать общее понятие наказания: *Наказание - это установленная законом карательная мера государственного принуждения, которая применяется по приговору суда к лицу, виновному в совершении преступления, выражающая от имени государства порицание преступления и лица, его совершившего, и влекущая судимость.*

Список литературы: 1. Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 2. Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. - М.: Юрид. лит., 1973. 3. Полубинская С.В. Цели уголовного наказания. - М.: Наука, 1990. 4. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Законом Украины от 11 июля 1995 г. внесены существенные изменения и дополнения в действующий уголовный кодекс (1). Это касается прежде всего новой редакции составов преступлений, предусмотренных гл. VII Особенной части "Должностные преступления". В новой редакции дано понятие должностного лица, определено понятие существенного вреда как необходимого последствия этих преступлений. Применительно ко взяточничеству обозначены понятие размеров взятки, ее повторность, вымогательство взятки. Внесены изменения в диспозиции статей УК об ответственности за злоупотребление властью, превышение власти, халатность, должностной подлог, причем за совершение этих преступлений санкции резко усилены. В связи с этим необходимо вновь обратиться к исследованию как частных, так и общих вопросов, связанных с должностными преступлениями. Не претендуя на исчерпывающее решение этих вопросов, затронем в данной статье лишь некоторые из них: а) понятие должностных преступлений; б) родовой объект должностных преступлений; в) специальные и альтернативно-должностные преступления.

1. Общее понятие должностного преступления. Вопрос возникает в связи с тем, что новая редакция ст. 164, в отличие от ранее действующей, не дает общего понятия должностного преступления. Это, однако, не отражается на характеристике составов перечисленных в главе преступлений и не исключает разработку такого понятия в теории уголовного права. Более того, отказ законодателя от определения общего понятия рассматриваемых преступлений в самом законе представляется вполне обоснованным. Во-первых, потому, что наличие такого общего понятия в прежней редакции нарушало единообразные структуры Особенной части УК, так как ни одна глава, кроме глав о должностных преступлениях (бывшая ст. 164) и о воинских преступлениях (ст. 231), не содержит общего понятия помещенных в главе преступ-

лений. Во-вторых, общее понятие должностных преступлений в прежнем тексте гл. VII было сформулировано недостаточно четко и полно, в связи с чем подвергалось справедливой критике в уголовно-правовой литературе. Отдельные авторы, исследующие составы должностных преступлений, указывали, что данное понятие не отражает всех признаков должностных преступлений и потому не может представлять их общую характеристику (5, с. 168). При этом ученые вырабатывали и предлагали свои варианты общего понятия должностных преступлений. Эти варианты, как представляется, могут быть взяты за основу и использованы для общей характеристики должностных преступлений по действующему законодательству, но с учетом изменений и дополнений, внесенных законодателем в содержание этих составов.

Необходимость выработки такого общего понятия должностных преступлений в теории уголовного права определяется в целях более глубокого понимания самого понятия этого преступления. От него зависят и вопросы квалификации отдельных видов должностных преступлений, их соотношения со смежными составами, а также вопросы совокупности этих посягательств и других преступлений.

Общее родовое понятие должностных преступлений должно в обобщенном виде отразить наиболее существенные признаки, присущие всем должностным преступлениям. Поэтому оно может быть сформулировано на основе исследования всех составов преступлений, помещенных в главе о должностных преступлениях.

Анализ составов должностных преступлений позволяет выделить следующие признаки, которые характеризуют должностные преступления и отражают их особенности в числе других составов в системе Особенной части уголовного права:

1-1. Должностные преступления могут быть совершены только должностным лицом. Должностное лицо как субъект должностных преступлений представляет собою неотъемлемый признак должностных составов. Достаточно отметить, что из восьми составов должностных преступлений, которые объединены в гл. VII, шесть из них, как указано в самих нормах, совершаются только должностными лицами. Остальные составы - дача взятки и посредничество во взяточничестве могут быть совер-

шены любым лицом, но помещение их в данную главу объясняется, как известно, тесной связью их с составом получения взятки, по отношению к которому они выступают, по существу, соучастниками. Понятие должностного лица дано в ст. 164 УК в новой редакции закона в несколько расширенном виде. Ими могут быть "лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти, а также занимающие постоянно или временно на предприятиях, учреждениях или организациях, независимо от форм собственности, должности, связанные с исполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей или исполняющие такие обязанности по специальным полномочиям". Это означает, что закон признает должностными лицами всех лиц, которые выполняют указанные в законе функции на должностях или по специальному полномочию на любом предприятии, в организации, учреждении, представляющих как государственные либо общественные органы, так и органы иных юридических лиц.

1-2. Все должностные преступления представляют собой посягательства на один и тот же родовой объект, которым является нормальная деятельность любых государственных, общественных органов, предприятий, организаций, учреждений, независимо от формы собственности.

1-3. Важным и необходимым признаком должностных преступлений является то, что действие, совершенное должностным лицом, всегда связано с его служебным положением. Совершая должностное преступление и используя для этого служебные полномочия, лицо при этом нарушает свои обязанности по службе и действует вопреки интересам службы. Эти нарушения могут проявляться в действиях различного характера: в злоупотреблении своим служебным положением, в превышении власти или служебных полномочий, в невыполнении или ненадлежащем выполнении своих служебных обязанностей, в получении взятки за выполнение каких-либо действий по службе и др., - но всегда при этом используются служебные полномочия такого лица. Преступные действия должностного лица, не связанные с его служебными полномочиями, не могут образовать должностного преступления.

1-4. Из формулировки составов должностных пре-

ступлений устанавливается еще один обязательный для них признак. Он выражается в причинении должностным преступлением существенного вреда государственным, общественным интересам, а также охраняемым интересам физических и юридических лиц. Наличие такого вреда прямо предусмотрено законом в диспозициях ст. 165 (злоупотребление служебным положением), ст. 166 (превышение власти или служебных полномочий) и в ст. 167 (халатность). В остальных трех составах - в ст. 168 (получение взятки), ст. 171 (провокация взятки) и ст. 172 (служебный подлог) не указано о необходимости установления вреда, однако содержание и характер этих преступлений дает основание считать бесспорным, что названные преступления в любых обстоятельствах причиняют такой существенный ущерб.

Все указанные выше признаки представляют в своей совокупности полную характеристику должностных преступлений. Поэтому понятие должностных преступлений можно сформулировать следующим образом: Должностным преступлением признается совершенное должностным лицом с использованием своего служебного положения общественно опасное деяние, посягающее на нормальную деятельность государственного, общественного или любого иного негосударственного предприятия, учреждения, организации и причиняющие существенный ущерб государственным, общественным интересам и охраняемым интересам физических либо юридических лиц.

2. Объект должностного преступления. Объект должностных преступлений в законе непосредственно не указан. Однако установление его является весьма важным, так как объект определяет направленность посягательства и его общественную опасность, а также позволяет отграничить должностные преступления от других. По признаку родового объекта, как известно, должностные преступления выделены законодателем в специальную главу.

В настоящее время наиболее распространенным и признанным в уголовно-правовой литературе является определение родового объекта должностных преступлений как нормальная работа государственного или общественного аппарата. Но оно не охватывает интересы других структур, возникших в ходе развития новых рыночных отношений, нормальная деятельность которых

ныне в новой редакции гл. УП Особенной части УК также защищается уголовным законом. В связи с этим возникает вопрос о наличии в таких рыночных структурах определенного аппарата управления, обеспечивающего их нормальное функционирование, а также вопрос и о признании нормальной деятельности такого аппарата в качестве объекта должностных преступлений.

Как известно, для нормальной деятельности любой организации, предприятия, учреждения требуются усилия не только всех работников, но и, что имеет важное значение, правильное руководство этой деятельностью. Для этого учреждаются должности, на которых постоянно или временно работают лица, наделяемые организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями и которые руководят отдельным участком либо организацией, предприятием, учреждением в целом. Такие лица составляют, как считается, специальный аппарат управления.

Подобная система управления имеется и в новых рыночных структурах, например, в коммерческих банках, фирмах, акционерных обществах и других негосударственных предприятиях. Она, конечно, может быть иной по сравнению с государственным аппаратом, так как зависит от формы собственности, местных условий, характера деятельности и др. Но по содержанию управленческий аппарат такой же и работающие в нем лица наделены такими же функциями, как и должностные лица государственного предприятия.

Не составляют исключения в этом отношении и частные структуры, где имеются владельцы предприятия и наемные работники. Последние могут занимать различное положение и место в этих структурах. Определяющим в положении должностного лица здесь являются также функции организационно-распорядительного или административно-хозяйственного характера, которыми наделены либо сам владелец предприятия, либо другое лицо по его распоряжению. В качестве примера можно сослаться на ст. 135 УК Украины, в которой в качестве субъекта преступления за нарушение требований законодательства об охране труда названы наравне с должностным лицом и "владелец предприятия или уполномоченное им лицо".

Следовательно, ныне действующее понятие родо-

вого объекта должностных преступлений, определяемое как нормальная работа аппарата должностных лиц, может охватывать собой любые предприятия, учреждения, организации независимо от форм собственности. Однако представляется, что такое определение объекта должностных преступлений является неправильным по своей сути и требует переосмысления независимо от изменений в законодательстве об этих составах.

Во-первых, применяемое при определении объекта понятие "аппарат" не соответствует смыслу. Должностные лица, которые в своих организациях выполняют функции управления, не создают особого аппарата как определенную общность должностных лиц, наделенных особыми полномочиями и действующими самостоятельно в интересах самого аппарата. Все они тесно связаны со своим производством, учреждением, организацией и выполняют свои служебные обязанности управленческого характера как члены общего коллектива. Тем более, что управленческие функции не всегда возложены на группу лиц, т. е. на аппарат, а могут осуществляться (особенно в частных коммерческих структурах) и одним лицом, например владельцем предприятия или его представителем.

Во-вторых, нынешнее определение объекта должностных преступлений предполагает, что ущерб в результате причиненного должностным лицом посягательства главным образом и прежде всего нарушает правильную работу государственного, общественного или иного аппарата. Эта работа аппарата должностных лиц (если признать такую категорию работников в качестве аппарата) ставится, таким образом, в центре содеянного. Нарушение при этом правильной работы самого предприятия, учреждения, организации отодвигается как бы на второй план. Вследствие этого аппарат рассматривается как отдельное звено, обособленное от предприятия, а само нарушение несет в себе определенный смысл и сводится в основном к нарушению служебного долга, служебной дисциплины, порядка выполнения должностным лицом своих служебных обязанностей, обусловленных служебным положением лица и принадлежностью его к аппарату.

Такое понимание объекта, как представляется, искажает смысл содеянного и влечет за собой недооценку опасности совершенного должностным лицом посяга-

тельства.

Правильное установление объекта рассматриваемых составов требует учесть следующее: Должностное лицо, осуществляя функции управления, выполняет свои служебные обязанности, действуя в соответствии с законом и в интересах не абстрактного какого-то аппарата управления, а в интересах всего предприятия, учреждения, организации в целом. Отсюда следует, что при совершении должностного преступления нарушаются не любые, а такие интересы, которые тесно связаны со служебной деятельностью лица.

Характерная особенность должностных преступлений, таким образом, состоит в том, что нарушение определенных интересов и причинение существенного ущерба работе учреждения, предприятия, организации совершается должностным лицом путем нарушения обусловленных его служебным положением обязанностей. Эта особенность дает основание считать, что главной направленностью преступной деятельности должностных лиц в рассматриваемых преступлениях и, соответственно, родовым объектом этих составов является нормальная работа государственных, общественных или иных негосударственных организаций, предприятий, учреждений независимо от форм собственности и в любой сфере их деятельности.

3. Специальные и альтернативно-должностные преступления. Все должностные преступления принято подразделять на общие, специальные и альтернативно-должностные (2, с. 53). Общими считают должностные преступления, предусмотренные в гл. VII Особенной части УК. Они характерны тем, что могут быть совершены в любой сфере деятельности должностных лиц и любым должностным лицом. Статьи этой главы УК имеют широкий спектр применения, так как в своей законодательной обрисовке отражают существенные признаки, присущие всем должностным преступлениям.

Специальные должностные преступления также могут быть совершены должностными лицами с использованием своего служебного положения, но лишь в специальной сфере их деятельности. Поэтому, исходя из особенности их объекта посягательства, статьи об ответственности за специальные должностные преступления помещены не в гл. VII, а в других главах УК.

Специальные должностные преступления по существу представляют собой виды злоупотребления своим служебным положением, превышения служебных полномочий, халатности либо подлога, но совершенные в определенной сфере служебной деятельности должностного лица. Например, в сфере отправления правосудия (ст. 173, 174, 176 УК и др.), трудовых отношений (ст. 133, 134, 134¹ и др.), избирательных прав (ст. 128, 129 УК) и т. п. Указанные преступления направлены на различные объекты уголовно-правовой охраны, а нормальная деятельность аппарата в этих случаях выступает в качестве дополнительного объекта посягательства.

Помещая эти составы в другие главы, законодатель преследовал цели отразить в полной мере особенности и своеобразие данных правонарушений, обусловленных специальной сферой деятельности, в общей массе должностных преступлений.

Альтернативно-должностными преступлениями называют такие деяния, которые могут быть совершены как должностным, так и недолжностным (частным) лицом. Сюда относятся преступления различного характера, и статьи УК, устанавливающие за них ответственность, включены в разные главы УК. Однако в случае их совершения должностными лицами они становятся особым видом должностного преступления. Например, ст. 154, предусматривающая ответственность за спекуляцию, в ч. 2 устанавливает такой квалифицирующий признак, как совершение спекуляции должностным лицом. В этом случае такую спекуляцию следует считать альтернативно-должностным преступлением.

Следует отметить, что в последние годы в законодательстве проявляется тенденция к увеличению в УК составов специальных и альтернативно-должностных преступлений. Это вызвано прежде всего тем, что общие составы должностных преступлений не могут в полной мере отразить все особенности совершенных должностным лицом правонарушений и точно определить их признаки. Не случайно судебная практика и прошлых лет всегда ощущала такую необходимость и чаще всего выходила из подобного положения путем квалификации должностных преступлений по совокупности с другими преступлениями.

Указанная тенденция применительно к должност-

ным преступлениям проявляется в двух направлениях: Первое связано с созданием специальных норм о должностных преступлениях, устанавливающих ответственность должностных лиц за совершение деяний в определенной, конкретной сфере деятельности. Например, в ст. 148² УК установлена ответственность за уклонение от уплаты налогов должностным лицом субъекта предпринимательской деятельности. По существу, это должностное злоупотребление. Помещая, однако, данную статью в главу "Хозяйственные преступления", законодатель этим определяет особенность совершенного деяния в сфере хозяйственной деятельности, точнее, в сфере налоговой политики. Злоупотребление служебным положением выражается здесь в конкретных, четко указанных в диспозиции ст. 142² действиях. Повышенная опасность данного специального должностного преступления проявляется и в санкции, которая в два раза превышает санкцию ст. 165 УК. Подобное имеет место и в других статьях, устанавливающих ответственность за специальные должностные преступления.

Второе направление относится к альтернативно-должностным преступлениям. Оно заключается в том, что в ранее действующие статьи УК вносится указание на возможность совершения преступлений и должностным лицом. Такое указание производится либо в самом тексте диспозиции статьи (например в ст. 80¹, 108⁴ и др.), либо в числе квалифицирующих обстоятельств совершенного преступления (например в ст. 62 ч. 2, 66 ч. 2, 127 ч. 2, 154 ч. 2, 162¹ ч. 2, 189³ ч. 2 и др.). В этих ситуациях предусмотренное в указанных статьях деяние преобразуется в должностное преступление и представляет собой либо должностное злоупотребление (например, при совершении сокрытия валютной выручки - ст. 80¹, нарушении правил торговли - ст. 155³ и т. п.), либо превышение власти или служебных полномочий (при принуждении к даче показаний - ст. 175, вмешательстве в деятельность работника прокуратуры - ст. 189³), либо халатность (при нарушении требований законодательства об охране труда - ст. 135 и др.).

Эффективность такого подхода усматривается в том, что в специальном должностном преступлении законом помимо общих признаков, свойственных всем должностным преступлениям, учтены такие особенности

данного преступления, которые определяются особой сферой деятельности должностного лица, характером самого деяния или другими признаками состава. Например, в ст. 162¹ УК предусмотрена ответственность за незаконную добычу полезных ископаемых, совершенную любым лицом. А в ч. 2 этой статьи указано на совершение данного преступления и должностным лицом. Однако ответственность устанавливается не за любое действие должностного лица, а такое, которое выражается в "организации должностным лицом добычи полезных ископаемых с нарушением установленного законом порядка". Это указание закона четко и ясно определяет не только характер деяния, но и пределы ответственности должностного лица за это преступление.

Помимо этого важно отметить, что создание составов специальных и альтернативно-должностных преступлений очень часто решает проблему квалификации по правилам идеальной совокупности должностных преступлений с другими преступлениями. Так, дополнение ч. 2 ст. 154 УК указанием на совершение спекуляции должностным лицом окончательно снимает существовавшую достаточно длительное время дискуссионную проблему квалификации спекуляции, совершенной должностным лицом по совокупности с другими преступлениями.

Надо сказать, что вопрос о наличии в уголовном законодательстве общих, специальных и альтернативно-должностных преступлений создает проблему соотношения между ними. Все специальные должностные и альтернативно-должностные преступления, как указывалось выше, представляют собой действия, предусмотренные и общим должностным преступлением, и преступлением в специальной сфере или конкретной деятельности. Следовательно, это всегда отношения части и целого, общего и специального. Поэтому на практике иногда возникают проблемы конкуренции общего и специального состава, которая по общему правилу, установленному в уголовном праве, разрешается в пользу специального состава, ибо он наиболее полно и конкретно определяет особенности такого преступления. При конкуренции двух специальных составов должностных преступлений применяется та специальная норма, которая в большей степени конкретизирует содеянное и выражает его особенности (3, с. 240; 6, с. 109).

В целом же следует отметить, что намеченная тенденция к расширению круга должностных преступлений за счет введения специальных и альтернативно-должностных деликтов выступает как объективный процесс, вызванный необходимостью конкретизации ответственности за отдельные виды преступлений, как проявление гибкости и динамичности законодательства об ответственности за должностные посягательства.

Список литературы: 1. Голос Украины. - 1995. - № 119-120. 2. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. - М., 1975. 3. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступления. - М., 1972. 4. Лысов М.Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. - Казань, 1972. 5. Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. - Киев, 1978. 6. Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления. - Киев, 1977.

В.В. Голина, д-р. юрид. наук

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ

Среди основных научных принципов организации и деятельности системы специально-криминологического предупреждения преступности важное место занимает принцип обоснованности. Обоснованность - это соответствие разрабатываемых и осуществляемых мер фактическому наличию криминогенных объектов и возможность повлиять на них с помощью соответствующих их природе и состоянию конкретных действий субъектов. Именно этой цели и отвечает теория методов специально-криминологического предупреждения преступности. Термин "метод" используется в философской литературе для обозначения способа исследования явлений, подхода к изучаемым явлениям, планомерного пути познания и установления истины (8, с. 403). В криминологической литературе под термином "метод" чаще всего понимается: а) совокупность, система различных способов, приемов и средств воздействия социальных субъектов на явления и процессы криминогенного характера, обуславливающие

существование преступности, совершение преступлений, формирование личности (6, с. 92-94); б) способ воздействия на криминогенные объекты (3, с. 65).

В зависимости от сферы, в которой осуществляется предупредительное воздействие, и от конкретно-целевой направленности методы предупредительного воздействия, как предлагают отдельные авторы (Ветров Н.И., Бабаев М.М., Игошев К.Е. и др.), могут быть дифференцированы на методы: тактические и стратегические; нейтрализующие и компенсирующие; предупреждающие и ликвидирующие криминогенные объекты; экономические, социальные, политические, государственно-правовые, социально-психологические, контрольно-воспитательные и др.

Приведенные понятия и классификации методов предупредительного воздействия имеют, на мой взгляд, недостатки: а) отсутствует четкая формулировка методов; б) не указываются конкретные методы предупреждения преступности; в) происходит смешение методов предупредительного воздействия с мерами, приемами их осуществления, что не одно и то же.

Думается, что под методом специально-криминологического предупреждения преступности следует понимать научно сформулированный способ предупредительного воздействия на криминогенный объект. Методы - это глобальные стратегико-тактические направления предупредительного характера, содержащие потенциальные возможности системы специального предупреждения. Обеспеченные прогностическими данными, те или иные методы становятся стержнем научно обоснованных комплексных программ предупредительного воздействия на соответствующие явления и процессы. Именно благодаря научно обоснованному методу происходит органическое соединение мероприятий общесоциального и специально-криминологического предупреждения преступности. Они носят, как правило, долговременный характер. Могут меняться приемы, средства, меры, субъекты и т. п. Поэтому внутри метода необходимо различать меры, средства, приемы, формы работы, помогающие реализовать идею метода и перенести энергетическое, силовое, информационное и иное воздействие на криминогенные объекты.

В специальной литературе используется термин

“мера”, который часто употребляется как синоним термина “метод”. Но мера предупреждения преступности, как представляется, есть диктуемая методом организационно выделенное отдельное действие, какое-то мероприятие. Метод стабилен, а меры могут меняться, корректироваться, исчерпывать себя, отменяться. Мерами метод реализуется, совершенствуется. Меры должны вытекать из метода, порождаться им. Иначе меры, не соответствующие природе метода и криминогенным объектам, на которые он должен быть направлен, дискредитируют его, что нередко происходит на практике.

Итак, методы предупредительного воздействия выполняют роль инструмента, интегрирующего теоретические знания, опыт и практику, мобилизующего (через соответствующие государственные и общественные структуры) материальные, финансовые, кадровые ресурсы. Содержание методов, их способность реально воздействовать с помощью различных мер и достигать положительных результатов свидетельствуют об уровне разработки и внедрения специально-криминологического предупреждения преступлений, о возможностях, которыми располагает общество, государство на данном этапе своего развития. В практической предупредительной деятельности именно через методы должны реализовываться те или иные направления, виды и меры специально-криминологического предупреждения преступлений.

Как было сказано выше, в ряде научных публикаций предприняты попытки классификации методов предупредительного воздействия. Подобная классификация как прием научного исследования обязана подчиняться определенным требованиям: охватывать принципиальные методы, присущие всем направлениям и видам специально-криминологического предупреждения; облегчать их практическое применение; служить основой для разработки конкретных мер предупреждения и создавать теоретическую базу для совершенствования методики их проведения. В этой связи классификационный критерий должен отражать природу криминогенных объектов. С ними связано количественное своеобразие того направления и вида социально-криминологического предупреждения преступлений, к которому его можно отнести.

С учетом природы криминогенного объекта методы предупредительного воздействия целесообразно

разделить на три большие группы: методы социального, правового и психогенного характера.

А. Методы социального характера способны разрушительно воздействовать на криминогенные объекты, которые тоже имеют социальную природу. По-видимому, полный перечень методов указанного вида дать пока невозможно из-за слабой разработки теории методов предупредительного воздействия. Назову лишь некоторые из них, которые выявлены в литературных источниках (отечественных и зарубежных), взяты из практики, а также получены путем обобщения и синтеза различных приемов, способов предупредительного воздействия. Нижеприведенные методы могут быть использованы всей системой специально-криминологического предупреждения преступлений. Для этого требуется соответствующая их интерпретация конкретными субъектами, нахождение тех или иных приемов их реализации.

1. Метод отвода антиобщественной активности (в литературе он получил еще наименование "метод канализирования"). Сущность этого метода состоит в том, что для населения, в особенности для ее криминогенной части, этнической группы, создаются и внедряются программы "канализирования" возможной или наличной антиобщественной деятельности людей, т. е. множественность альтернативных форм удовлетворения их потребностей и интересов (7, с. 74). Особенно актуален этот метод в настоящее время, когда в результате бурных социальных катаклизмов происходит интенсивная принудительная миграция населения, формирующая среди коренных жителей этнические группы, землячества и т. п.

2. Метод интериоризации близок к предыдущему. Он призван ограничивать преступность путем образования соответствующих положительных стереотипов поведения группы лиц, от которых можно ожидать совершения любых либо определенных видов преступлений. Известно, что на развитие и формирование социально законопослушного поведения существенное влияние оказывает твердый общественный порядок как в стране, так и на уровне жизни конкретной личности. Стоит, например, пошатнуться общественному порядку в стране, как незамедлительно резко возрастает динамика всей преступности. Нельзя же этот криминальный феномен объяснить тем, что сразу вдруг у многих ранее законопо-

слушных граждан возникли антиобщественные взгляды, привычки, интересы. Видимо, антисоциальные модели поведения зрели давно, но скрывались под маской законопослушности. Полем для их созревания служит внешняя среда, внешняя дисциплина, которая становится внутренней дисциплиной, интериоризуется, способствует образованию соответствующих антисоциальных стереотипов поведения. Интериоризация внешней дисциплины в значительной степени зависит от внутренней готовности данного человека. Развитие и формирование общественно полезных социальных автоматизмов, взглядов, привычек определяет законопослушное поведение человека и не оставляет места для противоправных действий. Развитие и закрепление стереотипов - сложный и комплексный социально-психологический процесс. Этот процесс осуществляется не только с помощью слов, но и в первую очередь путем постоянно вводимой внешней твердой дисциплины (2, с. 179-181). Этот метод недостаточно учитывается в предупреждении преступности. Криминологическое беспокойство населения - серьезный сигнал дезорганизации общественной жизни, распространяющегося игнорирования общественных интересов.

3. Метод декриминогенизации семейного неблагополучия. Под данным методом понимается система нейтрализации и ликвидации типичного семейного неблагополучия. Объектами рассматриваемого метода являются трудновоспитуемые подростки, не поддающиеся общественным мерам воздействия или склонные к совершению преступлений, а также родители-криминогенты либо лица, их заменяющие, создающие конфликтные ситуации.

4. Метод деалкоголизации населения. Связь пьянства и алкоголизма с преступностью настолько очевидна, что деалкоголизацию населения можно рассматривать как один из методов специально-криминологического предупреждения. Трудности в преодолении пьянства и алкоголизма заключены в отсутствии соответствующей концепции, т. е. антиалкогольной политики, умеренно, разумно, медленно, но уверенно снижающей количество употребляемого населением алкоголя.

5. Метод разрушения криминальной субкультуры. То, что криминальная субкультура существует (и не только в местах лишения свободы), уже не вызывает сомнений. Криминальная субкультура - явление, имеющее свои

закономерности. И тем не менее, как отмечается в литературе, на протяжении длительного периода времени различного рода решения, связанные с предупреждением преступности, не принимали во внимание роль субкультуры и стратификацию уголовной среды, в связи с чем воспроизводство криминальных традиций и обычаев, не говоря уже о появлении новых видов преступного профессионализма, "успешно" продолжалось, а в последнее время навязывается многим категориям преступников (6, с. 220, 224). Стало быть, для разрушения криминальной субкультуры необходим метод, противодействующий этому явлению и тем факторам, которые его порождают.

6. Метод ресоциализации и адаптации. Существует немало свидетельств тому, что в исправительно-трудовых учреждениях чаще, чем в нормальных условиях, происходят неблагоприятные изменения в психике человека, расстройства в сфере его сознания, чувств и процессов принятия решений, что в итоге очень часто приводит к отклонениям в проведении и совершению повторных преступлений (5, с. 6, 44). Как показывают исследования, длительные сроки лишения свободы, поразительное разнообразие индивидуальных по глубине, стойкости, содержанию и эмоциональной окрашенности реакций на лишение свободы и последствий нахождения в исправительно-трудовых учреждениях ставят перед обществом ряд серьезных проблем, связанных с ресоциализацией и адаптацией.

7. Метод девиктимизации. В криминологии жертва преступления рассматривается с этиологических позиций, т. е. как криминогенный объект, способствующий совершению преступлений. Криминологический смысл имеет не всякое поведение жертвы, а лишь то, которое ориентирует преступников на определенный вид преступлений (например мошенничество) либо способствует возникновению преступной решимости и ее реализации. Метод девиктимизации является основой для разработки различных виктимологических программ предупреждения преступности.

8. Метод превентивной деятельности характеризуется комплексностью поиска уменьшения криминогенности объекта предупредительного воздействия в различных сферах межличностных отношений (семья, досуг, хозяйственная деятельность и управление и пр.) путем

уменьшения напряженности, конфликтности, укрепления государственной, плановой, коммерческой, технической, технологической, экологической и иных видов дисциплины и порядка, охраны труда и техники безопасности, противопожарной охраны и т. п., а также путем создания предохранительных барьеров с использованием достижений научно-технического прогресса для предупреждения аварий и технологических катастроф.

Б. Методы правового характера (правового регулирования) призваны стимулировать, поощрять, способствовать внедрению и развитию социально-позитивного поведения, противодействовать возникновению потенциальных и ныне существующих криминогенных объектов, их распространению и модификации, преступной субкультуре, негативным стереотипам поведения, деформации личности и т. д.

1. Метод уголовно-правового удержания от совершения преступлений включает в себя не только мотивирующее воздействие страха перед неотвратимостью наказания, но также моральное (или воспитательное), формирующее привычку соблюдения уголовного закона, играет роль одного из основных социализирующих стимуляторов должного поведения всех членов общества или его отдельных слоев, групп путем угрозы неблагоприятных уголовно-правовых последствий (наказание, судимость, конфискация имущества и др.).

2. Метод криминализации и пенализации. На уровень и структуру преступности оказывает влияние социальная реакция общества на те или иные виды отклоняющегося поведения, находящая свое законодательное выражение в институтах криминализации, декриминализации, пенализации и депенализации. Этот метод, как и обратный процесс, должен обосновываться криминологическими знаниями о преступности, криминогенных явлениях и процессах, криминологической обстановке в стране, личности преступников, реальных возможностях общества в осуществлении специально-криминологического предупреждения преступности.

3. Метод депризонизации уголовного наказания. В настоящее время нельзя отказаться от наказаний, связанных с изоляцией преступников от общества. Но жизнь требует гибкости этой концепции, и важная роль в этом принадлежит криминологии, которая должна разработать

соответствующую типологию преступников и преступлений. На ее основе можно будет усовершенствовать институт индивидуализации наказания. Указанной идее и политике ее воплощения в жизнь служит метод депризонизации наказания, т. е. трансформации наказания в виде лишения свободы путем замены изоляции условиями проживания под надзором. По мнению сторонников пенитенциарных реформ, депризонизация способна уменьшить вероятность возникновения и распространения преступной субкультуры, преступной профессионализации, усвоения осужденными социальной роли заключенного и формирования соответствующей преступной самооценки, дезадаптации осужденных и иные негативные последствия.

4. Метод вмешательства извне. Сущность этого метода состоит в активном воздействии субъектов предупредительной деятельности на выявленные ими криминогенные объекты путем предусмотренных законом способов реагирования, а также непосредственным вмешательством в развитие преступного поведения, криминогенной ситуации и т. п. Основные цели деятельности - профилактика, предотвращение, пресечение и раскрытие преступлений. Хотелось бы подчеркнуть, что задачи предупреждения отдельных видов современной преступности (рэкет, организованные формы преступности, криминальный профессионализм, захват заложников, терроризм, угоны самолетов и суден и пр.) с учетом темпов нарастания ее количественно-качественных показателей требуют придания методу вмешательства извне упреждающего характера, что требует обоснования многих организационно-правовых и иных вопросов. Преступность должна ощущать жесткость противодействия ей государства и общества, не должна заставлять их врасплох, как это имеет место сейчас.

В. Методы психогенного характера. В числе криминогенных объектов, образующих причинную детерминацию преступного поведения, значительную роль играют врожденные и приобретенные в процессе социализации негативные черты и пороки личности. Из этого следует, что необходима разработка методов психогенного предупредительного воздействия в системе социализации личности. Методы психогенного характера - это приемы информационного, а также специального медико-психологи-

ческого воздействия с целью оказания идеологического и лечебного влияния на мысли и поведение определенного круга лиц или на конкретную личность.

1. *Метод массовой коммуникации* - это "обработка" большой массы людей с помощью целесообразно организуемых, систематически распространяемых особым образом подготовленных сообщений с применением средств массовой информации. Возможности этого метода - в расширении и углублении криминологической и правовой осведомленности населения, расшатывании устоев криминальной субкультуры, уменьшении виктимизации и др.

2. *Метод криминогенетического характера*. В ряде научных исследований высказываются предположения о том, что агрессивные черты личности насильственных преступников связаны с особенностями ее формирования в раннем детстве и даже в дородовом периоде. По данной гипотезе конкретная акцентуированная личность при определенных неблагоприятных условиях может служить "матрицей" для формирования криминогенной личности. Например, несоответствующее отношение родителей к ребенку (в том числе будущему) может привести к возникновению психического состояния отсутствия у него ощущения безопасности, защищенности, к появлению эмоционального дискомфорта, чувства страха. Это одно из наиболее глубоких психологических образований, приводящих в будущем к девиантным и патологическим качествам (чертам) личности. Для работы с такими людьми, особенно в местах лишения свободы, необходимы комплексные специальные приемы, средства, знания, которые могут быть разработаны в рамках метода криминогенетического воздействия (1, с. 76, 77).

3. *Метод медико-реабилитационного характера*. Известно, что психические аномалии, часто проявляющиеся при совершении импульсивных, сексуальных, дезадаптивных преступлений, способствуют формированию криминогенных черт личности и в целом преступной мотивации. Преступники с психическими аномалиями в период отбывания наказания в местах лишения свободы, с одной стороны, оказывают негативное влияние на других осужденных и сами подвергаются такому влиянию, а с другой - сводят предупредительную деятельность на нет и девальвируют в обыденном сознании идею ресоциализации и адаптации личности. Суть данного метода как

раз и состоит в разработке и осуществлении методики предупредительного воздействия на таких лиц.

4. *Метод разрешения поисковой активности.* За последние годы многие страны с различной степенью интенсивности и формами выражения (в том числе и нашу) сотрясают, на первый взгляд, бессмысленные патологические асоциально-криминальные явления: бродяжничество, хиппи, панки, подростковый вандализм, "фанаты", массовые побоища подростков, набеги на другие города и пр. Хотя все эти явления внешне различны, но в основе их лежит, по мнению некоторых ученых, неудовлетворенная поисковая активность, т. е. своеобразный вид фрустрации. Во многих странах ведутся научные и практические поиски защиты против подобных явлений. Объединить их может метод разрешения фрустрационных явлений.

Не все методы предупредительного воздействия социального, правового и психогенного характера мною названы и описаны. Такая цель и не осуществима в рамках небольшой статьи. Показаны лишь некоторые из них. Но именно в методах соединяются теоретические и прикладные аспекты специально-криминологического предупреждения преступлений.

Список литературы: 1. Антонян Ю.М., Самовичев Е.Г. Неблагоприятные условия формирования личности в детстве и вопросы предупреждения преступлений: Психические механизмы насильственного преступного поведения: Учеб. пос. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1983. 2. Бухгольц Э., Лекшас Дж., Хартман Р. Социалистическая криминология / Сокр. пер. с нем. - М., 1975. 3. Ветров Н.И. Профилактика правонарушений среди молодежи. - М.: Юрид. лит., 1980. 4. Гуров А.И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. - М.: Юрид. лит., 1990. 5. Елеонский В.А. Воздействие наказания на осужденных. - Рязань, 1980. 6. Игошев К.Е. Профилактика преступлений: теоретический и практический аспекты // Сов. государство и право. - 1977. - № 6. 7. Могилевский Р.С. Концепция планирования социальной профилактики в свете задач социальной защиты // Планирование мер борьбы с преступностью. - М.: ИГП АН СССР, 1982. 8. Словарь иностранных слов. - М.: Русск. яз., 1964.

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ИСПОЛНЕНИЮ НАКАЗАНИЙ

Человеческая деятельность имеет две формы: теоретическую и практическую, которые являются ее необходимыми компонентами. "Нет и быть не может практической деятельности без предварительного осознания ее направленности, характера, цели" (3, с. 14). Сформулированные в ст. 22 УК Украины цели наказания представляют собой диалектическое единство возможности и действительности. Они есть действительность постольку, поскольку уже реально сформулированы и закреплены в Общей части УК, но они в то же время и потенциальны, поскольку предвосхищают будущее, определяют тенденции как направление развития уголовной ответственности к стадии исполнения наказания. Как возможности цели наказания характеризуются определенной спецификой, так как их достижение возможно с использованием прогнозирующей, планирующей функции человеческого сознания, что достижимо лишь в деятельности учреждений исполнения наказаний (УИН).

"Деятельность есть активное воздействие социального субъекта на объект, осуществляемое с помощью определенных средств /.../, ради стоящих перед субъектом целей" (13, с. 38). Основными структурными моментами деятельности являются: субъект деятельности; цель как идеальный образ желаемого, в соответствии с которым преобразуется объект, на который направлена деятельность; средство, с помощью которого преобразуется объект; объект, на который направлена деятельность; результат деятельности (11, с. 112). В связи с этим, на первый взгляд, не представляет особой сложности определение структурных элементов деятельности УИН. Так, субъектом исполнения наказаний признается персонал УИН; цели наказания определены в ст. 22 УК; средства исправления и перевоспитания осужденных названы в ст. 7 ИТК Украины; объектом исправительно-трудового воздействия считают лицо, совершившее преступление и осужденное за него (10, с. 49); результат - это реализо-

ванные цели (наказание исполнено, осужденный исправился и перевоспитался, достигнуто общее и частное предупреждение). Более пристальное рассмотрение деятельности УИН показывает, однако, что тут не все так просто, поскольку необходимо учитывать особенности деятельности специальных органов государства, в связи с чем появляется ряд вопросов, требующих своего разрешения.

В частности, возникают определенные проблемы при определении субъекта деятельности по исполнению наказаний. Если таким субъектом признать работников уголовно-исполнительной системы, то, например, закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" к ним относит: а) сотрудников, имеющих специальные звания рядового и начальствующего состава органов внутренних дел; б) рабочих и служащих УИН, предприятий УИН, центральных и территориальных органов управления уголовно-исполнительной системы, а также следственных изоляторов, предприятий, научно-исследовательских, проектных, лечебных и иных учреждений, входящих в уголовно-исполнительную систему. Работники уголовно-исполнительной системы, состоящие в штатах УИН, предприятий УИН и следственных изоляторов, входящих в уголовно-исполнительную систему, являются персоналом УИН (7).

В свою очередь, ст. 127 ИТК Украины говорит, что к персоналу учреждений и органов исполнения наказаний принадлежат лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, а также работников по трудовому договору.

В соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 26 марта 1993 г. "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением режима отбывания наказания в местах лишения свободы" к администрации мест лишения свободы относятся должностные лица, которые на основании ст. 71 ИТК Украины пользуются правом применения мер поощрения и взыскания относительно осужденных (начальник ИТУ, а также все вышестоящие начальники, заместитель начальника ИТУ, начальник отряда исправительно-трудовой колонии, старший воспитатель и воспитатель воспитательно-трудовой колонии), а также дежурный по-

мощник начальника колонии, другие лица начальствующего состава, военнослужащие внутренней и конвойной охраны, несущие службу по охране и надзору, лица осуществляющие в местах лишения свободы медицинское обслуживание, культурно-просветительную работу, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение осужденных, инженерно-технический персонал ИТУ (1, с. 57).

Все ли вышеперечисленные лица выступают в роли субъекта деятельности по исполнению наказаний при условии, что исполнение наказаний далеко не "обеспечение осужденных питанием и предметами первой необходимости", как это, например, определяет ст. 15 указанного Закона Российской Федерации, а в первую очередь - реальное осуществление кары? "Поскольку кара выражается в комплексе правоограничений, свойственных данному наказанию, то исполнение последнего есть реализация кары соответствующим органом государства, на который возложена задача осуществления предусмотренных законом правоограничений" (9, с. 48). Ответ на поставленный выше вопрос очевиден: поскольку собственно исполнение наказания - это не любая деятельность УИН, имеющая отношение к реализации постановления приговора суда о наказании, а лишь деятельность исключительно по реализации свойственных наказанию правоограничений, то лишь те из представителей персонала (администрации) УИН могут быть признаны субъектами деятельности по исполнению наказаний, которые реализуют эти правоограничения. Несомненно, это те лица, которые на основании ст. 71 ИТК пользуются правом применения к осужденным мер поощрения и взыскания, дежурный помощник начальника учреждения, контролеры, осуществляющие надзор за осужденными, а также военнослужащие внутренних войск и конвойной охраны, обеспечивающие изоляцию осужденных.

Что же касается других вышеупомянутых лиц, входящих в состав персонала (администрации) УИН, то выполняемые ими функции находятся за пределами деятельности по непосредственному исполнению наказания. Например, лица, осуществляющие в местах лишения свободы воспитательную, культурно-просветительную работу, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение осужденных, инженерно-технический пер-

сонал в соответствии с теорией советского исправительно-трудового права были призваны осуществлять на осужденных исправительно-трудовое воздействие, которое находится за рамками исполнения наказания. Относящиеся к работникам уголовно-исполнительной системы сотрудники НИИ МВД, а также представители науки уголовно-исполнительного права осуществляют теоретическую деятельность как одну из форм деятельности по исполнению наказаний. Причем, если субъекты практической деятельности по исполнению наказаний выполняют репродуктивную деятельность, направленную на достижение заранее заданного результата известными средствами, то субъекты теоретической деятельности в сфере исполнения наказания занимаются продуктивной деятельностью, творчеством, связанным в последние годы с созданием новой уголовно-исполнительной теории, с выработкой новых целей деятельности УИН и средств их достижения.

“Цель есть диалектический синтез, диалектическое отражение прошлого, настоящего и будущего” (13, с. 13). Она как идеальное предвосхищение результата является исходным, начальным и регулирующим моментом деятельности УИН, но не исчерпывает собой процесс исполнения наказания.

В действующем ныне УК цели наказания определены как перспективные, однако цели наказания и цели деятельности УИН никоим образом не могут быть тождественны (8, с. 279). Как представляется, одним из недостатков при формулировании целей наказания (ст. 22 УК) и задач исправительно-трудового законодательства (ст. 1 ИТК) было то, что при их теоретической разработке не были учтены аксиоматические положения общей теории права. Еще четверть века назад Рабинович П.М. отмечал: “Закрепление перспективных целей в советском законодательстве играет мобилизирующую, воспитательную роль. Они дают субъектам, претворяющим право в жизнь, ясность перспективы, понимание исторической значимости их деятельности. Тем самым перспективные цели стимулируют правомерное поведение, укрепляют убежденность в общественной полезности осуществления прав и выполнения обязанностей, внедряют в сознание коммунистические взгляды. Но такое влияние на субъектов права названные цели оказывают исключительно как

идеологический фактор" (6, с. 29). Следовательно, законодательное закрепление перспективных целей наказания в ст. 22 УК и задач исправительно-трудового законодательства в ст. 1 ИТК следует рассматривать в общеполитическом значении как внедрение коммунистических идей в систему правовых взглядов и теоретических принципов.

Сформулированные в ст. 22 УК и ст. 1 ИТК цели наказания и задачи исправительно-трудового законодательства являлись предметом гордости представителей теории советского уголовного и исправительно-трудового права, рассматривались как достижение, свидетельствующие "об определенной зрелости науки исправительно-трудового права" (9, с. 102), а на самом деле оказались не более чем оторванным от практики продуктом теоретической деятельности, так как "теоретическая деятельность... не есть практика /.../, поскольку непосредственным ее результатом не является преобразование действительности" (3, с. 15).

Надо отметить, что перспективные цели и задачи, закрепленные в действующем уголовном и исправительно-трудовом законодательстве, не имеют правового характера, поскольку они есть достояние перспективы, более или менее отдаленного будущего. Как показала практика исполнения наказания, любые попытки установить действенные юридические гарантии осуществления таких целей, как исправление и перевоспитание, предупреждение, в итоге оказались безрезультативными. Их достижение не может являться юридической обязанностью администрации УИН как субъекта, осуществляющего право в настоящем.

Как отметила Чунаева А.А., "в итоге целенаправленной деятельности неизбежно некоторое расхождение между целью и результатом" (13, с. 16), поэтому, чтобы между целями исполнения наказания и достигнутым результатом в деятельности УИН это расхождение было минимальным, при формулировании целей на основе учета объективных возможностей практической деятельности необходимы четкость, конкретность и определенность.

Каждый юридический акт должен иметь свою цель, причем в состав нормы права может входить только ближайшая цель. "Ближайшие цели - это те, для реализации которых уже в настоящем есть все необходимые

условия и средства, а подобные цели могут быть реализованы в текущей деятельности. Они отражают последствия, которые должны наступить сразу вслед за осуществлением закона - как прямой, непосредственный результат его воздействия на поведение людей" (6, с. 29, 30).

В отличие от действующего ИТК проект Уголовно-исполнительного кодекса Украины содержит формулировку ближайших целей исполнения наказания. Поскольку в общей теории права ближайшие цели подразделяются на цели-направления и цели-задачи (6, с. 30); в этом смысле ст. 1 Проекта УИК содержит в себе такие цели-направления, как регулирование общественных отношений, связанных с исполнением и отбыванием уголовных наказаний; определение правового статуса осужденных; обеспечение гарантий их прав и обязанностей; установление порядка исполнения и условий отбывания различных наказаний и т. п.

Цели-задачи содержатся в ст. 36 Проекта УИК и предусматривают осуществление реализации правосра-ничений, предусмотренных для осужденных законодательством и вытекающих из приговора суда, установление гарантий, обеспечивающих охрану прав и законных интересов осужденных и т. д. Цели-задачи оказывают регулятивное воздействие на поведение путем указания на те индивидуализированные формально определенные материальные изменения, достижение которых составляет содержание юридической обязанности (6, с. 30).

Конкретные, специфические задачи органов и учреждений, исполняющих наказания, должны служить исполнению наказаний, реализации кары, носить подчиненный этой цели, направленный на ее достижение характер. Специфические задачи УИН выступают средствами достижения цели направления, цели-кары, которая в силу законодательной техники формулируется в общем виде (ст. 1 Проекта УИК) и как бы выносится за скобки формально определенной юридической нормы, устанавливающей "средства" достижения этой цели.

Поэтому предусмотренные в ст. 7 ИТК средства исправления и перевоспитания нельзя рассматривать в качестве ближайших целей-задач, ведь они направлены не на материальные изменения, так как "достижение задачи исправления и перевоспитания - длительный процесс, требующий значительной затраты времени для из-

менения, а в ряде случаев переделки нравственных качеств личности преступников" (4, с. 12).

Считая главной целью наказания нравственное исправление личности и механически экстраполировав выработанные советским уголовным и исправительно-трудовым правом представления о нравственно-воспитательном характере целей наказания с теории на практику, представители этих наук не уловили основное отличие целей теоретической и практической деятельности: "Если цели практической деятельности направлены на изменение во внешнем мире, то цели теоретической деятельности - непосредственно на изменение в психическом мире субъекта" (13, с. 62). Следовательно, теория советского исправительно-трудового права считала вполне приемлемым вторгаться во внутренний мир человека, допускала возможность манипулирования человеческим сознанием, так как основной целью наказания признавала не кару, а формирование существа человека путем его исправления и перевоспитания. Более того, наиболее экстремистски настроенные представители советской криминологии даже предлагали применять психотропные средства для исправления преступников в ИТУ (2, с. 145).

Представляется, что в основе таких воззрений лежит нечеткое представление о том, что является объектом исполнения наказания и кто выступает субъектом исполнения и отбывания наказания. Не пытаясь разрешить один из наиболее дискуссионных вопросов права, следует, все-таки, исходя из общефилософских понятий объекта и субъекта деятельности, обратить внимание на то, что представителям администрации УИН, реализующим правоограничения, свойственные наказанию, как субъекту исполнения наказания должен противостоять объект. "Деятельность человека предполагает определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности: человек противопоставляет себе объект деятельности как материал, который должен получить новую форму и свойства, превратиться из материала в продукт деятельности (12, с. 151). Если признавать осужденного объектом деятельности по исполнению наказаний, можно прийти к выводу, что отбывающий наказание как раз и представляет собой тот сырой материал, из которого можно получить путем исправления и перевоспитания, перековки сознания в качестве конечного продукта деятельности

УИН полезного члена общества. Методологические корни советского исправительно-трудового права, концепции исправительно-трудового воздействия и заключались именно в таком подходе к наказанию и исправлению.

Однако в философии термин "объект" используется главным образом для характеристики соотношения материи и сознания. Объект понимается как материя - объективная реальность, находящаяся вне познающего его субъекта, т. е. человека, его сознания. В общей теории права выделяют объекты и субъекты правоотношений, и, если под объектом понимают определенное личное или социальное благо, то субъект - это носитель юридических прав и обязанностей (5, с. 128). Следовательно, осужденные явно не попадают под категорию "объект", ведь они имеют ряд прав и выполняют определенные обязанности в период отбывания наказания. Таким образом, осужденный - субъект отбывания наказания, а не материал для лепки по образу и подобию лиц, осуществляющих так называемое исправительно-трудовое воздействие, которое заранее обречено на неуспех ввиду неизменяемости человеческой природы.

Для субъекта, реализующего кару, объектом являются исполнение наказания, а для субъекта, претерпевающего кару, объект - это отбывание наказания. Что же касается прав и соответствующих им обязанностей субъектов (администрации УИН, реализующей правоограничения, и осужденных, находящихся в пределах этих правоограничений), то они образуют соответственно содержание исполнения и отбывания наказания. "Содержание, будучи определяющей стороной целого, представляет собой единство всех составляющих элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций" (12, с. 621).

Важнейшим моментом структурно-функционального анализа деятельности УИН является выделение главной, господствующей тенденции, отражающей направление развития исполнения наказания по схеме: цель - процесс - результат. Деятельность по исполнению наказаний основывается на том, что термин "исполнение наказания" ("кара") содержит в себе три понятия: исполнение наказания как цель; исполнение наказания как процесс, представляющий собой совокупность последовательных действий для достижения результата; исполне-

ние наказания как результат, завершающий деятельность УИН по реализации свойственного наказанию комплекса правоограничений в объеме и пределах, установленных законом, приговором и вытекающих из режима отбывания наказания.

В заключение следует обратить внимание на то, что теоретическое воспроизведение структуры деятельности по исполнению наказания как объекта исследования позволяет познать сущность исполнения наказания, отразить главное, определяющее в деятельности УИН, в системе исполнения наказаний, обусловленное глубинными, необходимыми внутренними связями и тенденциями развития от цели к результату.

Список литературы: 1. Бюлетень законодавства і юридичної практики України. - 1993. - № 6. 2. Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. - Харьков: Вища школа, 1986. - 167 с. 3. Керимов Д.А. Соотношение теоретической и практической деятельности в процессе познания права // Сов. государство и право. - 1980. - № 3. - С. 13-27. 4. Кузнецов Ф.Т., Подымов П.Е., Шмаров И.В. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. - М.: Юрид. лит., 1968. - 184 с. 5. Рабинович П.М. Основы загальної теорії права та держави. - Київ: Вища школа, 1994. - 235 с. 6. Рабинович П.М. О юридической природе целей правовых актов // Правоведение. - 1971. - № 5. - с. 28-35. 7. Российская газета. - 1993. - 24 авг. 8. Степанюк А.Х. Проблема співвідношення завдань установ виконання покарань з метою покарання // Правова держава Україна: проблеми, перспективи розвитку: Короткі тези доп. та наук. повідомлень рес. наук.-практ. конф. 9-11 лист. 1995 р. - Харків: НЮАУ, 1995. - С. 278-280. 9. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы Общей части. - М.: Юрид. лит., 1984. - 240 с. 10. Уткин В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. - 189 с. 11. Философский словарь. - Київ: УПЕ, 1973. - 600 с. 12. Философский энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1983. - 840 с. 13. Чунаева А.А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение (цель и деятельность). - Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. - 147 с.

В.С. Зеленецкий, д-р юрид. наук

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С СОВЕРШЕНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИЛИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

В действующем уголовном законодательстве имеются составы преступлений, за совершение которых возможно привлечение к уголовной ответственности лишь

после того, как к лицу в течение года применялись меры дисциплинарного или административного взыскания.

Как видно, предварительно реализованная до возбуждения уголовного дела дисциплинарная или административная ответственность гражданина имеет значение для наступления его уголовной ответственности после возбуждения дела в связи с совершением конкретного преступления. Такое соотношение двух видов юридической ответственности, когда одна (предшествовавшая) становится условием наступления другой, следующей за ней уголовной ответственности, именуется преюдицией¹. Поскольку речь идет о значении дисциплинарной или административной ответственности в уголовном праве, о таких деяниях принято говорить, как о совершении преступлений с дисциплинарной или административной преюдицией. Подчеркивая специфику юридических признаков таких преступлений, иногда говорят о преюдициальных составах преступлений (1, 2). К ним относятся: выпуск или реализация недоброкачественных товаров (ст. 147 УК), нарушение порядка занятия предпринимательской деятельностью (ст. 148³ УК); незаконная торговая деятельность (ст. 155⁶ УК); незаконная охота (ст. 161 УК); злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения (ст. 183³ УК); незаконная передача запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительно-трудовых учреждениях, следственных изоляторах, лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториях (ст. 183⁴ УК); нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (ст. 187⁴ УК); оскорбление работника милиции, народного дружинника или военнослужащего (ст. 189¹ УК); нарушение правил административного надзора (ст. 196¹ УК); самовольный захват земельного участка и самовольное строительство (ч. I и II ст. 199 УК); жестокое обращение с животными (ст. 207 УК); заготовка, переработка или сбыт радиоактивно загрязненных продуктов питания либо иной продукции (ст. 227² УК); незаконное приобретение или хра-

¹ Преюдициальность (от лат. praepjudicialis - относящийся к предыдущему судебному решению) - обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением или приговором по какому-либо другому делу (4, с. 1068).

нение наркотических средств в небольших размерах (ст. 229³ УК); незаконный посев или выращивание масличного мака и конопли (229⁹ УК).

Перечисленные преступления отличаются существенной уголовно-правовой спецификой: они относятся к самым разнообразным видам, различен их состав, специфичны последствия, вид и мера наказания и др. Но интерес представляют те проблемы, которые имеют уголовно-процессуальное значение и, следовательно, которые для правильного решения вопроса о законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. На это обращают внимание и специалисты в области уголовного права.

По мнению А.И. Перепелицы, нормы с преюдицией не только определяют признаки состава преступления и меру наказания за него, но и устанавливают *особый процессуальный порядок (процедуру)* возбуждения уголовного дела. Таким образом, - пишет автор, - эти уголовно-правовые нормы содержат прежде всего предписания уголовно-процессуального характера, которые регулируют отношения между органом власти в сфере уголовного судопроизводства и лицом, привлекаемым к ответственности. Поэтому административная и дисциплинарная преюдиции имеют процессуальный характер. Это значит, - констатируется далее, - что наличие предварительного административного или дисциплинарного взыскания вызывает прежде всего уголовно-процессуальные последствия - возбуждение уголовного дела, что и обуславливает дальнейшее привлечение виновного к уголовной ответственности. Отсюда, - делает вывод автор, - указание на административную или дисциплинарную преюдицию необходимо рассматривать как *специальное процессуальное условие привлечения к уголовной ответственности* (3, с. 4).

Но так ли это? Можно ли приписывать преюдициям уголовно-процессуальный характер и отрицать, таким образом, их уголовно-правовую сущность? Действительно ли нормы, регламентирующие преюдициальный состав преступления, являются по своему содержанию процессуальными и если да, то почему они включены в общую систему уголовно-правовых, а не процессуальных норм? И наконец, имеют ли преюдиции процессуальное значение, а значит, и отношение к теме настоящего исследования?

То, что преюдиции имеют значение для уголовного процесса, не вызывает сомнения, хотя бы потому, что уголовный процесс является формой жизни уголовного права и любые уголовно-правовые нормы, в том числе и те, которые устанавливают ответственность за совершение преступлений с дисциплинарной или административной преюдицией, получают свою реализацию лишь в структуре уголовно-процессуальной деятельности. И поскольку совершенное преступление является юридическим фактом, требующим реагирования компетентных органов государства путем принятия соответствующего решения, то рассматриваемые преюдиции должны учитываться в уголовном процессе уже при решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Это не вызывает сомнения. Но здесь нет ничего специфически процессуального, ибо в повседневной практической деятельности при решении вопроса о возбуждении уголовного дела учитываются (и не могут не учитываться) структурные элементы любого состава преступления, а не только преюдициального. И хотя это бесспорно, однако, никто не утверждает, что признаки названных преступлений имеют процессуальную природу или чисто процессуальное назначение. Если бы рассматриваемые утверждения соответствовали действительности, вопросы преюдициального характера следовало бы регламентировать не в уголовном, а в уголовно-процессуальном законодательстве. Между тем все они включены в состав материального, а не процессуального права. И сделано это не случайно, ибо без рассматриваемых преюдиций состав соответствующего преступления был бы не полным, незавершенным, а значит, и неконкретным, индивидуально неопределенным. Понятно, что при такой его ущербности обеспечить реализацию уголовной ответственности виновного было бы невозможно. Таким образом, преюдиции имманентно входят в структуру преюдициального состава преступления и потому по своей сути являются уголовно-правовыми, а не уголовно-процессуальными.

Если придерживаться точки зрения А. И. Перепелицы о процессуальном характере и назначении преюдиций, окажется, что в процессе реализации уголовной ответственности виновного первичными являются отношения уголовно-процессуальные, а не уголовно-правовые. Между тем общепризнано, что это не так. Совершенное

преступление является тем юридическим фактом, который порождает между лицом, совершившим преступление, и государством именно уголовно-правовые отношения. Процессуальные же отношения возникают в момент инициации доследственного уголовного процесса в связи с поступлением в компетентные органы заявления или сообщения о совершенном преступлении. Следовательно, уголовно-правовые отношения являются первичными, а уголовно-процессуальные - вторичными. И если первые обуславливают уголовную ответственность виновного, то вторые выполняют по отношению к ним лишь служебную функцию, поскольку обеспечивают процессуальными средствами реализацию уголовной ответственности лица, совершившего преступление. Осуществляется это с учетом правовой регламентации конкретного (в том числе и преюдициального) состава преступления. При этом ссылку на то, что только при повторном совершении такого же административного правонарушения возможно возбуждение уголовного дела, нельзя признать корректной, поскольку факт возбуждения уголовного дела не во всех случаях обуславливает привлечение лица к уголовной ответственности, так как принятое об этом решение нередко на практике оказывается незаконным и отменяется прокурором либо влечет прекращение уголовного дела в последующем.

И в первом, и во втором случаях уголовная ответственность исключается. Следовательно, главное не в возбуждении уголовного дела, а в функциональном назначении самих преюдиций. Их природа и назначение не зависят от характера принятого решения. Напротив, именно реальное существование последних выступает тем юридическим фактом, который в конечном счете и предопределяет принятие конкретного решения. Важно подчеркнуть, что принятие законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела лишь констатирует наличие, реальное существование названного уголовно-правового факта. Только он и является основанием уголовной ответственности лица за совершенное преступление с административной или дисциплинарной преюдицией.

Таким образом, административная или дисциплинарная преюдиция имеет уголовно-правовой (или комплексно-правовой), но не процессуальный характер и на-

личие каких-либо процессуальных фактов (в частности возбуждение уголовного дела) не криминализует совершенное деяние, а значит, и не может выступать основанием уголовной ответственности лица. Таковым, как известно, является состав преступления, совершенного с административной или дисциплинарной преюдицией. И для правильного решения этого вопроса (о возбуждении уголовного дела) совсем неважно, к какому элементу состава преступления (к объективной стороне или к субъекту преступления) принадлежит рассматриваемая преюдиция. Главное, что она входит в структуру состава конкретного преступления и именно поэтому предопределяет необходимость возбуждения уголовного дела, создания всех необходимых уголовно-процессуальных условий для реализации уголовной ответственности действительно виновного лица.

Что же касается уголовно-правового аспекта обсуждаемой проблемы, то я полагаю, что повторное совершение такого же деяния характеризует как деятельный аспект преступления, так и личность преступника. Но дисциплинарную или административную преюдицию следует все же включать в структуру именно объективной стороны состава преступления, ибо речь в конечном счете идет о "деятельном" элементе, который как раз и криминализует совершенное деяние. Что касается субъективной стороны состава преступления, то здесь нужно исходить из общепризнанного положения о том, что сама по себе личность (пусть даже криминогенная), ее преступное состояние уголовно-правовую опасность для общества не представляет. Какой бы антисоциальной не была личность, она становится опасной для общества лишь в связи с совершением преступления, т.е. общественно опасного, противоправного, виновного и уголовно наказуемого деяния. Именно совершенное преступление является тем юридическим фактом, который порождает возникновение уголовно-правовых отношений негативного характера и обуславливает уголовную ответственность виновного. Как раз в связи с этим преюдициальность и следует включать в объективную (т.е. деятельную) сторону состава преступления.

Таким образом, удовлетворительное решение обсуждаемых здесь проблем находится в прямой зависимости от правильного ответа на вопрос о соотношении

различных видов (позитивных и негативных) уголовно-правовых отношений с уголовно-процессуальными и от адекватного определения их места и роли в процессе реализации уголовной ответственности виновного. Не случайно в предшествовавшем изложении именно этим вопросам было уделено значительное внимание.

Решая проблемы возбуждения уголовного дела, важно иметь в виду, что диспозиция одних составов преступлений предусматривает однократное в течение года применение к лицу административного взыскания (их четырнадцать), а ч. 1 ст. 196¹ УК возможность уголовной ответственности гражданина за нарушение правил административного надзора ставит в зависимость от двукратного в течение года применения к нему таких мер "за подобные нарушения".

Здесь возникают следующие процессуальные вопросы, имеющие непосредственное практическое значение: что является поводом к возбуждению уголовного дела по рассматриваемым составам преступлений - заявления граждан, сообщение органа, применившего административное взыскание за совершенное деяние, или же само постановление названного органа о наложении такого взыскания; подлежат ли специальной проверке указанные источники информации или для принятия решения о возбуждении уголовного дела достаточно получения из соответствующего органа постановления о наложении на лицо административного взыскания, поскольку речь идет об их преюдициальности; как поступить лицу, производящему дознание, или следователю, если полученное постановление о наложении административного взыскания вызывает сомнение в его законности и обоснованности, и следовательно, препятствует формированию убеждения о возможности возбуждения уголовного дела в возникшей правовой ситуации; каковы в таких ситуациях действия прокурора, если в связи с решением вопроса о возбуждении уголовного дела постановление о наложении административного взыскания обжалуется гражданином как незаконное, хотя решение об этом уже исполнено; как исчислять течение срока административного воздействия, особенно в тех случаях, когда закон требует двукратного применения таких взысканий для наступления уголовной ответственности по ч. 1 ст. 196¹ УК за нарушение административного надзора; каковы последствия рассмотре-

ния заявлений и сообщений о таких преступлениях, если какие-либо из названных нарушений подтвердились либо выявлены иные нарушения, допущенные в процессе привлечения лица к административной ответственности?

Начнем рассмотрение перечисленных вопросов с характеристики поводов к возбуждению уголовного дела. Сведения о совершении лицом одного из перечисленных выше преступлений могут поступить из самых разных источников. Одни из таких источников входят в число поводов к возбуждению уголовного дела, предусмотренных ч. 1 ст. 94 УПК, другие таковыми не являются и для отличия от первых именуются "иной информацией". Если в ходе проверки последних поступившие сведения подтвердились, то поводом к возбуждению уголовного дела будет не иная информация, а непосредственное обнаружение компетентным органом признаков конкретного преступления. Однако на практике встречаются ситуации, когда гражданин в поисках защиты от необоснованного административного взыскания сам обращается в прокуратуру с заявлением или жалобой, в которой извещает о совершении им второго (аналогично первому) административного правонарушения, но при этом обжалует законность и обоснованность первого, т.е. ищет у прокурора защиты от незаконных действий конкретных административно-правовых органов. Как рассматривать такое заявление или жалобу гражданина?

Во-первых, этот вид обращения гражданина нельзя рассматривать как заявление в уголовно-процессуальном смысле, а значит, и как повод к возбуждению уголовного дела, поскольку таковыми являются лишь обращения тех граждан, которые заявляют о совершении преступления кем-либо, т.е. о преступных действиях других лиц, а не о своих собственных.

Во-вторых, названное заявление или жалоба гражданина не может рассматриваться и как результат его явки с повинной, так как в таком обращении он не раскаивается в совершенном преступлении, а оспаривает (обжалует) ранее примененное к нему административное взыскание. Поэтому такая информация не может рассматриваться в качестве повода к возбуждению уголовного дела. Тем более, что достаточных оснований к возбуждению уголовного дела не будет до тех пор, пока достоверность совершения первого административного про-

ступка, а значит, и законность и обоснованность принятого по нему административно-правового решения не будет подтверждена.

Здесь со всей очевидностью возникает необходимость в специальной проверке названного административно-правового решения. Поскольку в основе постановления о возбуждении уголовного дела лежит решение об административном взыскании, то законность и обоснованность первого зависит от законности и обоснованности второго. Следовательно, для обеспечения законности постановления о возбуждении уголовного дела недостаточно получить лишь копию постановления, в котором лицу назначена данная мера административного взыскания. Практике известны случаи, когда такие акты оказывались незаконными, в связи с чем возбужденные на их основе уголовные дела прекращались. Как видно, некритическое отношение к актам об административной ответственности гражданина, совершившего аналогичное (тождественное) деяние, недопустимо. Требуется глубокий, вдумчивый анализ всей поступившей информации, а если возникает сомнение в истинности акта об административной ответственности гражданина, следует проверить его законность и обоснованность.

Такая проверка предполагает изучение не только соответствующего постановления, но и первичных материалов, на основе которых компетентный орган вынес решение о применении к лицу административного взыскания. К органам, правомочным применять такие взыскания и предоставлять для проверки соответствующие документы, относятся: 1) административные комиссии при исполнительных комитетах районных (городских), районных в городах, поселковых, сельских Советов народных депутатов; 2) исполнительные комитеты поселковых, сельских Советов народных депутатов; 3) районные (городские), районные в городах комиссии по делам несовершеннолетних; 4) районные (городские) народные суды (народные судьи); 5) органы внутренних дел; 6) органы государственных инспекций (ст. 213 Кодекса Украины об административных правонарушениях).

Перечень названных органов не является исчерпывающим. Дела об административных правонарушениях могут рассматривать и другие органы. Их около трех десятков. В зависимости от характера совершенного пра-

вонарушения к последним, в частности, относятся органы пожарного надзора, госгортехнадзора, охраны водных ресурсов, рыбохраны и др. (ст. 223-224² Кодекса об административных правонарушениях). При проверке заявлений и сообщений о преступлениях орган дознания, следователь и прокурор должны учитывать и многообразие названных органов.

Если в процессе проверки заявлений и сообщений о преступлениях орган дознания или следователь получит данные, ставящие под сомнение законность и обоснованность административного взыскания, они обязаны поставить об этом в известность прокурора. Если такие сомнения возникнут у прокурора при самостоятельном разрешении им заявлений или сообщений, он также должен проверить законность и обоснованность наложения на гражданина административного взыскания. При подтверждении возникших сомнений прокурор приносит протест на постановление, например начальника ОВД или судьи о наложении административного взыскания, и добивается отмены принятого ими решения.

Если такое решение будет отменено, орган дознания или следователь приобщают копию соответствующего решения к доследственному производству и выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 2 ст. 6 УПК Украины, поскольку отсутствует повторное совершение тем же лицом действий, образующих состав административного правонарушения, а значит, и оснований для возбуждения уголовного дела.

Изучение практики показало, что незаконность, а значит, и ничтожность административного взыскания, может быть обусловлена различными нарушениями, в частности: а) назначением лицу наказания за совершенное деяние ненадлежащим (неправомочным) органом; б) назначением наказания органом, входящим в систему административной юрисдикции, но не правомочным рассматривать дела о данной категории правонарушений; в) пропуском двухмесячного срока с момента совершения правонарушения, в пределах которого, по общим правилам, допускается наложение административного взыскания (ст. 38 КоАП Украины)¹, или одного месяца, если

¹ При совершении длящихся правонарушений двухмесячный срок исчисляется с момента обнаружения факта совершения противоправного деяния.

такое взыскание налагается в связи с отказом в возбуждении уголовного дела или принятием решения о прекращении возбужденного дела с направлением его для применения мер административного взыскания; г) привлечением к административной ответственности ненадлежащего субъекта (например несовершеннолетнего, не достигшего 16-летнего возраста); д) нарушением общих правил наложения взыскания за административные правонарушения, предусмотренных кодексом об административных правонарушениях и др.

В тех случаях, когда проверка подтвердила законность и обоснованность постановления о наложении административного взыскания, компетентный орган принимает по рассматриваемым заявлениям или сообщениям решение о возбуждении уголовного дела. Поскольку состав преступления будет иметь место лишь при условии привлечения лица к административной ответственности именно в течение года и за такое же деяние, то установление этого факта должно подтверждаться постановлением соответствующего органа о назначении данному лицу указанного административного взыскания. Следовательно, такое постановление выполняет, с одной стороны, материально-правовую функцию, а с другой - процессуально-доказательственную, поскольку оно подтверждает факт совершения данным лицом конкретного административного правонарушения и применения к нему административного воздействия. При этом уголовное законодательство не связывает наступление уголовной ответственности за содеянное ни с конкретным видом, ни с определенным размером административного взыскания. Главное, что такое взыскание применялось и оно, естественно, предусмотрено Кодексом об административных правонарушениях. К ним относятся: предупреждение; штраф; возмездное изъятие предмета, являвшегося орудием совершения или объектом административного правонарушения; конфискация названных предметов; лишение специального права; исправительные работы и административный арест.

Выход за пределы данного перечня уже сам по себе является нарушением закона, а с точки зрения рассматриваемого вопроса назначенное им наказание, не предусмотренное законом, не создает факта применения к лицу административного воздействия, а значит, и не

образует состава преступления с административной преюдицией.

В таких случаях орган дознания, следователь и прокурор обязаны вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, а в случаях его ошибочного возбуждения - постановление о его прекращении.

Особо следует остановиться на соблюдении сроков привлечения лица к административной ответственности. Поскольку для привлечения лица к уголовной ответственности требуется, чтобы такое же нарушение было совершено в течение года после наложения административного (или дисциплинарного) взыскания, исчислять годичный срок необходимо с момента вступления решения компетентного органа в силу наложения указанного взыскания на конкретное лицо. Если, например, решение о наложении административного взыскания вступило в законную силу 1 февраля 1995 г., то год, в течение которого учитывается повторное совершение такого же деяния, истекает 2 февраля 1996 г. Следовательно, привлечь лицо к уголовной ответственности можно лишь в том случае, если такое же (т. е. тождественное) деяние было совершено повторно до 2 февраля 1996 г. Как видно, от соблюдения названных сроков зависят законность и обоснованность возбуждения уголовного дела в связи с повторным совершением тех же действий, за которые к лицу применено административное взыскание. Если с момента окончания исполнения наказания истек год и за это время лицо не совершило нового тождественного административного правонарушения, то лицо считается не подвергавшимся административному взысканию и, следовательно, оснований для возбуждения уголовного дела по соответствующей статье УК, предполагающей административно-правовую преюдицию, не будет.

Список литературы: 1. Бажанов М.И. Уголовно-правовая охрана советского правосудия. - Харьков, 1986. 2. Перепелица О.И. Адміністративна преюдиція та склад злочину // Рад. право. - 1984. - № 5. 3. Методические указания и раздаточный материал к самостоятельной работе студентов по курсу "Советское уголовное право: Часть общая". - Харьков, 1992. 4. Энциклопедический словарь. - М., 1989.

РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ДОКАЗЫВАНИЕ

Утопичность идеи полной ликвидации преступности и связанных с этим надежд на ее последовательное самоугасание определяет не приходящую актуальность проблемы борьбы с ней. Разнообразие и динамизм преступной деятельности, неблагоприятная криминогенная обстановка буквально ни на минуту не снимают напряжения в работе по раскрытию преступлений. Быстрое и полное раскрытие преступлений определено в качестве одной из задач уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК Украины. Далее - УПК). Фактически же задача раскрытия преступлений не только уголовно-процессуальная. Содержание этой задачи не дифференцировано относительно деятельности субъектов уголовного процесса, нет и нормативного определения термина "раскрытие преступлений". Соответственно, в теории и на практике не сложилось единого подхода при определении названного понятия, содержания деятельности по раскрытию преступлений и критериев оценки ее результатов. Нет в УПК нормативного определения и термина "процесс доказывания", хотя о доказывании в ст. 22 и 64 УПК говорится именно в таком смысле, а множество других статей регламентируют процедуры по его осуществлению.

При всей значимости регламентированного уголовно-процессуальным законодательством порядка и процедур доказывания известно и то, что возможность установления истины о преступлении не исчерпывается только этими средствами и методами. Необходимость и значимость оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД) для раскрытия преступлений подтверждена практикой, причем во многих случаях раскрыть преступления без ОРД затруднительно или просто невозможно. Именно поэтому поиск и фиксация в интересах уголовного судопроизводства фактических данных о противоправных деяниях отнесены к числу непосредственных задач ОРД (ст. 1 Закона Украины "Об оперативно-розыскной деятельности"). Тем самым законодательно зафиксирована фактическая преемственность действий, предпринимаемых разными органами для доказывания.

Уже только названные фактические предпосылки и правовые основания определяют насущную потребность и потенциальную возможность эффективного использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам. Однако эти возможности реализуются далеко не полностью по ряду причин, основными из которых, можно признать: а) исторически сложившийся стереотип недоверия к негласным методам собирания фактических данных; б) принципиальные отличия методов собирания данных; в) фактические и правовые ограничения возможностей проверки достоверности данных, полученных в ходе ОРД; г) автономность правового регулирования уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, что объясняется несогласованностью законодательства.

Вызываемые этим трудности обоснования и своевременного принятия решений в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства усугубляются и сопутствующими обстоятельствами, в числе которых: напряженность криминогенной ситуации; количественный и качественный некомплект во всех органах уголовной юстиции; организационная разобщенность как оперативно-розыскных, так и следственных подразделений; недостатки в материально-техническом оснащении всех органов уголовной юстиции и экспертных подразделений. Особого упоминания заслуживают случаи недостоверного отражения результатов работы этих органов в отчетности и средствах массовой информации.

Постановка вопроса о степени эффективности конкретных методов и действий, а тем более оценка вклада следственных или оперативных подразделений в раскрытие преступлений представляется недостаточно корректной даже в рамках методики расследования, поскольку успех расследования обеспечивается комплексным использованием предусмотренных законом мер. Но следует иметь в виду, что при всем разнообразии средств и способов собирания доказательств проверка и оценка их проводятся только в рамках уголовно-процессуальных процедур, которые изначально разрабатывались в качестве гарантий достижения истины. "Формы судопроизводства, - говорил И. Бентам, - должны быть таковы, чтобы, с одной стороны, они допускали все верные сведения и, с другой - не давали места никаким ложным сведениям,

т.е. всему тому, что представляло бы шансы скорее обмана, чем разъяснения дела" (3, с. 678). Такое предназначение уголовный процесс сохраняет и поныне. Вместе с тем, в связи с известной ролью в раскрытии преступлений также и других средств и методов, вся деятельность по раскрытию преступлений не может быть сведена только к уголовно-процессуальной. Как правильно отмечают А.К. Гаврилов и другие ученые, работа по раскрытию преступлений - коллективная, поскольку ее выполняют и органы дознания, и следователи, значительное место в ней занимают и организационные мероприятия в ходе рабочего взаимодействия при расследовании уголовных дел (5, с. 16-24). Заключительный вывод А.К. Гаврилова о том, что "раскрытие преступлений - это процессуальная деятельность следователя по уголовному делу..." (5, с. 25), может быть отнесен только к форме участия следователя в этой работе. В процессуальных формах осуществляется доказывание и формулируются промежуточные и окончательные выводы о результатах всех мероприятий, проведенных для раскрытия преступления органами дознания и предварительного следствия. Подтверждение вины привлеченных к уголовной ответственности лиц обвинительным приговором - единственный надежный критерий раскрытия преступлений. В этой связи представляется логичным распространение судебного контроля также на прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. В целом же раскрытие преступлений включает весь комплекс оперативно-розыскных, организационных и уголовно-процессуальных действий, которые проводятся с использованием оперативно-технических и криминалистических средств обнаружения и фиксации следов и других фактических данных о преступлении (преступной деятельности).

Уголовный процесс можно рассматривать как систему, открытую для восприятия любых фактических данных о преступлениях. Такая открытость означает лишь готовность к проверке и оценке соответствующих данных процессуальным путем. Проверяются и оцениваются таким же путем и данные, обнаруженные самим следователем (ст. 66, 67 УПК). Тем более следователь не может оставить без проверки (хотя бы минимальной) фактические данные, представленные другими лицами или органами, в том числе и данные, полученные за счет

проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее - ОРМ).

Выявив данные, подтверждающие совершение преступления или целенаправленную подготовку к нему, задержав например, причастных к этому лиц с поличным, орган дознания в таких случаях чаще всего сам же и возбуждает уголовное дело. Предпринимаемые этим органом меры по раскрытию преступления и по доказыванию на этом этапе совпадают по времени, а во многом и по содержанию (обыски, осмотры, допросы и др.). Разделив подследственность между органами дознания и следствием в соответствии еще с первой редакцией ст. 112, 105 УПК Украины 1960 г., законодатель ввел тем самым гарантии объективности последующей проверки и оценки доказательств, а в последствии и усилил их, лишив органы дознания права заканчивать производство по делу составлением обвинительного заключения.

Что же касается раскрытия преступлений, совершаемых бандами или участниками других организованных преступных групп, здесь характер и направления поиска фактических данных существенно отличаются от раскрытия обычных преступлений. Как подтверждают исследования, проведенные на территории СНГ (1, с. 67) и в странах дальнего зарубежья (13, с. 63), для этих групп характерна глубокая законспирированность, строгая иераричность внутри группы (банды) и жестокость по отношению ко всем, в том числе и членам группировки, кто прямо или косвенно пытается ограничить преступную деятельность, антиобщественные установки участников группировки или дать свидетельские показания.

Анализируя стиль работы подразделений МВД России по борьбе с организованной преступностью, газета "Известия" в апереле 1996 г. отмечала, что "они (подразделения), как правило, в своей работе идут не от уже совершенных преступлений, а от преступных сообществ и их лидеров, которые готовят преступления. Через разветвленную агентурную сеть они пытаются взять под контроль действия бандформирований. Не случайно больше всего организованный преступный мир боится именно этой федеральной структуры" (№ 79, 1996, 26 апр.).

И если верны приведенные в другой публикации данные МВД России о том, что "преступные группировки контролируют более сорока тысяч предприятий и треть

банков" (№ 95, 1996, 24 мая), исходные оценки повсеместно криминального характера операций крупнейших украинских финансовых структур, то можно уяснить характер нынешней ситуации. Из лиц этого контингента к уголовной ответственности привлекаются буквально единицы. Такое соотношение не позволяет сбрасывать со счетов ни противодействие со стороны обладающих властью и влиянием лиц, ни инертности самих правоохранительных органов, и оперативных подразделений - в частности. Но фактом остается то, что в условиях характерной для последнего десятилетия многократной перегрузки оперативных служб и следственных подразделений вся задача нередко сводится к доведению до суда дел хотя бы о тех проступках, судебная перспектива по которым оценивается обвинительной властью оптимистично. Выход из объективно существующего противоречия требования о быстром, а одновременно и полном раскрытии преступлений в таких случаях нередко находят в игнорировании требования о полноте. Моральные и профессиональные качества оперработников и следователей, поступающих именно так, текучесть кадров представляются лишь симптомами болезни, а не основными ее причинами.

Несогласованность законодательства, или, если точнее говорить, в ряде случаев лишь внешняя его согласованность, ставит непростые вопросы для практики раскрытия преступлений, предварительного следствия по ним и прокурорского надзора за соблюдением законов органами дознания и следствия буквально с первых же часов или дней после того, как оперативное подразделение получает сведения о готовящемся, а тем более о совершенном преступлении. По делам о преступлениях, совершаемых членами преступных групп, эти вопросы приобретают наибольшую значимость, поскольку тактические решения оперативного работника определяют и конечный результат, которым может стать как выявление преступной глубоко законспирированной группы, так и привлечение к уголовной ответственности только исполнителя ("солдата", как он именуется в преступных кланах).

Выдвинув версию о том, что совершенное преступление - лишь одно из немногих, совершаемых группой, состав которой не известен, как и перечень са-

мих преступлений, оперативный работник не может быть полностью уверенным в правильности своих предположений. Если же проверка версии потребует много времени и окажется безрезультатной, материал о надлежаще зафиксированном факте придется разрешать гораздо позднее тех 10 дней, которые предоставляет для этого ст. 97 УПК. На практике начало этого срока отсчитывается с момента передачи материалов дела следователю, хотя в представленных материалах бывает обозначено более раннее время получения достаточной информации о преступлении. На это в дальнейшем могут отреагировать и прокурор, и суд, однако однозначно оценивать такие запоздалые решения как свидетельство непрофессионализма оперработника - значит упрощать существо вопроса. Оперативная работа сопряжена со многими вариантами риска, а несвоевременное (по буквальному определению УПК) решение выглядит одним из наименее серьезных нарушений закона, хотя и является ничем иным, как нарушением. Поспешное, хотя и незамедлительное возбуждение уголовного дела при ином действительном течении событий как раз и окажется профессионально ущербным. Здесь показана только суть противоречий, в практике же они сопряжены с рядом разнообразных обстоятельств, формирующих эту ситуацию.

После возбуждения уголовного дела раскрытие преступления осуществляется также и за счет получения фактических данных в ходе выполняемых следственных действий, вся совокупность которых относится к средствам уголовно-процессуального доказывания. Одновременно в этих же целях проводятся и ОРМ, причем нередко тем же органом дознания, который возбудил уголовное дело. Если уголовное дело находится в производстве следователя, он вправе давать поручения органам дознания о проведении ОРД, а орган дознания обязан их выполнять (ст. 103, 104, 114 УПК, п. 1 ст. 7 Закона об ОРД). Следователь может поручить органам дознания выполнение не только оперативно-розыскных, но и следственных действий (ч. 3 ст. 114 УПК).

При любом варианте следственные действия выполняются в соответствии с правилами, предписываемыми УПК. Исчерпывающий перечень источников доказательств (ч. 2 ст. 65 УПК), предписания относительно собирания и проверки доказательств (ст. 66, 67 УПК), не

говоря уже о критериях их оценки с позиций допустимости, позволяют утверждать, что доказывание - деятельность уголовно-процессуальная. Отсутствие в законе нормативного определения ключевого, системообразующего понятия "процесс доказывания" при реальной, явной связи уголовно-процессуальных действий с оперативно-розыскными дает немало поводов для несхожих трактовок, что особенно видно при истолковании деятельности по собиранию доказательств. Нет необходимости гадать, что оказалось тому первопричиной: то ли несхожесть теоретических определений сдерживает законодателя, то ли отсутствие этой дефиниции в законе порождает разные подходы.

Заслуживает внимание в этой связи предложение российских ученых о включении в УПК РФ статьи "Доказывание" (11). В случае включения статьи аналогичного содержания и в УПК Украины, необходимость в которой усматривается, традиционная триада элементом этого процесса (собрание - проверка - оценка) останется замкнутой в строгих рамках уголовного процесса. После этого не придется каждый раз предварительно уточнять предмет обсуждения и существо различий между понятиями "фактические данные" и "доказательства", "раскрытие преступлений" и "доказывание". Высказанное Р.С. Белкиным мнение о том, что терминологические различия не составляют затруднений для практики доказывания, а, соответственно, и для корректировки закона или хотя бы для однозначного его истолкования (2, с. 43), выглядят как слишком оптимистичные и по прошествии трех десятилетий.

Проблемы раскрытия преступлений и доказывания в равной мере актуальны для разных отраслей юридической науки и учебных дисциплин - уголовного процесса, криминалистики, ОРД, организации расследования. Они вполне вписываются и в проблематику общей теории борьбы с преступностью, концептуальные основы которой предложены В.С. Зеленецким (8). Комплексность самой проблемы борьбы с преступностью делает необходимым регулирование деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений соответствующей системой нормативных актов разного уровня. Сегодня идет процесс постепенного упорядочения всего массива нормативных актов по общей схеме: Конститу-

ция - Кодексы и другие законы - ведомственные нормативные акты. Второе звено в этой иерархии включает УК и УПК, Закон об ОРД, Закон о прокуратуре и ряд других законов, определяющих статус правоохранительных органов (о милиции, СБУ и др.). Разновременность принятия названных законов, особенности их подготовки и утверждения Верховным Советом Украины привели к несогласованности или нечеткости правового регулирования одних и тех же или взаимосвязанных вопросов. Избежать этого в дальнейшем можно за счет дополнения существующей структуры еще одним элементом - Основами законодательства по предупреждению, раскрытию и предварительному расследованию преступлений.

Наименование такого законодательного акта можно уточнить, расширив или сузив предмет регулирования. Опыт инкорпорирования законодательства в этой сфере в форме Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1833 г. (14) вряд ли можно признать удачным; этот Устав наравне с другими законами Российской империи был лишь компиляцией из многих законов, и согласование достаточно разноречивых норм требовало подробных разъяснений, что обычно и делалось в периодически издаваемых сборниках вроде изданного в 1910 г. сборника "Законы о полиции" (4). В 1916 г. названный Устав был заменен Уставом благочиния и безопасности, тоже представлявшим собою инкорпоративный законодательный акт, очень объемный и внутренне противоречивый.

После обретения Украиной государственной независимости отпала и необходимость в законах, подобных общесоюзным Основам регулирования той или иной отрасли законодательства. Одновременно с этим возникла необходимость в законодательном согласовании деятельности различных государственных органов в общих для них сферах, одной из которых является вся многообразная деятельность по обнаружению, предупреждению, пресечению и расследованию преступлений. Включение в состав законодательства о борьбе с преступностью предлагаемых Основ в качестве промежуточного звена между Конституцией и отраслевыми кодексами и законами представляется важным фактором обеспечения системности законодательства, последовательности законотворчества и единообразия правоприменения. Серьезные и тру-

дноразрешаемые сегодня вопросы, подобные тем, которые возникли при обсуждении законов о борьбе с организованной преступностью и коррупцией (10, 12), можно было бы решить значительно последовательнее и быстрее. В порядке уточнения высказанных ранее предложений на этот счет (6, с. 100) подчеркну, что требуется принять Основы законодательства, а не обычный закон.

Назначение Основ видится в усилении общего режима законности, предотвращении и полном исключении самой возможности нарушений ее, подобных тем, что были допущены в период действия Закона "О предупредительном задержании" (7). Исключительно высокий уровень необоснованных задержаний был, можно сказать, запрограммирован самим этим законом, в связи с чем его действие после 1 июля 1995 г. продлено не было. На путях формирования правового государства укрепление процессуальных гарантий законности безальтернативно. Преуменьшать значимость таких разумных "мер процессуальной осторожности", как образно называет их президент Международной ассоциации уголовного права Ш. Бассиони (13, с. 53), недопустимо ни на уровне внутригосударственного правового регулирования, ни в сфере международного сотрудничества в борьбе с уголовной преступностью. Оправданием иного подхода к этому не могут быть опасения утраты доказательств, а что касается снижения общего качества и оперативно-розыскной, и следственной работы, и, соответственно, снижения планки требований, это подтверждалось уже не раз.

Сетования на неполное использование данных, полученных в ходе ОРД, требуют объективной оценки. Основная причина невозможности использования части таких данных в доказывании заключается в их ненужности вообще: ведь нередко они относятся не к предмету доказывания, а только ориентируют оперативного работника в выборе оптимального пути поиска. Включение таких материалов в уголовное дело бывает или вынужденным, или просто непрофессиональным, непродуманным. В целом разрешение такого рода вопросов входит в практическую проблему легализации данных ОРД. Не касаясь вопроса о тактике их разрешения (такие ограничения установлены п. 4 ст. 6 Закона Украины "О государственной тайне"), можно отметить наиболее существенные по фактическому содержанию и правовому

значению черты процесса легализации: а) легализация представляет собой осуществляемый в соответствии с законом процесс передачи собранных в ходе ОРД данных в орган, ведущий уголовный процесс, или использование таких данных в рамках процедур, предусмотренных УПК, тем же органом, который их получил; б) независимо от того, кто был инициатором их собирания, определение формы и объема этих данных относится к исключительной компетенции оперативного подразделения с учетом вытекающих из законодательства требований обеспечения конфиденциальности (секретности); в) ответственность за достоверность представляемых материалов и законность способа и порядка их получения лежит на представляющей стороне; г) факт передачи и перечень материалов фиксируются в материалах дела. Дальнейшая проверка и оценка содержащихся в таких материалах фактических данных проводятся в соответствии с требованиями УПК.

Поскольку поручение следователя об установлении значимых для дела обстоятельств в ряде случаев выполнить не представляется возможным, о безрезультатности предпринятых усилий оперативное подразделение должно сообщить. С учетом этого легализацией можно считать подтверждаемый материалами уголовного дела факт огласки сведений, полученных из оперативных источников или самого факта проведения оперативно-розыскных мероприятий с целью их получения. Это может иметь место уже при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела, в котором результаты ОРД могут быть указаны в качестве повода принятия этого решения. Иные случаи ознакомления следователя с оперативной информацией, не отраженные в материалах дела, происходят в рамках рабочих обсуждений, версий, планов расследования и тому подобных организационных и тактических вопросов и легализацией в рассматриваемом здесь смысле не являются.

Легализация данных ОРД в ходе предварительного следствия может происходить неоднократно, по мере их собирания оперативным подразделением. Непрерывность этого процесса установления истины вызывает вполне резонный вопрос: не являются ли поисковые действия и фиксация их хода и результатов (в теории и практике ОРД это называется документированием) сос-

тавной частью доказывания? Краткий отрицательный ответ на этот вопрос может быть сформулирован так: проводимые в ходе ОРД действия по собиранию и фиксации фактических данных о преступлении не являются частью уголовно-процессуального доказывания, а предназначены только способствовать ему. Такой вывод основывается на различии правовых оснований и процедур действий, проводимых в ходе ОРД и доказывания; кроме того, проблематично, будут ли легализованы такие данные вообще и окажутся ли они полезными для доказывания в случае легализации.

Связь практических действий по раскрытию преступлений и доказыванию тем не менее настолько очевидна, что позволяет утверждать: раскрыть преступление - значит доказать. Оптимизация всей этой деятельности не сводится к частным задачам совершенствования взаимодействия оперативно-розыскных и следственных подразделений или правового механизма легализации результатов ОРД. Комплексность содержания социальных проблем борьбы с преступностью обуславливает включение в предмет исследований вопросов о нравственных началах, правовых основаниях, задачах и принципах деятельности, распределении полномочий между государственными органами. Взвешенно и стабильно эти вопросы можно разрешить только в правовом акте соответствующего уровня - Основах законодательства.

Список литературы: 1. Антонян Ю.М., Пахомов В.Д. Организованная преступность и борьба с ней // Сов. гос. и право. - 1989. - № 7. - С. 65-73. 2. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. - М., 1966. 3. Бентам И. Избранные сочинения. Т.1. - СПб, 1867. 4. Волков Н. Законы о полиции. - М., 1910. 5. Гаврилов А.К. Раскрытие преступлений на предварительном следствии: Правовые и организационные вопросы. - Волгоград, 1976. 6. Горбачев А.В. Предварительное расследование: давние корни нынешних проблем // Пробл. законности. - Вып. 30. - С. 152-161. 7. Ездокимов В., Медведчук В., Головатий С. Про запобігнє затримання особи // Уряд кур'єр. - № 95-96. - 1995. - 29 черв. 8. Зеленецкий В.С. Общая теория борьбы с преступностью: Концептуальные основы. - Харьков, 1994. 9. Мафия бессмертна? // Человек и закон. - 1995. - № 4. - С. 4-10. 10. Мельник М.І. Проблема законодавчого забезпечення боротьби з корупцією: шляхи її вирішення // Вісник АПН Україна. - № 3. - Харків. - 1995. - С. 121-124. 11. Проект УПК РФ // Юрид. вестник. - № 31 (122). - 1995. - Сент. 12. Сташис В., Светлов А. Закона о борьбе с мафией нет, да он и не нужен // Голос Украины. - 1993. - 8 мая. 13. Уголовная юстиция: Проблемы международного сотрудничества. - М.: Изд-во БЕК, 1995. 14. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. - СЗР, Т. 14, 1890.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ

Методика расследования преступлений как отрасль криминалистики имеет своим предметом систему научных положений, определяющих планирование и организацию расследования отдельных видов преступлений. Традиционное представление о методике расследования связано с включением в ее структуру таких компонентов, как криминалистическая характеристика, обстоятельства, подлежащие выяснению, следственные действия и оперативно-розыскные меры, планирование расследования, профилактика определенного вида преступлений. Одним из наиболее важных структурных компонентов, способствующих формированию следственных версий и определению направлений расследования, является криминалистическая характеристика. Структурные элементы последней - способы совершения и сокрытия преступлений, время и обстановка события, совокупность наиболее характерных следов, личность преступника и существующие между ними зависимости (взаимосвязи) - создают достаточно полную картину события в конкретном применении этой абстракции к расследуемому преступлению (1, с. 38).

Однако формирование новых преступных групп, избравших объектом посягательства отдельные отрасли экономики (банковские структуры, промышленные предприятия), а также жизнь людей, позволяют акцентировать внимание на таком элементе криминалистической характеристики, как личность (организованная группа) преступника.

Необходимость обращения к этому элементу как определяющему объясняется сложностью способов осуществления преступления, множеством факторов по его сокрытию, наличием неординарных следов совершения последнего.

Преступные группы, формирующиеся применительно к определенному виду преступлений, в настоящее время представляют собой достаточно сложную иерар-

хию, предполагающую распределение ролевых функций в соответствии с занимаемой должностью ее члена, возможностями осуществления руководства теми или иными преступными операциями, определением способов совершения и сокрытия преступления. Наряду с лицами, выполняющими своего рода организационные функции, в состав групп входят лица, выполняющие так называемые второстепенные функции, связанные с организацией транспорта, созданием дочерних предприятий, отмыванием денежных средств, организацией ложного банкротства и т. п. (2, с. 487).

Примечательным здесь являются такие обстоятельства, как прикрытие деятельности преступной группировки действиями лиц, занимающих достаточно высокое должностное положение, позволяющее решать вопросы, связанные с имеющими место нарушениями, а в отдельных случаях игнорировать поступающие о нарушениях сигналы либо запрещать выполнение контрольных функций соответствующим органам. Такая коррумпированность, очень сложно выявляемая, ввиду использования новых способов сокрытия преступных действий и определяет сложность раскрытия и расследования преступлений, совершаемых организованными группами. Сложность определяется также и тем, что сообщники не всегда знают всю преступную структуру, отдельных лиц, выполняемые ими функции, а также лицо, осуществляющее руководящую роль. Последнее чаще всего скрыто под какой-либо кличкой и остается неизвестным на протяжении всего периода деятельности преступной группы. Каждый из участников такой группы выполняет только те действия, которые ему определены организаторами.

Устойчивость преступных группировок объясняется также и тем, что они избирают способы совершения преступлений и сокрытия их, используя специфику производства (в тех случаях, когда хищения имеют место в предприятиях промышленного производства), или организации, где могут быть использованы пробелы в законодательстве либо инструктивных материалах, регламентирующих порядок их деятельности.

Избираемые способы совершения преступлений, позволяющие в течение длительного времени безнаказанно осуществлять свою преступную деятельность, свя-

заны главным образом с использованием специальных знаний участников этого процесса. В зависимости от отрасли специалисты могут не только давать те или иные консультации, но и представлять необходимые расчеты, указывать на возможность вуалирования определенных операций ложными проводками, регистрацией несуществующих предприятий, выдачей кредитов без предварительной проверки необходимой документации.

Промышленные производства, в частности заводы, связанные с перерабатывающими процессами, для организации крупных хищений используют специальные знания технологов, которые расчетами, связанными с заменой компонентов либо уменьшением или увеличением различного рода заменителей, создают схему, позволяющую получать огромные излишки продукции, которая по своему качеству мало уступает рецептурам ГОСТа.

В банковской деятельности либо работе страховых обществ знания специалистов, используемые в преступных целях, позволяют накапливать значительные суммы денег, переводить их в целях хищения на счета несуществующих организаций, создавать ложные филиалы и т.п.

Наряду с организованными группами, совершающими преступления в сфере экономики, наблюдается значительный рост организованных групп, осуществляющих преступления против личности, в частности, заказные убийства, разбойные нападения. В таких группах также существует распределение ролей. Это традиционные заказчики, организаторы, лица, ведущие разведывательную и подготовительную работу, исполнители. Убийства могут иметь характер не только заказных, но и связанных с конфликтами мафиозных групп, личной мстостью, с их желанием показать свой "преступный престиж" или в целях устрашения. В этих случаях способы совершения преступлений связаны с избранием оружия (либо орудий), а также места и времени осуществления преступных намерений. Чаще всего место совершения избирается таким образом, чтобы свидетели отсутствовали, а также были необходимые условия для уничтожения следов и беспрепятственного ухода исполнителя с места происшествия. Как правило, это подходы к дому, лестницы подъездов, входы в квартиру. Имеют место случаи дерзкого осуществления намерений - стрельба на улицах, в помещениях магазинов, кафе; учи-

тывается состояние лиц, присутствующих при этих акциях: страх, дезорганизация психики, стремление укрыться от возможных последствий события. Преступная группа предпринимает действия, связанные с сокрытием "киллера" - убийцы (исполнителя), в открытых местах - путем создания ажиотажа в толпе, в закрытых помещениях - путем сокрытия оставленных следов или их уничтожения, а также создания всякого рода инсценировок. В последнее время способами совершения убийств, избираемыми преступниками, являются взрывы транспорта либо помещений, в которых находятся объекты посягательства. В этих случаях сокрытие следов связано с самим способом совершения преступления и отыскание следов составляет очень сложную задачу.

Расследование преступлений, совершаемых организованными группами, требует создания специализированных подразделений. В их числе должны быть также следователи, обладающие минимумом знаний в области экономики отдельных отраслей производства, банковских структур и основных форм их деятельности. Более того, названные подразделения должны систематически информироваться о новых способах совершения преступлений, возможных каналах для осуществления преступных намерений, пробелах в законодательстве либо инструктивных материалах, которые могут быть использованы для преступной деятельности. Такая подготовка следователей и оперативных работников, осуществляющих разведывательные функции, может достаточно полно ориентировать их относительно возможных способов совершения преступлений в области перерабатывающей промышленности (мясомолочной, кондитерской, хлебобулочной, консервной и др.). Более сложная подготовка следователей должна иметь место для расследования преступлений в организациях, относящихся к банковским структурам, страховым и доверительным обществам. Способы преступлений, набравших значительный размах и осуществляемых лицами, работающими в названных организациях, требуют внимательного изучения, так как их сокрытие связано с документацией, нередко подложной либо поддельной.

Сложность обнаружения таких нарушений, влекущих за собой крупные хищения, объясняется, во-первых, отсутствием своевременного контроля со стороны

контрольно-ревизионных органов, а во-вторых, - трудностью поиска организаторов преступных группировок, а также такими пробелами в законодательстве, которые могут создавать предпосылки для преступных действий и их сокрытия.

Нельзя не отметить такие формы преступных проявлений, как убийства лиц в результате конфликтов между группировками, конкурирующими в области экономической преступности. В этих случаях имеет место соединение обоих направлений преступной деятельности. Обнаружение преступных проявлений чаще всего связано с обнаружением убийства руководителя (лей) той или иной группировки. При таких обстоятельствах в процесс расследования включаются следственно-оперативные подразделения двух направлений - расследующие экономические преступления и расследующие преступления против личности.

Одной из важных проблем методики расследования рассматриваемых преступлений является взаимодействие следственных, оперативно-розыскных, контрольно-ревизионных и экспертных органов. Ситуации, возникающие при обнаружении отдельных проявлений экономических преступлений - обнаружение крупных партий продукции, предназначенных для стран ближнего или дальнего зарубежья, прекращение функционирования банков, страховых или акционерных обществ, обнаружение преступлений в области налогообложения, требуют организованной работы указанных подразделений. Их деятельность, связанная с задержанием (своевременным) лиц, осуществляющих руководство названными структурами, назначением ревизий, производством первоначальных следственных действий, обеспечивающих получение необходимой доказательственной информации, может быть эффективной, только если четко организовано взаимодействие, распределение ролей, обеспечены временные параметры совместных действий.

Своевременное осуществление первоначальных следственных действий при расследовании экономических преступлений обеспечивает получение необходимой информации. Первоначальные следственные действия при расследовании преступлений этой категории обладают спецификой и сводятся главным образом к таким действиям, которые связаны с той или иной доку-

ментацией. Это осмотр документов, их выемка, опечатывание компьютеров, на которых фиксируется деятельность структуры, назначение ревизий. Первые неотложные действия, сопровождаемые задержанием подозреваемых, должны производиться с участием специалистов-бухгалтеров, а также лиц, обладающих специальными знаниями в области компьютерной техники. Следственные органы должны также акцентировать внимание на неотложном производстве обысков как в офисах, на рабочих местах, так и по месту жительства в целях обнаружения необходимых данных, а иногда и денежных средств, указывающих на причастность лица к совершенному преступлению. Предметом обыска может быть и документация, относящаяся к банковской деятельности, записи о расчетах с соучастниками, их адреса, наименование филиалов и фирм, которые участвуют в преступлении. Практика расследования знает, к сожалению, случаи, когда отсутствие оперативности в организации неотложных следственных действий, а также в четком определении их направленности влекло за собой утрату доказательств и исчезновение лиц, совершивших преступление.

Важные для расследования данные можно получить в результате допроса сотрудников учреждения, а также лиц, являющихся свидетелями обстоятельств, связанных с преступными действиями.

В организации расследования преступлений в экономике значительное место принадлежит проведению так называемых тактических операций, предполагающих комплекс следственных, оперативно-розыскных и организационных действий для решения поставленной задачи. Такие операции, включающие задержание преступника, допрос, выемку документов, обыск, создают необходимые предпосылки для наиболее эффективного раскрытия преступления.

Рекомендации, связанные с организацией неотложных следственных действий при расследовании убийств, совершаемых организованными группами, сводятся также к производству осмотра места происшествия, преследованию по "горячим следам", получению информации от лиц, которые первыми обнаружили потерпевшего, установлению его связей и других обстоятельств, способствующих получению доказательств.

Одной из важных задач методики расследования преступлений, совершаемых организованными группами в области экономики, является обнаружение и анализ способов совершения и сокрытия преступлений. Их специфика относительно конкретных направлений производственной или финансовой деятельности может быть принята за основу для систематизации. Создание своеобразных банков способов совершения и сокрытия преступлений и их признаков может быть использовано следственными органами как матрица, способствующая быстрому установлению события преступления, способов его вуалирования, круга лиц, которые могут или обязательно должны быть причастны к преступной деятельности. Перенос таких данных на дискеты, носящие обучающий либо диагностирующий характер, явится одной из важных предпосылок повышения профессионального мастерства следователей и оперативно-розыскных органов.

Список литературы: 1. Р.С. Белкин. Криминалистика: Краткая энциклопедия. - М., 1993. 2. Криминалистика / Под ред. Яблокова Н.П., Герасимова И.Ф. - М., 1995.

В.Ю. Шепитько, канд. юрид. наук

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В КРИМИНАЛИСТИКЕ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМЫ

Становление криминалистической тактики, разработка, совершенствование и систематизация тактических приемов неразрывно связаны с историей развития научных представлений о криминалистике как науке. В период зарождения криминалистики как самостоятельной отрасли знания тактика рассматривалась в качестве части полицейской (уголовной) техники. В работах ученых Австро-Венгрии и Германии (Г. Гросса, А. Вейнгарта, Г. Шнейкerta, В. Штибера и др.) отражены первые представления об уголовной тактике. В частности, Альберт Вейнгарт отмечал, что "в борьбе с преступностью, как и на войне, - прежде всего необходимы: энерги-

ческая деятельность, проявление личной инициативы и быстрота. Но, приступая к расследованию с возможной поспешностью, отнюдь не следует действовать необдуманно и наугад. Расследование каждого преступления, а в особенности в случаях важных, должно вестись по определенному методу, систематически и по выработанному плану..." (5, с. 5, 6).

История криминалистики знает различные термины, обозначающие понятие тактики: криминальная (уголовная), следственная, криминалистическая. Изменялось не только название тактики, но и ее содержание. Так, от изучения методов совершения различных преступлений и способов обнаружения их (9, с. XX) к исследованию приемов производства отдельных процессуальных действий тактика получала свое новое развитие и становление.

Первые попытки исследования проблем, относящихся к криминалистической тактике, были обращены к тактике таких процессуальных действий, как осмотр и допрос. В частности, уже в 1841 г. Я. Баршев предпринимает попытки по формулированию тактических правил производства осмотра. Его рекомендации не повторяли норм закона, а существенно дополняли их рядом важных моментов (1, с. 149-151).

В конце XIX - начале XX века исследования психологии свидетельских показаний и показаний обвиняемого выступают как самостоятельная тенденция в развитии криминалистики. Многочисленные труды этого времени посвящены проблеме ошибок в свидетельских показаниях. Попытки определить возможности по корректровке и устранению таких ошибок явились предпосылками к разработке тактических приемов допроса и формированию их систем.

В 1925 г. И.Н. Якимов в работе "Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике" отмечал, что криминалистика имеет своим предметом изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной личности преступника (12, с. 3). Уже это определение содержало указание на наиболее целесообразные способы и приемы расследования преступлений, которые выступают прообразом современных криминалистических приемов, в том числе и тактических.

В учебнике криминалистики (1938 г.) криминалистика определяется как технически прикладная наука о технике, тактике и методике расследования преступлений (8, с. 3-5). Такое деление было первым утверждением того, что криминалистика обладает системой, в которой одним из разделов является тактика.

Привлекают внимание современные определения тактики, которые рассматривают ее как систему приемов. Так, А.Н. Васильев определяет следственную тактику как систему тактических приемов, разработанных на основе научной организации труда, логики, психологии и обобщения следственной практики для организации планомерного расследования преступления, правильного применения логических методов познания, формирования психологии взаимоотношений следователя с участниками следственных действий и эффективного применения научно-технических средств в целях успешного собирания доказательств в соответствии с уголовно-процессуальными нормами (4, с. 44). В.Е. Коновалова характеризует криминалистическую тактику как систему научных приемов и методов, основанных на требованиях уголовно-процессуального закона, применяемую при производстве следственных действий и оперативно-розыскных мер в целях предупреждения и расследования преступлений (6, с. 15).

Предложенные определения содержат указание на то, что тактика - это прежде всего система приемов. Вместе с тем, отмечая в определениях тактики, что это именно система, необходимо помнить о ее иерархичности: каждый компонент системы в свою очередь может рассматриваться как система. Поэтому правомерна постановка вопроса о системах тактических приемов отдельных процессуальных действий, направленных на достижение их конкретных целей. Накопление тактических приемов позволило поставить вопрос о существовании систем последних, подчиненных не только общим задачам выполнения отдельного следственного действия, но и тем конкретным целям, которые могут быть достигнуты, - целям, обусловленным создавшейся обстановкой (7, с. 25, 26).

В криминалистической литературе отдельные авторы предлагают к рассмотрению различные группы или блоки тактических приемов. Однако такие их сочетания

характеризуются отсутствием логической взаимосвязи между ними, их рассогласованностью и ограниченностью.

Рассмотрение проблемы тактических комбинаций в криминалистике заслуживает особого внимания. Р.С. Белкин предлагает следующее определение тактической комбинации: "Тактическая комбинация - это определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решение конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией" (2, с. 120). Такое определение понятия вызывает возражения (В.Ш.) по следующим позициям:

а) в предложенном определении тактическая комбинация ограничена рамками процесса расследования;

б) нецелесообразно объединять две самостоятельные категории - "сочетание тактических приемов" (система приемов) и "сочетание следственных (или иных) действий" (тактическая операция), ибо они преследуют разные цели и не равнозначны по существу;

в) в этимологическом плане термин "комбинация" тождествен термину "система" приемов для достижения чего-нибудь (10, с. 246);

г) предложено определение понятия тактической комбинации, названы ее виды (определенное сочетание тактических приемов; определенное сочетание следственных действий в рамках одного акта расследования; определенное сочетание одноименных и разноименных следственных действий), но не выделено и не сформулировано их внутреннее содержание.

В криминалистической теории история возникновения тактических комбинаций связана с концепцией правомерности использования "следственных хитростей" ("психологических ловушек"). Еще в 1966 г. Б.Г. Розовский указывал, что "психологические ловушки", т. е. всякого рода комбинации, используемые следователем при допросах, должны занять свое законное место в криминалистике. Но при этом нужно установить четкие грани, отделяющие комбинацию от провокации, которая в работе следователя, вне всякого сомнения, недопустима (11, с. 100, 101).

Интересные данные относительно сущности "следственных хитростей" ("психологических ловушек") получены автором (В.Ш.) в результате анкетирования следователей прокуратуры и МВД Украины. Так, 56 % опро-

шенных отнесли к “следственным хитростям” приемы сокрытия значимой для дела информации от заинтересованных лиц; 42 % - назвали приемы создания такой обстановки, которая может быть двояко оценена; 30 % - отметили приемы формирования у заинтересованных лиц выгодных для следователя целей; 22 % - указали на приемы, содержащие в себе элементы ложной информации, введения лица в заблуждение; 6 % - имеют иное мнение. Причем большинство из опрошенных одновременно указали на несколько предложенных ответов.

Таким образом, пестрота мнений и взглядов на сущность и содержание “следственных хитростей” (“психологических ловушек”) позволяет прийти к выводу, что в рассматриваемые понятия включают и допустимые (правомерные) тактические приемы, и способы действия, нарушающие требование этичности, и даже целые комплексы, группы, совокупности, комбинации (системы) приемов. Поэтому, по мнению автора, нет необходимости подразделять или, наоборот, комбинировать тактические приемы по признаку “следственная хитрость” либо “психологическая ловушка”. А их двусмысленное толкование следует рассматривать как проявление профессионального жаргона.

Разработка тактики следственных (судебных) действий предполагает необходимость систематизации применяемых при их производстве тактических приемов, типизацию их систем. Такая систематизация предполагает выполнение синтетической функции, связанной с объединением тактических приемов в различные сочетания в соответствии с объективно существующими между ними закономерными связями.

В настоящее время уровень развития криминалистической науки позволяет не только изолированно рассматривать отдельные тактические приемы процессуальных действий, но и устанавливать взаимосвязи и взаимозависимости между ними, выявлять отдельные комплексы приемов в виде их систем и подсистем, проследивать их работу в действии. Система тактических приемов процессуального действия должна представлять собой не простую их совокупность, не любой их перечень, а лишь такое построение, которое предполагает организацию их в виде целостного образования, в котором составляющие

его компоненты взаимосвязаны между собой, занимают соответствующее место в определенной последовательности и выполняют соответствующие функции.

Постановка вопроса о систематизации тактических приемов свидетельствует о том, что теорией криминалистики и практикой расследования накоплен богатый опыт применения тактических приемов, который при приведении его в надлежащий логический порядок будет способствовать более эффективному и полному получению доказательственной информации при расследовании преступлений (3, с. 260). Сложность же систематизации тактических приемов связана с двумя основными причинами: отсутствием единства в понимании тактического приема; неразработанностью тактики (тактических приемов) отдельных следственных и судебных действий.

Построение систем (подсистем) тактических приемов отдельных процессуальных действий предполагает необходимость исследования: а) природы следственных (судебных) действий и их целевой направленности; б) ситуационной обусловленности тактических приемов и типовых ситуаций отдельных процессуальных действий; в) сущности тех или иных тактических приемов и их функциональных возможностей.

Разработка систем тактических приемов тесно взаимосвязана с разработкой типовых следственных (судебных) ситуаций и ситуаций процессуальных действий. Системы (подсистемы) тактических приемов представляют собой определенные типовые программы, своеобразные алгоритмы для следователя (судьи), рекомендуемые к применению в соответствующих ситуациях как наиболее эффективные. Такие системы могут оказать неоценимую организационную и методическую помощь судебно-следственным работникам в устранении пробелов их личного опыта и стимулировании творческого поиска.

Список литературы: 1. Баршев Я. Основание уголовного судопроизводства с применением к Российскому уголовному судопроизводству. - СПб., 1841. 2. Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики: Учеб. пос. - Волгоград: ВСШ МВД РФ, 1993. 3. Богинский В.Е. К вопросу о системах тактических приемов допроса подозреваемого // Пробл. соц. законности на современном этапе ком. строительства: Крат. тез. - Харьков: Юрвуз, 1978. 4. Васильев А.Н. Тактический прием - основа следственной тактики // Соц. законность. - М.: Известия, 1974. - № 4. 5. Вейнгарт А. Уголовная тактика: Руководство к расследованию

преступлений. - Спб., 1912. 6. Коновалова В.Е. Теоретические проблемы следственной тактики (познавательная функция логики и психологии в следственной тактике): Автореф. дис ...д-ра юрид. наук. - Харьков, 1966. 7. Коновалова В.Е., Сербулов А.М. Следственная тактика: принципы и функции. - Киев: РИО МВД СССР, 1983. 8. Криминалистика: Техника и тактика расследования преступлений. - М., 1938. 9. Люблинский П.И. Предмет и значение учения о доказательствах... // Дж. Стифенъ. Очеркъ доказательственного права. - Спб.: Сенатская типографія, 1910. 10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.: Рус. яз., 1984. 11. Розовский Б.Г. Еще раз о тактике допроса // Следств. практика. - М.: Юрид. лит., 1966. - Вып. 72. 12. Якимов И.Н. Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике. - М., 1925.

В.Н. Глибко, канд. юрид. наук

НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕЕ ВЫВОДОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ

Большой удельный вес в работе судебных учреждений имеет судебно-бухгалтерская экспертиза. При расследовании хищений заключение эксперта-бухгалтера в большинстве случаев является одним из немногих средств, позволяющих выявить нарушения финансово-хозяйственной деятельности предприятий и организаций (4, с. 232).

Ежегодно судебно-бухгалтерские экспертизы составляют около 1/4 всех исследований, проводимых экспертными учреждениями Министерства юстиции Украины. Чаще всего это касается дел о хищениях государственного или общественного имущества в крупных и особо крупных размерах, недостачах материальных ценностей. Значительное количество экспертиз (35%-38%) производится по делам о преступлениях в промышленности, строительных и транспортных организациях, по делам о преступлениях в колхозах и совхозах (12%-13%) (3, с. 73). Используя заключение эксперта-бухгалтера в совокупности с другими доказательствами, следственные органы имеют возможность полнее выявить злоупотребления должностных лиц, недостачи, излишки материальных ценностей, а также обстоятельства, способствующие совершению преступлений.

Анализ следственной практики свидетельствует,

что более половины хищений в крупных и особо крупных размерах совершается организованными группами на территории нескольких районов, областей. В преступную группу нередко вовлекаются руководители предприятий и организаций и хищения, как правило, сопряжены со злоупотреблением служебным положением и другими должностными преступлениями. Усложнились и способы совершения хищений, более изощренными стали методы их сокрытия, что требует от правоохранительных органов более широких познаний в области бухгалтерского учета.

Уголовно-процессуальный закон (ст. 76 УПК Украины) не включает судебно-бухгалтерскую экспертизу в число обязательных. Отсутствие в законе указания ее обязательности говорит о том, что на практике не возникает необходимости ее назначения по всем без исключения расследуемым делам о хищениях.

В каждом конкретном случае следователь самостоятельно решает вопрос о необходимости назначения судебно-бухгалтерской экспертизы. Как правило, она назначается в следующих случаях: а) неприятия ревизором документов для отображения в учете (акты на списание материалов, акты на порчу товаров, расписки на отпуск товаров в долг и т. п.); б) при наличии обоснованного ходатайства обвиняемого о назначении экспертизы; в) при наличии в деле двух или более актов ревизии (первичной и повторной) с содержащимися в них разными данными, касающимися деятельности одних и тех же лиц в определенный период; г) в случае сомнений следователя в выводах ревизора в силу использования им ненадлежащих методов исследования либо в силу отсутствия опыта в проведении ревизий; д) в случае необходимости, которая вытекает из выводов других экспертиз (товароведческой, технологической, судебно-строительной) и др.

Определив необходимость назначения по делу судебно-бухгалтерской экспертизы, следователь должен решить, в какой момент ее назначение наиболее целесообразно, ибо от правильного решения этого вопроса зависит не только своевременность расследования дела, но и его полнота и всесторонность. В то же время выбор момента назначения судебно-бухгалтерской экспертизы обуславливается особенностями расследуемого дела и характером предоставленных в распоряжение эксперта

материалов. Собираение и изучение материалов для проведения экспертизы целесообразно проводить на начальной стадии расследования, но не ранее выполнения первоначальных следственных действий (1, с. 62, 63). Необходимость назначения судебно-бухгалтерской экспертизы на более позднем этапе расследования возникает и после получения заключений технологической, товароведческой, почерковедческой, и других экспертиз, вследствие выявления ими новых обстоятельств.

Представленные материалы должны быть надлежащего качества и достаточно полными, ибо от этого зависит проводимое экспертное исследование и эффективность использования его результатов. Объем и характер представленных эксперту-бухгалтеру материалов зависит в каждом конкретном случае от расследуемого события и тех вопросов, которые поставлены перед экспертом. Однако в любом случае при назначении судебно-бухгалтерской экспертизы в распоряжение специалиста необходимо представить три группы материалов: а) бухгалтерские документы, отражающие хозяйственно-производственные отношения и процессы (накладные, ведомости, счета, товарные отчеты, балансы, годовые отчеты и др.); б) материалы расследуемого дела, из которых эксперт может уяснить интересующие его данные о хозяйственной деятельности предприятия, а также действия материально ответственных и должностных лиц (протоколы обследования мест хранения материальных ценностей и денежных средств, протоколы обыска, протоколы выемки документов, протоколы допроса); в) заключения других экспертиз (судебно-экономической, технологической, товароведческой, почерковедческой).

Изучение и обобщение следственной практики свидетельствует о том, что следователи нередко назначают экспертизу поспешно, в связи с чем эксперты испытывают затруднения в разрешении поставленных задач и вынуждены запрашивать дополнительные материалы. Такие запросы эксперты выполняют по каждому шестому расследуемому делу, а ответы на них нередко задерживаются в течение длительного времени.

Результаты экспертизы оформляются заключением, которое согласно ст. 65 УПК СССР является одним из источников доказательств. Заключение эксперта, как и

любое другое доказательство, должно быть внимательно изучено и оценено, а предпосылкой надлежащей его оценки является то, насколько следователь овладел основами бухгалтерского учета и каковы его знания о возможностях судебно-бухгалтерской экспертизы. В оценке заключения эксперта-специалиста выделяют две стороны: определение научной обоснованности и достоверности и установление доказательственного значения выводов.

При изучении выводов экспертизы необходимо обратить внимание, составлено ли заключение по установленной форме, содержатся ли в нем все реквизиты; составлено ли заключение объективно, профессионально грамотно; все ли вопросы нашли в нем разрешение; все ли материалы использовал эксперт для исследования; какими методами исследовал их и достаточно ли эти методы научно обоснованы; нет ли расхождений между исследовательской частью заключения и выводами эксперта и не противоречит ли заключение другим доказательствам по делу. Оценка и использование выводов судебно-бухгалтерской экспертизы - два тесно взаимосвязанных между собой аспекта работы следователя.

В процессе оценки заключения эксперта-бухгалтера следователь решает также вопрос об использовании его в качестве источника доказательства, определив тем самым наличие действительной связи доказательства с существом рассматриваемого дела. Факты, рассмотренные и установленные экспертом, могут относиться к расследуемому эпизоду и подтверждать или опровергать версию, сложившуюся у следователя к моменту назначения экспертизы. Кроме того, эксперт может установить и факты, относящиеся к другим эпизодам преступной деятельности, к другим лицам, и тогда его заключение служит основой для выдвижения новых версий, расширяет рамки расследования совершенного преступления.

Задача следователя состоит также в том, чтобы определить место установленных экспертом данных в совокупности, в системе всех доказательств, собранных по делу. На этой основе строятся выводы о событии преступления, лицах, его совершивших, характере и размере причиненного ущерба. Если система доказательств, включающая доказательство в виде заключения эксперта, еще не дает возможности установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию, то следователь обя-

зан продолжать расследование. Таким образом, заключение эксперта будет использовано и в производстве следственных действий, в частности осмотров и выемок документов, допросов, и в назначении других экспертиз. При этом возможно установление новых способов хищения и сбор новых доказательств.

Следователь может использовать заключение эксперта и непосредственно в ходе обоснования своих промежуточных и окончательных выводов по делу. В этом смысле использование заключения эксперта представляется самостоятельной операцией, осуществляемой в уголовно-процессуальном доказывании наряду с собиранием, исследованием и оценкой доказательств. В процессе подобного использования заключения система доказательств, его включающая, получает свое словесное оформление и отражается в процессуальных действиях и документах, например в постановлениях, обвинительных заключениях.

Между тем следственная практика свидетельствует о том, что следователи при составлении обвинительных заключений не всегда подвергают глубокому анализу заключения эксперта-бухгалтера (40 % уголовных дел). В остальных случаях дается лишь формальная ссылка на имеющееся в деле заключение.

Заключение эксперта-бухгалтера широко используется и в профилактической работе следователя. Эта деятельность осуществляется на основе производимых экспертиз, в процессе которых выясняются обстоятельства, способствовавшие совершению хищений. Успешное решение профилактических задач зависит как от инициативы следователя, так и от инициативы и добросовестности эксперта. Последний даже в том случае, если следователь не поставил перед ним вопроса об обстоятельствах, способствовавших хищению, руководствуясь ст. 200 УПК Украины, может выйти за пределы поставленных вопросов.

Эксперт-бухгалтер может оказать существенную помощь не только в выявлении обстоятельств, способствовавших хищениям, но и разработке мер по их устранению. Данные об условиях и причинах, способствовавших совершению хищений, могут быть использованы следователем путем внесения представлений в соответствующие ведомства.

Список литературы: 1. Арзуманян Т.М., Танасевич В.Г. Бухгалтерская экспертиза при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. - М., 1975. - 118 с. 2. Вілуха М.Т. Судово-бухгалтерська експертиза. - Київ, 1992. - 267 с. 3. Кузовкин А.С. Повышение роли судебно-бухгалтерской экспертизы в борьбе с хищениями государственного и общественного имущества // Современные пробл. и пути повышения эффективности деятельности судебно-эксперт. учреждений в борьбе с преступностью. - Киев, 1983. - 112 с. 4. Про судову експертизу: Закон України від 25 лютого 1994 р. // Відом. Верхов. Ради України. - 1994. - № 28. - Ст. 232.

В.В. Баранкова

НОТАРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА

Усиление гражданско-правовой активности населения, развитие предпринимательства, гражданского и международного экономического оборота обусловили принятие 2 сентября 1993 г. Закона Украины "О нотариате", принципиальной новизной которого явилось введение частного нотариата. В остальном новый закон практически полностью воспринял ранее действовавшее законодательство. Его принятие - в целом прогрессивное явление, вместе с тем оно не разрешило, а, наоборот, поставило ряд вопросов, связанных с дальнейшим развитием нотариата. Представляется, что эффективное развитие нотариального законодательства возможно лишь при условии уточнения самой концепции нотариата в правовой системе, природы нотариального производства как специфической процессуальной формы, отраслевой принадлежности норм, регулирующих нотариальную деятельность. Эти проблемы, к сожалению, мало исследованы. (Достаточно сказать, что проблемам нотариата были посвящены лишь три кандидатские диссертации).

Историко-правовое исследование нотариата показывает, что последний является составной частью юстиции, а образование нотариальных органов - это результат отделения бесспорной юрисдикции от спорной с отнесением первой в исключительное ведение нотариата (5, с. XXI, XXIII).

Современный нотариат стал относительно самостоятельной институцией, характеризующейся особыми

предметом, содержанием и функциями нотариальной деятельности.

В действующем законодательстве не закреплены задачи нотариата и цели нотариальной деятельности. Представляется, что задачами нотариата является обеспечение в соответствии с законодательством охраны и защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения уполномоченными на то лицами нотариальных действий от имени государства. Цель же нотариальной деятельности - придать документам и действиям граждан или организаций бесспорный характер и этим обеспечить охрану законных прав и интересов физических и юридических лиц.

Как видно, задачи нотариата имеют некоторую общность с задачами других органов гражданской юрисдикции. Вместе с тем нотариальная форма охраны и защиты отличается от других форм и обладает особенностями, характерными лишь для нее. Так, отличительная особенность нотариальной формы заключается в том, что она, как правило, есть не последующая защита, а предупреждение нарушения права и поэтому имеет специфический предмет. В отличие от судебной деятельности, предметом которой по преимуществу являются споры о праве гражданском, предмет нотариальной деятельности составляют бесспорные дела. Как указывает В.Н. Аргунов, нотариус оформляет волю субъектов сделки, суд и другие правоохранительные органы разрешают споры участников сложившихся в результате сделки правоотношений (1, с. 27).

Законодательство о нотариате, в отличие от Гражданского процессуального кодекса Украины (ст. 24), не содержит нормы, общим образом определяющей подведомственность дел нотариальным органам. Закон о нотариате идет по пути прямого перечисления нотариальных действий, которые в своей совокупности составляют компетенцию нотариальных органов с возложением на государственных нотариусов, в отличие от частных, совершения и других нотариальных действий (ст. 34 Закона "О нотариате").

Все действия, составляющие компетенцию нотариата, характеризуются двумя качествами - качеством бесспорности и наличием связи с определенными гражданскими (в широком смысле) материальными правоотноше-

ниями (субъективными правами, охраняемыми законом интересами).

Нотариус удостоверяет бесспорные права и факты, в наличии которых он может убедиться непосредственно либо на основании соответствующих документов, предупреждая возникновение споров о праве, разрешение которых отнесено к компетенции суда. Если отсутствуют документы, подтверждающие тот или иной факт, последний может быть установлен судом в порядке особого производства, так как не является бесспорным.

Органы нотариата осуществляют только им присущие функции, среди которых представляется возможным выделить наиболее существенные:

1. Функция обеспечения бесспорности и доказательственной силы документов. Нотариально удостоверенный договор в случае спора в суде, вытекающего из договора, облегчает стороне возможность доказать свои права, так как содержание прав и обязанностей договаривающихся сторон, подлинность их подписей, время совершения договора официально подтверждены нотариальным органом и потому являются достоверными, бесспорными.

2. Функция обеспечения законности при заключении сделок (контрольная функция). Устойчивость договора, иной сделки или юридического акта связывается с их правомерностью, и поэтому нотариус проверяет наличие необходимого состава юридических фактов, в том числе правоспособность и дееспособность сторон, принадлежащих им субъективных прав, которые они передают другим лицам, и т. п. В соответствии с ч. 4 ст. 5 Закона Украины "О нотариате" нотариус обязан отказать в совершении нотариального действия в случае несоответствия последнего законодательству Украины или международным договорам. В связи с введением частного нотариата особо следует отметить, что контроль за законностью сделок - функция государственная и только государство может возложить эту функцию на частного практикующего нотариуса, наделив его определенными полномочиями.

3. Функция содействия гражданам и юридическим лицам в осуществлении своих прав и законных интересов. В последнее время эта функция приобретает все большее значение. Ее проявление четко прослеживается

в действующем законодательстве. Так, согласно ч. 3 ст. 5 упомянутого Закона нотариус обязан содействовать гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям в осуществлении прав и защите их законных интересов, разъяснять права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий для того, чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред.

Анализ перечисленных особенностей нотариальной деятельности свидетельствует о том, что нотариат занимает надлежащее место в системе органов юстиции как бесспорная юрисдикция. В этой связи имеет весьма существенное значение выделение характерных черт нотариального производства как относительно самостоятельной правовой формы деятельности. Характерные признаки правовой формы разработаны теоретиками права (2, с. 122).

Как правовая форма деятельности нотариальная деятельность обладает следующими характерными признаками.

Так, она связана с разбирательством (рассмотрением) юридического дела (прямо предусмотренного законом жизненного обстоятельства, которое нуждается в соответствующем подтверждении и юридическом обеспечении).

Нотариальная деятельность осуществляется исключительно уполномоченными на то органами и должностными лицами. Их конкретный состав и объем компетенции установлены законодательством (ст. 1, 3, 34-38, 40 Закона Украины "О нотариате"). Нотариальные действия могут совершаться государственными, частными нотариусами, должностными лицами органов исполнительной власти и консульскими учреждениями. Нарушение правил, определяющих компетенцию лиц, которые могут совершать нотариальные действия, влечет наступление неблагоприятных процессуальных последствий - признание недействительными совершенных действий (см., напр., ст. 9 Закона).

Юридическая природа нотариальной деятельности определяется тем, что нотариус должен непосредственно использовать нормы права для разрешения конкретных юридических дел. Причем применяются одновременно нормы и материального, и процессуального права,

определяющие сам характер разрешаемого юридического дела и одновременно оптимальный порядок достижения юридического результата.

Результаты нотариальной деятельности всегда закрепляются в соответствующих процессуальных документах, имеющих официальный характер и установленную законом форму. Так, согласно ст. 48 указанного Закона при удостоверении соглашений, засвидетельствовании верности копий документов и выписок из них, подлинности подписи на документах, верности перевода документов с одного языка на другой, а также при удостоверении времени предъявления документа на соответствующих документах совершаются удостоверительные надписи. В подтверждение права на наследство, права собственности, удостоверения фактов, что гражданин жив, о нахождении его в определенном месте, тождественности гражданина с лицом, изображенным на фотографии, о принятии на хранение документов выдаются соответствующие свидетельства. Вопрос о содержании исполнительной надписи регулируется ст. 89 Закона. Нарушение закрепленной законом формы нотариальных актов (документов) влечет признание их недействительными. Видимо, имеет смысл закрепить это положение в ст. 52 Закона "О нотариате".

Следует отметить, что нотариальная деятельность как разновидность правовой формы деятельности нуждается в установлении гарантий ее осуществления. Наиболее эффективной из них является регламентированная законом процессуальная форма совершения нотариальных действий, под которой следует понимать совокупность требований, предъявляемых законом к совершению процессуальных действий нотариусами и другими субъектами нотариального процесса. Такая процедурная регламентация является гарантией правильного, быстрого и эффективного рассмотрения нотариального дела, а нарушение процессуальной формы ведет к признанию недействительными нотариальных действий.

Нотариальная деятельность непосредственно связана с необходимостью использования различных методов и средств юридической техники. Для получения достоверных выводов по рассматриваемому юридическому делу и для обоснования принимаемого решения нотариусам всегда приходится устанавливать соответствующие фак-

тические данные и обстоятельства юридического дела, т.е. искать и доказывать истину по делу. Весьма существенное значение имеют и такие технические нормы, которые относятся к порядку оформления процессуальных документов. В нотариальном процессе в этом плане существует система требований, которые содержатся в Правилах ведения нотариального делопроизводства, утвержденных приказом Министерства юстиции Украины от 3 февраля 1993 г. (6, с. 305-329).

Таким образом, нотариальная деятельность характеризуется всеми признаками, присущими правовой форме деятельности, и представляет собой типичный вариант процессуального производства.

Этот вывод приводит к необходимости постановки и другого, не менее важного для совершенствования законодательства о нотариате вопроса об отраслевой принадлежности норм, регулирующих нотариальный процесс. Данная проблема главным образом освещалась теоретиками гражданского процесса и административистами с различных точек зрения. Одни авторы утверждают, что нотариальное законодательство является составной частью административного законодательства, в частности административного процессуального, другие полагают, что нотариально-процессуальные нормы являются подотраслью гражданско-процессуального права.

Представляется неправильным отнесение нотариата к административным органам, а законодательства, регулирующего его деятельность, - к административному законодательству. Административные органы, являясь составной частью механизма исполнительной власти, призваны осуществлять особый вид государственной деятельности - исполнительно-распорядительную, специфика которой состоит в практическом исполнении требований законов и других нормативных актов в процессе руководства хозяйством и культурой (3, с. 12). Очевидно, что органы юстиции, и в частности нотариат, подобных задач не выполняют, поскольку являются не исполнительно-распорядительными, а правоохранительными органами и осуществляют деятельность по охране права от нарушений, по защите прав, а также по предупреждению правонарушений.

Если целью исполнительно-распорядительной деятельности является реализация функции государст-

венного управления, т. е. определение или установление статуса субъектов права, то целью деятельности нотариата, как отмечалось выше, является защита и охрана существующих субъективных прав и охраняемых законом интересов. Различны также и результаты административной и нотариальной деятельности. В первом случае результатом выступает управленческое решение, которым один субъект (управляющий) предписывает что-либо другому субъекту (управляемому), а во втором - нотариальный акт как разновидность правоприменительного акта, официально подтверждающего уже объективно существующие субъективные права и обязанности. Таким образом, имеются теоретические основания согласиться с тем, что нотариально-процессуальные нормы являются подотраслью гражданского процессуального права.

Анализ законодательства о нотариате, его правоохранительной природы свидетельствует о специфической дифференциации правового регулирования в сфере юстиции, генетических связях в природе и правовой форме деятельности органов правосудия и нотариата. Подобно тому, как гражданско-правовой метод регулирования распространяется (с некоторыми особенностями) на ряд отпочковавшихся от гражданского права совершенно самостоятельных сегодня отраслей (семейное, трудовое, хозяйственное право и т.д.), так и гражданско-процессуальное регулирование способствует появлению новых процессуальных отраслей, регулирующих деятельность несудебных органов гражданской юрисдикции. Функциональная направленность процессуальных норм, устанавливающих порядок деятельности юрисдикционных органов по защите и охране гражданских прав, справедливо рассматривается М.К. Юковым как основание для объединения всей совокупности этих норм в единую "семью", в составе которой гражданское процессуальное право является фундаментальной отраслью (7, с. 15, 16).

Действительно, в процессе становления и развития современной системы органов гражданской юрисдикции (суда, арбитража, нотариата), деятельность которых тесно взаимосвязана, чем обеспечивается всесторонняя и эффективная охрана и защита субъективных гражданских прав физических и юридических лиц, сложилась новая система цивилистических процессуальных отраслей. В нее входят: собственно гражданское процес-

суальное право, регулирующие отношения, возникающие при осуществлении правосудия по гражданским делам; арбитражное процессуальное право, предметом которого является рассмотрение дел в арбитражном суде; нотариальное процессуальное право, регламентирующее процессуальную деятельность нотариата. Тот факт, что в настоящее время проводится работа по созданию законов об исполнительном производстве и о государственной исполнительной службе, дает основание полагать, что с их принятием в эту систему войдет и исполнительный процесс, регулирующий деятельность нового органа в системе юстиции - государственной исполнительной службы.

Сформулированные научные выводы о природе нотариата и отраслевой принадлежности правовых норм, регулирующих нотариальное производство, могут быть основанием для обнаружения иных подходов к обновлению и систематизации нотариального законодательства, формированию в его массиве блока процессуальных норм, предусматривающих гарантии осуществления нотариальных функций, деятельность органов нотариата и участников нотариального процесса, что имеет принципиальное значение и для дальнейшего законодательного закрепления конструкции нотариата латинской школы, на что (при всей его непоследовательности) направлено и действующее ныне законодательство (4, с. 15).

Список литературы: 1. Аргунов В.Н. Каким быть нотариату в России? // Вестник МГУ: Сер. II: Право. - 1994. - № 2. 2. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. - М.: Юрид. лит., 1972. 3. Козлов Ю.М. Предмет советского административного права. - М.: Изд-во МГУ, 1967. 4. Комаров В.В. Новый Закон "О нотариате" // Бизнес-информ. - 1993. - № 42. 5. Объяснительная записка к проекту новой редакции Положения о нотариальной части: Ч. 1: Предисловие. - СПб, 1904. 6. Правила ведения нотариального деловодства // Бюл. законодательства і юридичної практики України: Законодавство України про нотаріат. - 1994. - № 6. - С. 305-329. 7. Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. - Свердловск, 1982.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ПРИЗНАНИИ ГРАЖДАНИНА ОГРАНИЧЕННО ДЕЕСПОСОБНЫМ ИЛИ НЕДЕЕСПОСОБНЫМ

Согласно ст. 15 ГК Украины гражданин, который вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами ставит себя и свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности. Статья 16 ГК предусматривает, что гражданин, который вследствие душевной болезни или слабоумия не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным.

Процессуальный порядок рассмотрения этих дел установлен гл. 34 ГПК Украины. Он предусматривает гарантии незаконного и необоснованного ограничений правовых свобод граждан. Глава 34 ГПК регулирует рассмотрение дел о признании граждан ограниченно дееспособными, рассмотрение дел о признании граждан недееспособными, отмену ограничения в дееспособности или восстановление гражданина в дееспособности.

Дело о признании гражданина ограничено дееспособным вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами или недееспособным вследствие психической болезни или слабоумия может быть начато по заявлению членов его семьи, профсоюзов и других общественных организаций, прокурора, органов опеки и попечительства, психиатрического лечебного заведения (ст. 256 ГПК). Содержание данной нормы свидетельствует о том, что перечень лиц, уполномоченных возбуждать эти дела, носит исчерпывающий характер и расширительному толкованию не подлежит. Поэтому, когда заявление подано иными лицами, судья, руководствуясь п. 1 ст. 136 ГПК, должен отказать в принятии заявления.

Заявление о признании гражданина ограничено дееспособным или недееспособным подается в суд по месту жительства этого гражданина, а если он находится на излечении в психиатрическом лечебном заведении, - по месту нахождения того заведения (ст. 256 ГПК). В заявлении, помимо общих реквизитов, предусмотренных

в ст. 137 ГПК, должны быть изложены и другие обстоятельства. Так, в заявлении о признании гражданина ограниченно дееспособным следует изложить обстоятельства, подтверждающие действия, вследствие которых гражданин, злоупотребляющий спиртными напитками или наркотическими веществами, ставит себя и свою семью в тяжелое материальное положение. В заявлении о признании гражданина недееспособным должны быть изложены обстоятельства, подтверждающие психическую болезнь или слабоумие, вследствие чего лицо не может понимать значение своих действий или руководить ими. Несоблюдение этих требований может повлечь оставление заявления без движения на основании ст. 139 ГПК.

Подготовка дела о признании лица ограничено дееспособным состоит прежде всего в истребовании доказательств. Так, должны быть выявлены свидетели, которые могут дать показания о поведении лица, в отношении которого подано заявление об ограничении в дееспособности, в быту, общественных местах, истребованы документы о его заработке и количестве членов семьи. Если есть решение товарищеских судов, постановления общественных организаций или акты органов милиции, характеризующие поведение лица, злоупотребляющего спиртными напитками, то их следует приобщить к делу. Согласно ст. 258 ГПК судья в порядке подготовки дела о признании гражданина недееспособным при наличии достаточных данных о психической болезни или слабоумии последнего назначает для определения его психического состояния судебно-психиатрическую экспертизу. Представляется, под достаточными данными о психической болезни или слабоумии следует понимать документы различных лечебных учреждений, подтверждающие наличие у гражданина душевной болезни, нахождение его на специальном учете, акты и заявления, подтверждающие совершение им проступков, не свойственных психически нормальному человеку. Нельзя допускать назначение такой экспертизы только лишь на основании заявления о возбуждении дела без достаточно обоснованных предположений о наличии у гражданина душевной болезни.

При подготовке к судебному разбирательству дел о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным судья должен выявить и круг всех заин-

тересованных лиц. Кроме заявителей, к участию в деле о признании лица ограниченно дееспособным или недееспособным привлекаются заинтересованные лица и в первую очередь гражданин, в отношении которого будет решаться вопрос об ограничении его в дееспособности или признании недееспособными. Суд рассматривает такие дела также с обязательным участием представителя органов опеки и попечительства.

В ходе судебного разбирательства дела о признании гражданина ограниченно дееспособным суд должен выяснить, действительно ли гражданин злоупотребляет спиртными напитками или наркотическими веществами и ставит ли он в связи с этим свою семью в тяжелое материальное положение. Установление только одного факта злоупотребления гражданином спиртными напитками или наркотическими веществами не должно приводить к выводу о необходимости ограничения его в дееспособности. Ограничение в дееспособности допускается лишь в случае, когда в результате такого злоупотребления гражданин и его семья ставятся в тяжелое материальное положение.

В стадии судебного разбирательства дела о признании гражданина недееспособным суд должен выяснить, действительно ли гражданин страдает психическим заболеванием, понимает ли он значение своих действий и может ли руководить ими.

В судебной практике возникает вопрос о возможности применения в судебном заседании по данным категориям дел института замены ненадлежащей стороны надлежащей. Если заявление подано ненадлежащим заявителем, то судья отказывает в его принятии согласно п. 1 ст. 136 ГПК. А как быть, если это обстоятельство выяснилось в судебном заседании? Пленум Верховного Суда Украины разъяснил, что если во время рассмотрения дела будет установлено, что заявление подано неуполномоченным лицом, суд должен, не прекращая производства по делу, обсудить вопрос о замене ненадлежащего заявителя надлежащим, исходя из требований ст. 105 ГПК (1, с. 47).

В юридической литературе отрицается возможность использования института замены ненадлежащей стороны в делах о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным, поскольку это инсти-

тут искового производства. Данные возражения, по мнению автора данной статьи, необоснованны и не содействуют эффективной защите прав и законных интересов граждан. Статьи 105 ГПК может применяться, но с некоторыми особенностями: замена возможна при согласии надлежащего заявителя вступить в процесс. Согласие ненадлежащего заявителя на выбытие из него как юридически незаинтересованного лица необязательно, поскольку оно не может иметь юридического значения в силу ч. 1 ст. 256 ГПК. Прекратить производство по делу суд должен только в случае отказа надлежащего заявителя от вступления в процесс.

Рассмотрев дело о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным, суд постановляет решение. В резолютивной части решения о признании гражданина ограниченно дееспособным указывается о признании гражданина ограниченно дееспособным или об отказе в удовлетворении заявленных об этом требований. Решение суда после вступления его в законную силу направляется органу опеки и попечительства и является основанием для назначения ограниченно дееспособному попечителя, а признанного недееспособным - опекуна (ст. 260 ГПК).

Судебная практика сталкивается с вопросом, есть ли необходимость в резолютивной части судебного решения указывать, в чем конкретно должно выражаться ограничение в дееспособности. Некоторые авторы рекомендуют указывать в судебном решении на запрещения совершать сделки по распоряжению имуществом, получать заработную плату, пенсию или иные виды доходов и распоряжаться ими. Другие полагают, что такие рекомендации, наоборот, могут привести к затруднениям в исполнении решений и потому в резолютивной части решения следует указать только об ограничении гражданина в дееспособности. Решить эту проблему можно только с учетом интерпретации требований, предъявляемых к судебному решению как акту правосудия по делам о признании гражданина ограниченно дееспособным.

Суть поставленной научно-практической проблемы сводится к правильной формулировке резолютивной части решения с учетом требования его ясности как самостоятельного требования наряду с законностью, обоснованностью, полнотой и др.

Как представляется, с целью соблюдения требования ясности судебного решения достаточно привести формулу ст. 15 ГК, которая в целом раскрывает содержание ограничения дееспособности. Вместе с тем иногда необходимо в целях исполнимости решения конкретизировать ограничения по заключению определенных сделок гражданином, признанным ограниченно дееспособным. Так, некоторые сделки требуют нотариального подтверждения (купля-продажа дома) или специальной регистрации (купля-продажа автомобиля). Поэтому при наличии таких объектов собственности у лица, признанного ограниченно дееспособным, в судебном решении необходимо указать на запрет заключать сделки по их поводу без согласия попечителя. Решение в данных случаях должно отсылаться органам, уполномоченным подтверждать заключение сделок или проводить регистрацию.

С учетом сказанного, целесообразно для формирования единой судебной практики внести соответствующие изменения в п. 6 постановления № 3 Пленума Верховного Суда Украины от 28.03.1972 г.

Гражданское процессуальное законодательство определяет порядок отмены ограничения дееспособности гражданина и восстановления его в дееспособности (ст. 256).

Пленум Верховного Суда Украины в постановлении № 3 от 28.03.1972 г., давая толкование законодательства, предусматривает, что вопрос об отмене ограничения дееспособности или о восстановлении в дееспособности рассматривается судом в отдельном деле. Это позволяет сделать вывод о самостоятельности данного производства.

Список литературы: 1. Про судову практику у справах про визнання громадянина обмежено дієздатним чи недієздатним: Постанова № 3 Пленуму Верховного Суду України від 28.03.1972 р. // 36. Постанов Пленуму Верхов. Суду України: Ч. 1. - Київ, 1995.

МИРОН ЙОСИПОВИЧ БАРУ

16 березня 1997 р. виповнюється 90 років від дня народження видатного вченого-юриста України Мирона Йосиповича Бару.

Трудову діяльність М.Й. Бару розпочав конторщиком суду. У 1925 р. вступив до Харківського інституту народного господарства на правовий факультет, який закінчив з відзнакою. Після проходження військової служби стає викладачем Харківського юридичного інституту, де захистив кандидатську і докторську дисертації. З жовтня 1941 р. обіймав посаду військового слідчого, а згодом – помічника військового прокурора Ленінградського фронту. В 1943 р. був відкликаний з лав Червоної Армії, повернувся до Харківського юридичного інституту, де і працює до цього часу професором.

М.Й. Бару – талановитий педагог і відомий учений у галузях цивільного та трудового права. Він опублікував понад 200 наукових праць, у числі яких монографії, підручники та наукові статті. Праці М.Й. Бару є вагомим внеском у юридичну науку. Загальновідомі його монографії “Регрессные обязательства в трудовом праве” та “Охрана трудовой чести по советскому законодательству”. Його роботи широко використовуються в законотворчій та правозастосовній практиці.

Під його керівництвом та за його науковими консультаціями було захищено ряд кандидатських та докторських дисертацій. Протягом багатьох років М.Й. Бару є членом спеціалізованих Рад по присудженню наукового ступеня кандидата і доктора юридичних наук.

М.Й. Бару – чесна, скромна, сумлінна людина, яка віддає свій досвід та сили розвитку юридичної науки України, користується авторитетом та повагою в колективі.

*Редколегія збірника щиро вітає
Мирона Йосиповича і бажає йому
міцного здоров'я та нових творчих
успіхів.*